

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134—241X

# Следопыт

7 '86

*Главные рубрики журнала:*

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

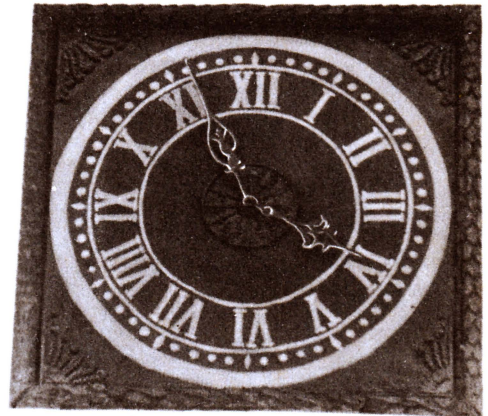


Тюмени,  
первому русскому  
городу в Сибири  
— 400 лет.





# Часы прошлого, часы будущего...



В 1848 ГОДУ РАБОЧИЙ С ЧЕРМОЗСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА ЕГОР ЕПИШКИН УСТАНОВИЛ НА ГОРОДСКОМ СОБОРЕ КУРАНТЫ. НА ФАСАДЕ ЧЕРМОЗЦЫ УВИДЕЛИ ДВА ЦИФЕРБЛАТА. НА ПЕРВОМ СТРЕЛКИ ОТСЧИТЫВАЛИ МИНУТЫ И ЧАСЫ, НА ВТОРОМ — УКАЗЫВАЛИ ЧИСЛО И МЕСЯЦ.

ИЗ СПЕЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА НА ВТОРОМ ЦИФЕРБЛАТЕ ПОЯВЛЯЛАСЬ НАРИСОВАННАЯ НА ВРАЩАЮЩЕМСЯ КРУГЕ ЛУНА. СЕРПИК ЕЕ УКАЗЫВАЛ НА ФАЗУ НАШЕЙ НЕБЕСНОЙ СОСЕДКИ. КАЖДЫЕ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА — УДАР КОЛОКОЛА, КАЖДЫЙ ЧАС КУРАНТЫ ИГРАЛИ МЕЛОДИЮ.

УЖЕ В НАШЕ ВРЕМЯ ЗА МЕХАНИЗМОМ УХАЖИВАЛ ДАНИЛА ДАНИЛОВИЧ АРХИПОВ. КОГДА ОН УМЕР, ЭТА ОБЯЗАННОСТЬ ПЕРЕШЛА К ЕГО ПЛЕМЯННИКУ ГРИГОРИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ АРХИПОВУ. СВЫШЕ СТА ЛЕТ СЛУЖИЛИ УРАЛЬСКОМУ ГОРОДУ ЧЕРМОЗУ КУРАНТЫ. А ПОТОМ МЕХАНИЗМ ОКОНЧАТЕЛЬНО ИЗНОСИЛСЯ.

ОТРЕМОНТИРОВАТЬ ЕГО ВЗЯЛСЯ АЛЕКСЕЙ ЕФИМОВИЧ БЕКЛЕМЫШЕВ. ПЕНСИОНЕР, БЫВШИЙ МАСТЕР РЕМОНТА МАСТЕРСКИХ. КОЕ-ЧТО В КОНСТРУКЦИИ ТРЕБОВАЛОСЬ ИЗМЕНИТЬ. ПОТОМУ ЧТО НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ ПРИШЛИ В ПОЛНУЮ НЕГОДНОСТЬ. БЕКЛЕМЫШЕВ СМОНТИРОВАЛ СОВРЕМЕННЫЙ РЕДУКТОР, ОСНОВАТЕЛЬНО ПОЧИСТИЛ ЦЕПЬ БЛОКИ И ШЕСТЕРНИ, И КУРАНТЫ СНОВА ЗАРАБОТАЛИ.

ТЕПЕРЬ КАЖДОЕ УТРО АЛЕКСЕЙ ЕФИМОВИЧ ИДЕТ К КУРАНТАМ, ЗАВОДИТ СТАРИННЫЙ МЕХАНИЗМ. НЫНЕШНИЙ ЗАБОТНИК УВЕРЕН, ЧТО НОВОЙ ПОЛОМКИ ЕЩЕ НА СТО ЛЕТ ВПЕРЕД НЕ ПРЕДВИДИТСЯ.

В. ЗАПОЛЬСКИХ

Снимки автора



УРАЛЬСКИЙ

# Следопыт



# 7 '86

ЛИТЕРАТУРНО-  
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ  
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЖУРНАЛ  
ДЛЯ ДЕТЕЙ  
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА  
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР  
СВЕРДЛОВСКОЙ  
ПИСАТЕЛЬСКОЙ  
ОРГАНИЗАЦИИ  
И СВЕРДЛОВСКОГО  
ОБКОМА ВЛКСМ

## В НОМЕРЕ:

- 2/ Б. Галязимов; Б. Сулейманов, Н. Шамсутдинов  
БЕЛЫМ БЕЛА И В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ РОССИЯ... Стихи
- 4/ И. Давыдов  
СУТЬ ДЕЛА
- 8/ В. Зуев  
ВОЗВРАЩЕНИЕ К МАТЕРИ. Рассказ
- 21/ Я. Андреев  
ЧЕТЫРЕЖДЫ НЕВСКИЙ
- 22/ С. Шумков  
МУЖЕСТВО ВЫСШЕЙ ПРОБЫ
- 24/ В. Сорокин  
ЧЕРЕЗ ГОДЫ. Стихи
- 26/ Л. Ефимов  
УРОКИ КАТАСТРОФ
- 32/ Н. Паромова  
НА ХОЛСТАХ — ИСТОРИЯ
- 33/ В. Крапивин  
ТОПОЛИНАЯ РУБАШКА. Повесть. Окончание
- 55/ Р. Арбитман  
ФАНТАСТИКА И ЧИТАТЕЛЬ
- 58/ В. Клепиков  
МАТЬ ГОРОДОВ СИБИРСКИХ
- 61/ Д. Копылов, В. Ретунский  
ОТКРЫТИЕ ВЕКА
- 63/ В. Ефремов  
ОДНОЗВУЧНО ГРЕМИТ КОЛОКОЛЬЧИК...
- 64/ В. Васильев  
ТЮМЕНСКИЕ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛИ
- 65/ Г. Паншина  
КОГО РИСОВАЛ А. С. ПУШКИН!
- 69/ В. Пашин  
БЕСТСЕЛЛЕР ПРОШЛОГО ВЕКА
- 70/ А. Мосин  
ПОЧЕМУ — АТОС, ПОРТΟΣ И АРАМИС!..
- 72/ Н. Семченко  
АПТЕКА ДЕРСУ УЗАЛА
- 76/ НЕЗНАНИЕ ИЛИ СЛУЖЕБНАЯ ХАЛАТНОСТЬ!
- 77/ МИР НА ЛАДОНИ
- 78/ Ю. Борисихин  
МЫС ДЕЖНЕВА: БОГАТЫРСТВО РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ  
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК  
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ  
КНИЖНОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки рисунок Ю. Буданова





Тюмени  
400 лет

# Белым-бела

## Борис ГАЛЯЗИМОВ

\*\*\*

До чего ж далеки  
Годы юности пятидесятые,  
Словно ветер стокрылый  
их в белую небыль унес.

У Оби у реки  
Мял снега я в те поры с ребятами,  
В шалаше из лапчатника  
зиму трескучую мерз.

Кто из нас тогда знал,  
Что весь труд — не для ветра?  
(Принимаю на душу  
лиць только теперь этот грех.)  
Если б кто-то сказал,  
Что здесь вышку однажды

мы встретим,  
То такого бы чудика тотчас  
подняли на смех.

Просто шли мы тайгой,  
Свой маршрут помечая вешками.  
Рыжекудрых топограф нас  
крепким словом костерил,

Рядом с зыбкой тропой,  
Где блажили косматые лешие,  
Наш отрядный запас  
безберложный Потап потрошил.

С храпом громким,  
прошитый голодными токами,  
Он кромсал рюкзаки, жамкал гречку  
и соль, старый пест.

А вот банки с тушенкой  
И сладкой тягучей сгущенкою  
Смял в лепешку, как будто бы  
сунул под пресс...

...Я недавно опять заглянул  
в свою юность  
И увидел бурвышки стальную  
и гордую стать.

Нечем стало дышать  
И слеза на глазо навернулась —  
Мои чувства, я знаю,  
не каждый в силах понять.

Может, несколько строк  
В запыленных делах экспедиции  
О приеме меня топрабочим  
не сыщешь уже.

След тех дней все ж глубок,  
Не дает он забыться мне.  
Слишком яркой строкою то время  
прошлое по душе.

## САМОТЛОРСКАЯ СВАДЬБА

Распахнул горизонт объятия,  
Ветер марта под стать свинцу.  
Молодая рабочая свадьба  
По бетонному жетит кольцу.

Справа, слева туманы виснут:  
Крут у топей с морозами спор.  
Огибает дорога жизни  
Сердце-озеро — Самотлор.  
Но таков уж обычай местный:  
Перед тем, как создать семью,  
Навещают жених и невеста  
Знаменитую трассу свою,  
Средь урманов глухих рожденную,  
Где погиб — не подай руки.  
И ложатся на холод бетона  
Ветки кедров — букет тайги.  
А сквозь воздух,  
до ломкого стылый,  
Как гармоник стобасых хор:  
Молодых напутствуют ЗИЛы,  
Их приветствует Самотлор!

\*\*\*

И комар тоже разный бывает...  
Южный вял, словно лень ему жить.  
Сел, принохался и выбира-а-ает,  
От которого места вкусить.  
Наш, тюменский?..

О, этот не киснет!  
Наш секунды не пустит в расход!  
Шприц стальной поначалу втиснет,  
А потом на посадку гудет.  
По весне —

задымят лишь проталинки,  
Снег раскиснет и станет рыжить —  
Встретишь модниц,  
и те в накомарниках —  
В нашей северной парандже.  
Нет, не рай у нас даже летом.  
Комарья — на сто верст от земли!  
Но кафе, что в поселке Светлом,  
Все ж «Комариком» нарекли.

\*\*\*

Белым-бела и в летний день Россия,  
Страна благих трудов

и мирных грез.  
В ее ветрах тугих и реках синих  
Полощут косы выводки берез,  
У каждой у державы есть  
свой символ —

То месяц, а то конь  
на всем скаку...

А я своей судьбы, моей России,  
Представить без березки не могу.  
Березка — тень в страду, тепло —  
по зимам,

Изба в резьбе и в росписи дуга.  
Березка соком раненых поила,  
Была прикладом грозным для врага.  
Пока ладони наши пахнут ситным,  
Пока трава в дыму от светлых рос,  
Жива и будет жить моя Россия,  
А вместе с ней и шум ее берез.

## Булат СУЛЕЙМАНОВ

### МОНОЛОГ СТРОИТЕЛЯ

Я помню:  
Полдень,  
вялая река,  
Измазанные мокрые ладони...  
И отточеским  
замкам из песка  
Явилось продолжение в бетоне.  
Я возводил дома,  
мои года  
Прошли в лесах  
строительных окраин.

Где  
расправляли крылья города  
И шли в зенит строительные краны.  
Я прохожу по новым городам,  
Чьи улицы — посадочные полосы  
Горячим и отзывчивым сердцам...  
(Уже посеребрило время волосы.)  
Светло горят в строительной ночи  
Те улицы.

Дома стоят, как братья.  
Усталые, литые кирпичи  
Еще хранят руки моей пожатья.

### ЗОВУЩИЕ СТРУНЫ

Влекущие струны  
Горячих ковыльных ветров.  
Гортанные песни...  
Мелодии мира?  
Атаки?  
Горят перед взором  
Стоянки скуластых костров.  
Далекie предки...  
Польные скифы?  
Кипчаки?  
Протяжные песни  
Печальны, как версты в степи.  
Плывут косяки —  
Только пыль над ковыльною ленью.  
Земля моя — дом.  
Как окно, ее небо слепит,  
Горит надо мною  
Сквозь пеструю вязь поколений.  
Замру на мгновенье,  
Замру потрясенный, без слов.  
Родимая степь,  
Я раздумье твое не нарушу.  
Зовущие струны  
Горячих ковыльных ветров  
Идут через душу,  
Гудят  
И растут через душу.

Перевел с сибирско-татарского  
Н. ШАМСУТДИНОВ



# И В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ РОССИЯ...

**Николай  
ШАМСУТДИНОВ**

## ПОКОРИТЕЛЬ В ТУНДРЕ

*Песец нада. Рыбка нада. Хорошо будем платить. Спирт есть. Водка есть. Нада песец. Шкурка два-три...*

А. ГОЛЬД. Полярные встречи

Взревел мотор...  
Ознобно лязгнув, траки  
Застыли за стеною.  
Визг собаки  
В сознание впился.  
Подминая шум,  
Лицо задернув беглою улыбкой,  
Целенаправлен —  
«Есть песец? Есть рыбка?» —  
Он входит в чум.  
Он,  
Вскормленник прогресса,  
покоритель,  
Точнее — тривиальный потребитель,  
По жизни, как по кроткой тундре,  
Прет.  
Здоровьем дышет,  
Оптимизмом дышит,  
В одном не сомневаясь:  
«Тундра спишет»...

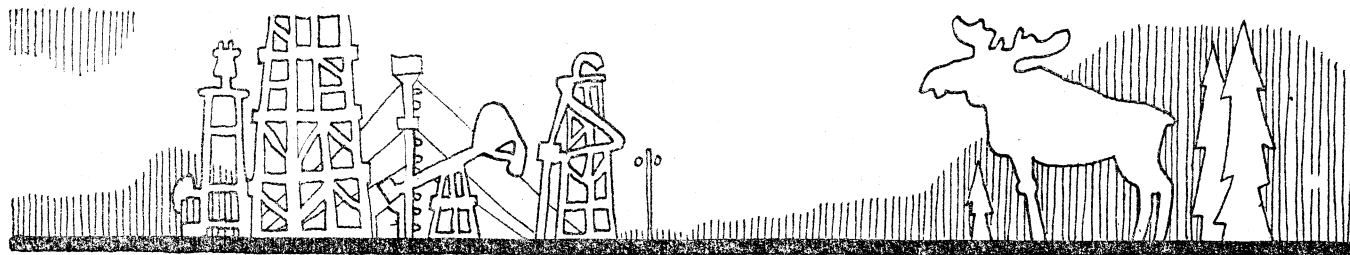
А коли так — нахрапистой берет.  
Дорогою,  
В ложке заметив лося,  
Рванувши рычаги,  
С азартной злостью,  
Он бросил вездеход за лосем вслед,  
Хоть знал,  
кромсая ягельник и травы,  
Что гусеничный страшный след  
потравы  
Залижет тундра  
Через двадцать лет.  
Он бровью не повел,  
втянув под траки

Комочек вполосненной  
куропатки,—  
Ее — пушком над тундрой размело.  
...Он входит в чум:  
«Давай песец и рыбка!»  
Бессильна  
Заскорузлая улыбка  
Скрыть алчное, вспотевшее мурло:  
«Давай песец и рыбка!»  
Несомненно,  
В нем, продираясь, багровеют гены  
Нахала, прохиндея, торгаша.  
Он, оскверняя и леса, и воды,—  
Враг скудной,  
Замордованной природы.  
Скукожилась несчастная душа.  
Но сединою прорастая в вечер,  
Хозяин поднимается навстречу,  
Как будто тундру засланил собой.  
Весь в пляшущих багряных бликах,  
Смуглый,  
Готовит чай, помешивая угли.  
Согбенная,  
В спине мигает боль.  
Старик мой таганок с огня снимает,  
По кружкам чай неспешно разливая,  
Обдумывая вечное, свое...  
И в каждом жесте  
Проступает мудро  
Достоинство,  
Воспитанное тундрой,  
Эпическим величием ее.  
Все, чем богата строгая природа,  
Здесь воплотилось генотипом рода  
Охотников, табунчиков...  
Они,  
Сознанием объемля мирозданье  
Как вечное пространство  
для класня,

До моря  
Пронесли огни свои.  
Все сдюжили, умея притерпеться  
К морозам и нужде,  
Не тратя сердца  
На злобу и корысть...  
В снегах седых

Учились не смиренью,  
а терпенью,  
И прочно уложились в поколеньях  
Их убеждения  
И заветы их...  
Став частью  
величавого пространства,  
Старик вобрал его в себя,  
Пристрастно  
От шкурников храня,  
в конце концов...  
И он глядит  
с презрением и болью,  
Как пляшет перед ним —  
в поту —  
Чужое,  
Ограбленное жадностью лицо.  
Глядит...  
Понять ли прохиндея хочет?  
Хотя все чаще,  
чаще сердца ропшет,  
Ведь с каждой потравою спеклось.  
И алчное —  
«Давай песец и рыбка!» —  
Размывшее фальшивую улыбку,  
Молчаньем  
В старике отозвалось.  
И данник мелкотравчатой  
страстишки  
Запнулся вдруг  
И понял, что он лишний  
В великой тундре, где комар поет,  
Где землю берегут,  
класную, строят,  
И он —  
ничтожной комара —  
не стоит  
Внимания  
И чуткости ее...

Рисунки Л. Анциферовой







И. ДАВИДОВ

Рисунки О. Горячевой

# СУТЬ ДЕЛА

Кипящая сталь себя очищает — выносит мусор наверх, в шлак. Опытный сталевар всегда прискажет: «Вари хороший шлак — сталь сама сварится!»

«Хороший» — значит уносящий из шихты все, что не есть сталь.

Не по такому ли принципу великий Микеланджело создавал свои бессмертные творения — удалял из глыбы мрамора все, что не есть скульптура?

Параллель эту Юрий Смирнов уловил юношей, когда постигал суть сталеплавильного дела. И хотелось ее видеть простой, ясной, даже красивой. Такой, которой стоило бы посвятить жизнь.

Когда любишь свое дело, видишь не только пользу его, но и его красоту, делаешь его десятки лет спокойно и с заглядом вперед, — результаты становятся очевидны всем окружающим.

Несколько крупных технических новшеств, заметно изменивших технологию в цехе.

Десятки рацпредложений, улучшающих условия сталеварского труда, экономящих время и средства.

Целая шеренга отличных мастеров сталеварения, которым передан и опыт предшественников, и свой собственный.

Звание Героя Социалистического Труда. Ордена и медали. Любовь, уважение и полное доверие товарищей.

Таковы самые общие результаты более чем сорокалетней работы старшего мастера мартеновских печей на Северском трубном заводе Юрия Александровича Смирнова.

Начиналась работа в тяжелое время, военное. Полеской райком комсомола мобилизовал в северскую школу ФЗО юного «слесаренка»-инструментальщика с машиностроительного завода, эвакуированного из столицы. За полгода ученичества Юра Смирнов уже привык к слесарному делу и в школе ФЗО тоже пожелал учиться на слесаря.

— Советую в сталевары, — сказал старший мастер Панасовский.

— Не знаю ничего об этой профессии, — возразил Юра.

— Разберетесь! Парень грамотный — почти семь классов! Сложная профессия! Сами процессы сложные. Грамота нужна!

Рядом с Юрой шли в школу ФЗО деревенские ребята с тремя классами, с четырьмя. Он был грамотней других. И сильнее.

Панасовский дал время подумать.

Поначалу Юре жаль было своей уютной «инструменталки» с тихими и грамотными москвичами, которые все сокрушались, что станков в цехе больше, чем людей. За полгода москвичи научили Юру работать и на токарном станке, и на фрезерном, и на строгальном. Лишь на шлифовальном не успели... А станки эти создавали и ремонтировали инструмент для производства снарядов.

Учеба сулила жизнь незнакомую и непонятную, путь неведомый, но ведь вводящий к самым истокам рождения пушек, снарядов.

Подумавшись об отце — топографе и лесоводе, — который воюет на западе, о брате Николае, который до-

бровольно ушел в армию из Свердловского пединститута. И само собой решилось: если предлагают делать главное в жизни, надо делать главное!

Группами мартеновцев руководили в школе ФЗО мастера Николай Васильевич Артемов и Василий Иванович Михайлов — в прошлом сталевары. Были они немалоды, побаливали, часто подменяли друг друга. Так Юрию и запомнилось — два руководителя, не один.

Месяц ученикам объясняли суть мартеновского процесса. Поняли не все, но дальнейшую учебу это не задержало. Парнишек привели в цех, показали «живые» печи, работу сталеваров и подручных. Ученики должны были помогать подручным. А их не хватало. На заправку печи магнитом шли сразу все подручные цеха. На выпуск стали — тоже сразу все. Сталь, главный металл войны, шла!

До войны в Северском работали две печи. В марте 1943-го пустили еще одну. Поговаривали, что и четвертый мартен для Северского уже спроектирован и проектировщики чуть ли не среди сталеваров ходят — примериваются, готовятся к сборке печи. Юрию очень хотелось поглядеть на людей, которые придумывают мартеновские печи. Но он еще и сталеваров в лицо не знал...

В немногие относительно свободные минуты между завалками шихты и выпуском стали Юрий разглядывал прежде всего печи. Они различались и возрастом, и характером. Первый мартен, задутый еще в 1929 году концессионерами-англичанами, считался «старичком», характер имел спокойный, неторопливый, стали давал меньше других и варил ее подолгу. Правда, сталь была хорошая. «Дышал» мартен тяжело — как и положено «старичку». Позже Юрий помог ему «дышать» — хоть ненадолго! — своим предложением.

Второй мартен, задутый в 1933 году лучшими ударниками завода, характер имел боевой. Выдерживал высокие тепловые нагрузки, сталь варил быстрее первого, да и больше — как бы сам себя торопил. Но в этой спешке и у хорошего сталевара мог «промахнуться» — выдать не совсем тот металл, что был заказан. Конечно, всякая сталь нужна, всякой находилось применение. Но какое-то срочное дело могло задержаться из-за отсутствия нужной стали.

Характер третьего мартена еще изучался. Печь была совсем молодая. Но стали уже давала больше других и быстрее.

Разглядывал печи, Юрий стал присматриваться к сталеварам. Харлампий Сергеевич Стихин и Глеб Степанович Карягин вели себя возле печей спокойно, солидно, не суетились, и печи слушались их, как лошади, чувствующие твердую руку хозяина. Ипполит Тимофеевич Караванов характер имел спокойный, и печь словно подлаживалась к нему, подкидывая неожиданные и сложные задачи. Решал их Караванов верно — сталь давал! — но, решая, суетился. Не было спокойствия в его смену. Сам уставал и подручных выматывал.

Обер-мастер Николай Петрович Белоусов, тоже совсем недавний сталевар, направил Юрия в смену Алек-



сандра Михайловича Ползунова. Но потом смены для Юрия спутались, ибо ученики ФЗО работали по восемь часов, а сталевары — по двенадцать. Так что по всем сменам кочевали... А Белоусова, который душевно встретил новичков, Юрий для себя выделил. Худощавый, высокий, светловолосый, всегда говорил негромко. Даже ругал негромко. Этой сдержанности Юрий решил научиться.

В июне сорок четвертого он пришел в мартеновский цех уже полноправным первым подручным. Кончилась учеба!

Едва стукнуло шестнадцать — через месяц! — Юрия поставили сталеваром на второй мартен. Начальник смены Ползунов было возмущен:

— Пацанов — в сталевары?..

— Тоже люди, — ответили ему, — и умеют кое-что.

Ползунов промолчал и стал приглядываться к работе Юрия. Быстро выяснил, что вот только-только погиб на Брянщине его отец. И уже через два месяца начал Юрия похваливать.

В это же время подошел к Юрию и проектировщик, очень интересовавшийся, как идет в новых руках новая мартеновская печь. Звали проектировщика Василий Николаевич Танцырев, руководил он сталеплавильным отделом Уралгипромеца, и в цехе Юрий часто видел его.

Подвижный, стремительный, темноглазый, Танцырев был настойчив, пытливым, остроумен, а вот указаний не давал.

Все вопросы, вопросы...

Однажды и Юрий его спросил:

— Что, Василий Николаевич, пятаю печку будете строить?

— Пятаю не будем. — Танцырев улыбнулся. —

А вот первые две перестроим. Для того из вас и тяну душу...

В следующем разговоре он признался:

— Вообще-то я всегда рассчитываю на сталевара молодого, грамотного, сообразительного.

Заметил Юрий в цехе и еще одного частого гостя, который, как и Танцырев, запросто и на равных общался со всем местным начальством. Звали этого гостя Александр Васильевич Бархатов. Был он высок, нетороплив в движениях, голову брил наголо. Интересовало его внедрение новых марок сталей. Он их в Северский и привозил. Анализы изучал пристально, порою прямо в печном пролете, приткнувшись у хорошо освещенных пультов.

Если Танцырев представлял в Северском проектный институт, то Бархатов — институт технологический: УралНИИЧермет. В войну он внедрял в Северском рес-

сорные стали и автоматную. Как и Танцырев, он был участником гражданской войны. Как и Танцырев, работал в этом цехе в первые пятилетки.

Про Танцырева сталевары рассказывали, что стажировка за рубежом, в Руре, близко познакомила его с Иваном Федоровичем Тевосяном — нынешним наркомом черной металлургии. Про Бархатова сталевары говорили, что беседовал он с самим Лениным — был членом нижегородской рабочей делегации, которую Ленин принял в Смольном, сразу после Октябрьской революции.

Юрий понимал, что жизнь привела его к людям редким, замечательным, мотал все на ус, старался запомнить побольше. Пригодится — и самому подумать, и детям когда-нибудь рассказать...

Мирное время началось... Не привезли угля — весь ушел на запад, в освобожденные районы, — погасло пламя в мартеновских печах.

А за всю войну ни минуты простоя не было...

Всего неделю мартены стояли холодными. Сталевары, что могли, подремонтировали. Ждали эшелон с углем.

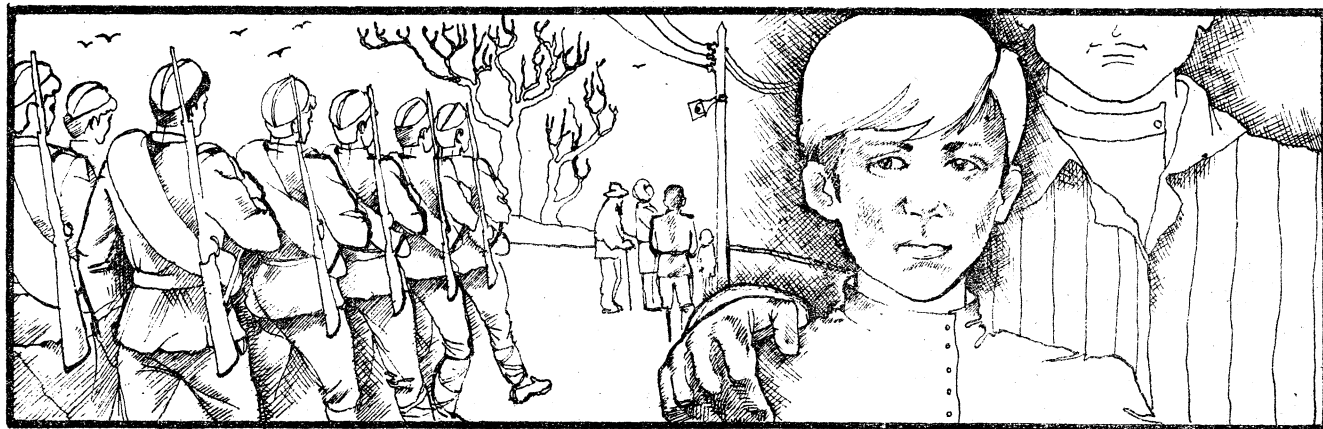
А когда он пришел — надо было наворачивать.

Скоростные плавки в Северском уже были — для фронта. Первыми послевоенными северскими скоростниками стали Садритдин Незаметдинов, Николай Урядин и Юрий Смирнов. В 1946 году, восемнадцатилетним, получил он медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». А в 1947 году провел школу передового опыта по скоростному сталеварению.

В период этих поисков очень пригодился Юрию метод, подсказанный поведением кипящей стали. Она выбрасывает в шлак все, что не есть сталь. Человек может убрать от цели все, что не есть цель. Выходить на самую суть дела!

Специальной литературы Юрий читал много и видел, что можно сократить время плавки путем усовершенствований. Но рассчитывать на них не приходилось — у завода не было средств. Их еще предстояло добыть удешевлением стали. Она в Северском обходилась очень дорого. Искать резервы удешевления оставалось в том, что подвластно сталевару, — в организации самой плавки.

Два-три часа отвоевал Смирнов точностью работы. Как правило, после неточной шихтовки приходилось плавку поправлять. Юрий исключил неточную шихтовку. Завалку шихты стал вести в стремительном темпе. Это потребовало дополнительных хлопот. Юрия они не остановили. Обычно, пробив выпускное отверстие, подручные отдыхают, курят, смотрят на льющуюся в ковш





сталь. Захватывающее зрелище! Может, самое прекрасное и величественное в мартене. Итог трудов и высокая награда за них. Однако, пока смотришь, — вместе со сталью утекает время. И, значит, исчезает другая сталь — несваренная.

— Загонишь себя, — «страдал» Юрия пожилой шихтовщик. — И ребят загонишь. Как это без перекуров робить?..

Юрий не спорил, но делал все по-своему.

Родившись в шестнадцать лет как сталевар, Юрий Смирнов в восемнадцать родился как новатор. Он стал лучшим сталеваром города.

Мастером назначили Смирнова двадцати четырех лет от роду.

Он не хотел выпускать из рук печь, не представлял себя без нее и, выслушав приказ, пошел снова варить сталь.

Тогда последовал новый приказ:

— Не допускать Смирнова к печи!

Походил Юрий по цеху, подумал. В конце концов и мастера становились к печам — в критические минуты. Практически, мастер — резервный сталевар на всю смену. Значит, не так и страшно — от печей не оторвешься. И для творчества возможностей побольше, а Юрий уже вкусил его пьянящие радости...

Сталевары в смене подобрались хорошие. С трудолюбивым и выносливым Садритдином Незаметдиновым он дружил. Какая у человека интуиция! По цвету пламени в печи, по оттенкам шлака, по каким-то своим внутренним часам Садритдин давал анализ плавки не хуже экспресс-лаборатории. И быстрее.

Были еще в смене Семен Мухаметдинов — скоростник военных лет, Николай и Ян Бабичи — не родственники, однофамильцы. Для коллектива из пяти человек трое скоростников-сталеваров — это успех. И потому никто не удивился, когда смена Смирнова стала прочно лидировать в цехе. Удивились позже, в 1955 году, когда на завод одновременно пришли две телеграммы от заместителя министра — директору Василию Григорьевичу Вершинину и мастеру Юрию Александровичу Смирнову. Телеграммы извещали, что по итогам работы Смирнову присвоено звание «Лучший мастер сталеплавильных цехов Министерства черной металлургии». Это в двадцать семь лет...

Вообще, тот год шел бурно. И под конец его Смирнова назначили старшим мастером мартеновских печей.

Он не хотел этого — как не хотел и уходить из сталеваров. Привык к своей смене, к полному пониманию — с полуслова, с полувзгляда.

Его вызвали к директору, и Василий Григорьевич Вершинин убеждал его самолично.

Слушал Смирнов молча и думал, что между ним и его сталеварами появится теперь другой мастер. Зато между ним и мартеновскими печами не будет теперь другого обера...

Это казалось заманчивым и открывало возможности помочь сталеварам с другой позиции — о ней раньше и не думалось.

Всплывал в памяти лысевенский опыт внедрения сжатого воздуха. День за днем, смена за сменой... Выкачивание шлака без «гребков», без каторжных усилий, без ручьев сталеварского пота... Вот когда та поездка акнулась!

Неужели и на северских мартенах удастся ликвидировать «гребки»? Ради одного этого стоит согласиться!

Пожалуй, если очистить суть от всего лишнего, — с должности обер-мастера удастся помочь сталеварам серьезно!

Став обер-мастером, Юрий Смирнов обрел власть над печами, но не над компрессорным хозяйством. Давление в заводской пневмосети не повысилось. Однако ведь можно его и перераспределить — властью обера!

При ближайшем горячем ремонте Смирнов распорядился перекрыть сжатый воздух по всем участкам мартена и сосредоточить его на одной печи. Взяв шланг, он лично и подчистую выдул остатки металла и шлака из мартена. Куда чище и быстрее, чем с помощью «гребков», которые на всякий случай лежали рядом!

Тяжелейшая в мартене ручная операция была ликвидирована — безо всяких капитальных затрат.

Компрессорное хозяйство потом развили. Перекрыть воздух на других участках перестали. Но это было потом...

Впрочем, и Юрий Смирнов потом начал сжатым воздухом не только «выкачивать» шлак, но и разравнивать магнетитовый порошок в мартене. И ликвидировал тем самым еще одну очень тяжелую ручную операцию.

Конечно, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Психологический поворот был длительней технического. Долго еще сталевары готовили к горячему ремонту не только сжатый воздух, но и «гребки». Через два года начали про них забывать. А меньше чем через три, к первому в стране Дню металлурга, Ю. А. Смирнова наградили орденом Трудового Красного Знамени.





В начале 60-х годов много уже было по Союзу сталеваров-скоростников. Но скоростные плавки, берегающие каждую минуту, чередовались с частыми и долгими ремонтами печей. Порой ремонты затягивались и «съедали» все, чего добивались сталевары своими рекордами.

Передовые мастера-сталеплавыльщики искали выход. В Нижнем Тагиле, на Уралвагонзаводе, мастер электропечи Степан Яковлевич Барин заменил огнеупорный кирпич пластической огнеупорной массой и повысил стойкость футеровки в сотни раз. В Серове настойчиво искал новые пути ремонта маргеновской подины старший мастер Геннадий Иванович Барышников. Почти параллельным с ним путем шел в Северском Юрий Александрович Смирнов. Обоим поиск привел к мелкому магнезиту — вместо крупного, которым привыкли пользоваться маргеновцы и о котором говорила вся специальная литература. А мелкий-то, оказалось, наваривается быстрее и дает более крепкую подину... Личными опытами проверили!

Через двадцать лет — в 1983 году — Смирнов довел это дело до логического конца — изобрел металлический коток для разравнивания магнезитового порошка в горячей печи. Время ремонта сократилось. Хорошо выровненный и уплотненный магнезит держится дольше.

То, что нашли в начале 60-х годов уральские мастера-сталеплавыльщики, разошлось по всей стране и дало столько дополнительной стали, сколько дал бы ее новый металлургический завод-гигант. Не случайно вскоре все трое — С. Я. Барин, Г. И. Барышников и Ю. А. Смирнов — стали Героями Социалистического Труда. Уральское сталеварение впервые выстраивало такую шеренгу действующих одновременно новаторов крупного размаха.

Нельзя не сказать и еще об одном значительном явлении, у истоков которого стоял Ю. Смирнов.

О почине северцев по коллективной моральной и материальной ответственности за трудовую дисциплину написано очень много, известно по всему Союзу, и последователей северского почина по стране уже не счесть. Впервые в России, а может, и в мире, рабочие добровольно отказывались от части своего трудового вознаграждения, если кто-нибудь из бригады или трудовой группы прогуливал, опаздывал на работу или нарушал общественный порядок. Даже и не в цехе...

Для человека с нормальной совестью, может, самое

тяжкое наказание — смотреть в глаза товарищам, которые ни в чем не виноваты, но оплатили твою вину за счет своих семей.

На том все и строилось — на совести! И не случайно почин этот родился в цехе, первым на заводе, еще в 1962 году, завоевавшем звание коллектива коммунистического труда.

Среди маргеновцев почин этот вызревал давно, а в печати первым рассказал о нем Ю. Смирнов — секретарь цехового партбюро — в статье «Северского рабочего» «Один за всех, все за одного!».

Инициаторами почина были сталевары Альберт Иванович Комаров, Александр Григорьевич Вершинин, Нестер Прокопьевич Тиунов, Василий Александрович Корочкин, бригадиры канавных В. И. Арестов, С. А. Кинжеев. В первый же год почти все маргеновцы присоединились к ним.

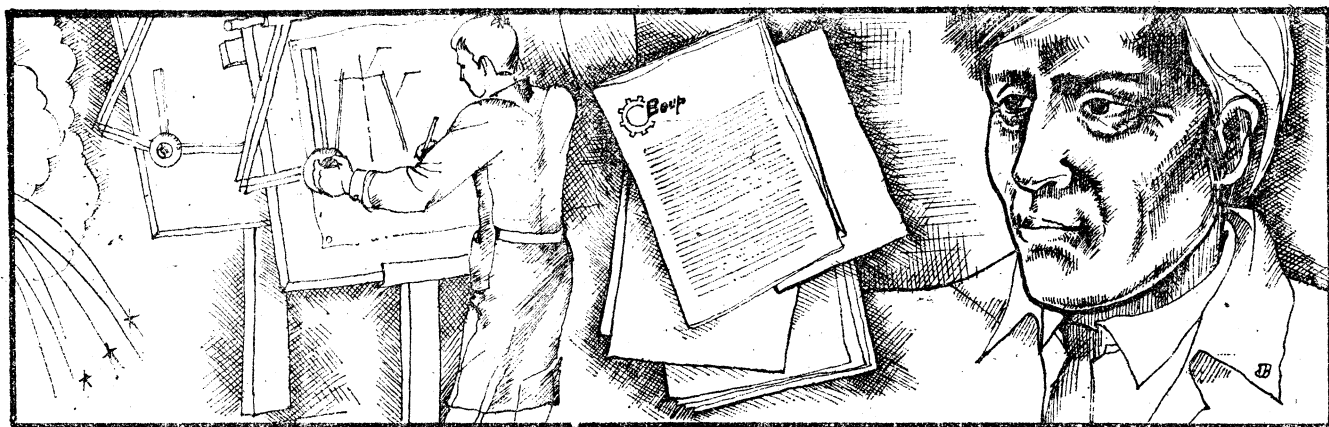
Итоги почина по Среднему Уралу подвел летом 1984 года первый секретарь Свердловского обкома КПСС, а ныне кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Борис Николаевич Ельцин.

«...А вот и результат, — писал он в «Уральском рабочем» 8 июля 1984 г., — на заводе потери рабочего времени от прогулов и опозданий в пятнадцать раз ниже, чем в целом по промышленности области. Разве это не пример для подражания?.. Сегодня инициативу северцев поддержало свыше 18 тысяч бригад, в которых занято более двухсот тысяч человек. Наибольшее распространение она получила в металлургической, химической, угольной промышленности, строительстве, на предприятиях стройматериалов».

Древние говорили: «Времена меняются, и мы меняемся в них». Сорок с лишним лет назад пришел в северский маргеновский цех один Юрий Смирнов, а сегодня в нем работает другой. Хотя по документам — тот же. Но разве мог ясноглазый, вихрастый выпускник ФЗО, в пятнадцать лет вставший к мартену, представить себя командиром всех печей цеха, всех сталеваров и мастеров, дипломированным специалистом, изучившим опыт множества металлургических заводов — от «Амурстали» на востоке до заводов «Хёш» в ФРГ, известным новатором, членом горкома партии, кавалером трех орденов и четырех медалей, Героем Труда, спокойным, неторопливым, умудренным?..

Парнишка позавидовал бы нынешнему Смирнову — ведь всего добился!

Нынешний Смирнов завидует парнишке — ведь все у него впереди!







# ВОЗВРАЩЕНИЕ К МАТЕРИ



Владимир ЗУЕВ

Рисунки Е. Охотникова

Скажи ему кто-нибудь раньше, вот ни за что не поверил бы, что будет так замирать сердце, когда поплывут мимо окна зеленые окраины родного города, улицы, сперва не замощенные, пыльные, как в деревне, потом булыжные и, наконец, широкие, одетые в асфальт, исчерканные трамвайными путями, опутанные проводами. Комок застрял в горле — ни проглотить, ни прокашлять, и стеснилось в груди.

Бросился навстречу и побежал рядом с вагоном перрон, каждая палатка на нем, каждая скамейка, ларек и строение, как бы здороваясь, показывали себя абсолютно прежними (в надписи «кубовая» и сейчас не хватало пропавшей куда-то буквы «о»), и Валерий почувствовал, будто он, потный и усталый, в знойный день медленно входит в прохладные воды с детства памятного Городского моря.

Это ощущение не покидало его, наоборот, все усиливалось, когда он шел подземным переходом, пересекал привокзальную площадь. Чтобы насладиться вполне, солдат не стал ждать нужного трамвая, а пошел пешком, благо легкий чемоданчик не обременял — он и куплен-то был в Кабуле скорее для форса. Валерий медленно, вразвалочку шагал по знакомым тротуарам и бульварам, растроганно вникая в красочный и шумный мир непозабываемых улиц. Встречные, особенно молодые, откровенно пялились на статного широкоплечего десантника в синем берете, защитной форме и сапогах, щегольски смятых в гармошку, с экзотическим волосатым чемоданчиком в руке. И эти неравнодушные взгляды еще больше будоражили Валерия.

А вот и дом родной — краснокирпичное многоэтажное здание в виде башни со шпилем. Оно — такое — единственное в Городе, и Валерий, будучи помоложе, втайне гордился этим. Он остановился, оглядел свое жилище от входа до лучащейся иглы, кинул взоры окрест. И увидел — ближайший перекресток переходила женщина в цветастом сарафане и с бидоном в руке. У Валерия екнуло и как бы приостановилось на миг сер-

дце — эту летящую походку (быстрый шаг, тело наклонено вперед, будто вот-вот женщина сорвется в бег) спутать с другой невозможно: так ходит только одна женщина на свете — его мать.

Переходя перекресток, она бросала влево-вправо быстрые бдительные взгляды, и при каждом повороте головы слегка вздрагивала ее льняная, закурчавленная плойкой прическа. Вдруг мать взглянула в его сторону, приложила ладошку козырьком ко лбу и, опустив руку, понеслась прямо перед носом набежавшего «рафика». Раздался визг тормозов, шофер, высунувшись из кабины, закрутил кулаками и наверняка сыпанул соленым словом, но она даже не оглянулась — выскочила на тротуар и, расплескивая квас, устремилась к сыну так резво, будто сдавала на ГТО. Валерий нерешительно топтался возле своего волосатого чемодана, не зная, что делать: стоять, когда она бежит, вроде неприлично, а кинуться к ней — неудобно, не та у него натура. Поколебавшись, взял в руку чемодан и пошел матери навстречу.

Она с налета повисла у него на шее и принялась истоиво обцеловывать прокаленное чужим солнцем лицо. Холодная струйка побежала ему за ворот.

— Ну, ладно тебе, мать, — чувствуя неловкость от такого непривычно бурного проявления чувств и оттого, что впервые назвал ее так, сказал Валерий. — Чего цирк устраивать? Дай-ка лучше кваску, если остался.

— О, да остался, куда ж ему... — отстраняясь и пряча счастливые глаза, пробормотала она и протянула бидон.

Валерий снял крышку и заглянул внутрь посуды.

Все такой же делают, белый. Если еще и на вкус прежний... тогда самое то, — он начал пить маленькими глотками, смакуя, запрокидывая голову. — Хорош! Придется опять идти на Речную — тут на доннышке осталось.

— Да схожу, а чего ж... На вот тебе ключ, отдыхай пока.



Вернувшись с Речной, Мария Борисовна не застала сына. Дверь в квартиру ей открыла соседская девочка и подсказала: ключ от комнаты — у порога под ковриком.

Валеркин заграничный чемодан чалого пвета стоял... лежал... да нет — валялся у порога. Видно, как вошел, швырнул куда ни попадя, — и латата. Каким был, таким и остался, подумала она умиленно и тут же горестно поджала губы. Коли служба не переменяла его, то дело дрянь — опять, значит, ей мучиться и изнывать, чувствуя его душевную неустроенность и видя отчужденность к ней, временами аж до враждебности.

Мария Борисовна присела на стул у стола, подперлась кулаком, задумалась.

Если рассудить по совести — а как ему еще к ней относиться? Что он от нее видел? Детство беспечальное? Юность светлую? Да где ж! Как ушли от Ваньки, отца его, так бедный мальчонка, почитай, круглым сиротой остался. Подкинула она его бабке, своей матери, в деревню. Пять лет виделась с ним только по праздникам да выходным, и то через раз. Приедет — мать в огороде копается, и он тут же суетится, как муравей, — плети дергает либо в грядках шарится, а не то кога Тимофея гоняет. Вроде и на глазах, а разобратся — так сам по себе, брошенный. Грязный, патлатый неухоженный. Это не в укор матери: к старости осталась она одна, пенсия двенадцать рублей да приусадебный участок, с весны до поздней осени ни разогнуться, ни нос утереть. Зимой, конечно, время есть — и помоем (в корыте), и причешет, и сказку Валерке расскажет, но все равно — скучно ему весь день с бабкой, гоняет на улице с ребятишкой, вот и все воспитание.

Кричать караул тут нечего, все деревенские так росли и не хуже людей вырастали, мы с братом, к примеру. Но у нас-то хоть мать была, если что, могла направить на путь, и отругать, и выпороть, а у него? Старая жалостливая бабка («Ах, кровиночка моя, сиротиночка моя!»), кто захочет — обидит, а заступиться некому. Как-то приехала зимой, он пришел с улицы и спрашивает:

— Ма, а транда — хорошее слово?

Подхватила:

— Да ты что, сына, плохое, тьфу!

Он посмотрел на нее внимательно карими своими глазенками и, не поймешь — не то с жалостью, не то с презрением, сказал:

— Ну, значит, ты, ма, — транда!

Думала: в таком возрасте мальчишку на улице чему не научат, а уж материться — в первую голову. Ничего страшного.

Только страшное-то было — не в самом факте, что грязным словам научился, а в том, что на

нее оборотил. И как поглядел при этом... Долго мытарили душу и взгляд и слова эти, мучили, потому что чувствовала себя виноватой. И долго убеждала себя, что выпад тот от несмышленности и нет в нем никакой начинки. Примстилось просто взбалмученной совести. Ведь нет же вины, нет! Скиталась по чужим углам сперва в Тридубском, потом в Городе. Углы эти сдавали только потому, что была одиночкой, а с ребенком и калитке не подпустили б!

Но, видно, не примстилось. Правда, выпадов таких больше не повторилось, и она потихоньку стала успокаиваться, и совсем уж было отмякла сердцем, но вот однажды, собираясь в очередной раз уезжать из деревни, услышала неожиданный вопрос:

— А ты меня насовсем бросила?

Спросил так безбольно, как бы даже незаинтересованно и смотрел будто со стороны, навреде как в главном (что бросила) сомнений у него уже не было, и он с этим смирился, а теперь вот только уточнял, насовсем ли.

Еще только седьмой годик шел мальчонке, а он уже поверил и свыкся с мыслью, что мать его бросила! Она накричала на него, что слушает всяких шептунов. Рази ж она ездил бы сюда? Да что это он? Вот наказанье, о господи!

Марина — так звали ее родные и близкие — попыталась обнять сына, но он не дался — вывернулся и ушел на улицу.

— А может, дочка, вернешься в деревню? — спросила мать.

— Я думала, — плача ответила Марина, — только никак не выходит. У меня уже и специальность в руках, и ладный уживчивый коллектив, а в деревне мало того, что начиная все от подметки, еще и пересуды всякие терпи: мол, сбегала в город — и что? Неспособная оказалась. Да ты сама знаешь, как тут на таких глядят. Оборвались деревенские корешки, а заново пускать и боязно, и, сказать по чести, нехота.

— Ну, дак... давай забирай его к себе как ни то. Ин совсем отобьется. Будешь тогда куковать одна... с колехтивом.

В следующий свой приезд Марина пообещала сыну, что скоро заберет его.

— К себе? — все тем же незаинтересованным тоном спросил он.

— Да к себе ж... — она споткнулась и скороговоркой докончила, — ...поближе.

Больше пообещать Марина не могла: после долгих хлопот и хождений по разным начальникам ей удалось пристроить сына в интернат, и то не в самом Городе, а в пригородном поселке Зайчики. Это был большой шаг вперед: две останковки на дизеле — совсем не то, что семь ос-

тановок на том же поезде, а потом два часа автобусом, на который надо еще поспеть и попасть. Теперь на выходные и на праздники можно брать сына к себе, да и после работы иной раз успеешь смотаться к нему. Но шаг этот был шагом только для нее, а детская душа, не понимая разницы между «не может» и «не хочет», видно, уяснила лишь одно: к себе мать его по-прежнему не берет. И бунтовала, бунтовала. А еще, наверно, подзуживали там ребятишки: мол, бросила тебя маманя, гуляет, а ты ей до лампочки. И когда она по выходным забирала его к себе, он терзал ее, к слову и не к слову вворачивал, что раз не пужен, нечего и брать, что у него ничего нет, и ладно, и пошли вы все...

Ей говорили: сын плохо учится, хулиганит, и стоит вопрос — исключить его из школы. Исключить... А куда? Она в то время работала уже на заводе кузнечно-прессового оборудования, прошла ученичество и получила разряд, и хорошо зарабатывала, и перебралась в Город, но жила по-прежнему на птичьих правах, в уголке, заплатив добрым людям за прописку увесистую сумму.

Работала Марина на совесть, от души, как приучена была сызмальства, стала ударником коммунистического труда, и ей пообещали жилье. И правда — через какое-то время дали ей комнату, двенадцать метров, вот здесь, в этой башне. Нужно ли говорить, как она обрадовалась! Ведь все узлы разрубались! Но...

Пошла она на новом месте в магазин за продуктами. Вдруг в очереди подходит к ней мужичок — по-детски оттопыренная губа, и лицо хоть уже не молодое, но вроде как детское. Одет в серенький скромный костюмчик.

— Сколько вы хотите взять? — спрашивает.

— А вам-то что?

Однако она приглядывалась: давали дефицитную колбасу, до прилавка еще оставалось ой-ей сколько, так, может, подумалось, наклонится что путное.

— Да я вам хочу помочь. Так сколько?

— По килограмму дают...

— А хотите больше?

— О, да кто ж откажется! Только...

— Ну вот, — перебил он, обиженно искривив губы. — Разве я похож на шаромыгу? Я в вашем доме, девяносто шестая квартира, живу. Не наволю, не бойтесь. Давайте деньги.

Она растерянно пожала плечами и, словно под гипнозом, отдала ему десятку. Где-то он там пропал минут пятнадцать, глядь — и верно, явился со свертком.

— Два с лишним. И еще полкеге сухой, это уж из личных ихних запасов.

Он увязался за нею, и неудобно уж было его отпихивать. Да и... если говорить честно, не очень-то и хотелось. Не то чтобы он пал ей на сердце, а просто давно не видела она мужской внимательности, интереса к себе, а тут... Мужичок прямо пожирал ее преданными глазами и все налаживал и налаживал разговор. Они познакомились быстро и вроде даже незаметно, а у подъезда, когда Олег попросил разрешения зайти, она, помывшись, сказала:

— Да уж что... ладно.

— А может, я за бутылкой сбегаю? Ради знакомства?

Чересчур все это быстро набежало, да, но была в нем — и в лице, и в повадках, и в разговоре — какая-то неприкрытая бесхитрость, открытость почти детская, и это моментально рушило все, какие есть в таком деле, заслонки, рогатки.

— Ну, иди, — сказала она. — Ладно уж.

— Давайте тогда денежки. Я чист-пуст, как бутылка.

В общем, он остался у нее ночевать. Да и жить остался. И надо же было случиться, что Валерка в этот раз приехал раньше обычного, еще в пятницу, Марина не успела с работы вернуться. А приехала — и увидела непривычное: сын во всей своей интернатской одежке валялся на ее ухоженной, в накидочках и кружавчиках, постели. Вид у него был замкнутый, недоступный. В комнате пахло табачищем.

— Ты что... — У нее захолонуло все внутри. — Ты... что-нибудь стряслось?.. Почему дымом пахнет? Ты курил?

— Ну, может, я, а может, твой этот...

Она опустила на стул у стола, где вот сейчас сидит, и не знала, что сказать и что делать.

— Я, между прочим, его вытурил, — сказал Валерка и искоса глянул на нее.

— Зачем? Почему?

— А потому — нечего всяким тут...

— Тебя это не касается. Мал еще матери упрекать.

— Ах вот что — не касается. Ну и ладно...

Он встал и вразвалочку пошел к двери.

— Ты куда?

— А туда, где я хоть чуточку, хоть для отчетности нужен.

— Валерка! — Она бросилась за ним, но он захлопнул дверь перед ее носом, выскочил из квартиры и забухал тяжелыми казенными ботинками по крутой лестнице.

А в понедельник ее вызвали в милицию и сообщили, что Валерка и еще один его одноклассник — безотцовщина несчастная — задержаны на месте преступления. Что удумали? Подожгли в



поле копну колхозной пшеницы и пекли в этом костре картошку.

Чего стоило ей спасти сына от суда и колонии! Куда только не ходила, в каких приемных и кабинетах не высидела! Сколько слез пролила перед большими и малыми начальниками (а уж что дома — так это не в счет)! Суд отвела, но убытки колхозу пришлось заплатить. Большие денежки — все сбережения ухнули. Даже и сейчас вспоминать муторно.

Вся эта колготный месяц, почитай, тянулась. Ее вымотала вконец и сына немалому, видать, научила. Все эти допросы, распекания, протоколы, статьи, от которых тюрьмой пахнет, сильно напугали его. Когда все минуло, он сделался тише и покладистей, но ни откровенности от него Мария Борисовна не слышала, ни слова доброго.

Взяла, наконец, она его к себе, стал учиться в нормальной школе по месту жительства.

Олег у них почти не появлялся, Мария Борисовна сама ходила к нему вечерами. У него была однокомнатная квартира, доставшаяся ему от тетки, а как и чем он жил, для нее было загадкой. Наверно, подрабатывал в магазинах — об этом можно было догадаться по тому, что все продавщицы окрестных торговых точек были с ним вась-вась. Но если и подрабатывал, то не часто, кой-когда. Целыми днями отирался где-то, чаще всего — на море, ловил рыбу удочкой. Уловы были — смех один: две-три плотвички — радость кошке, но он с серьезным видом толковал о «добыче», рассказывал, как и при каких обстоятельствах поймал какую из рыбин. Послушать со стороны, не зная, о чем речь, можно было подумать, что он вернулся с путины, и добыча исчисляется пудами. Иногда ей казалось, что мужик просто напросто издевается над ней — ведь обоим было хорошо известно, что живет-то он на ее денежки: каждый день она давала ему на разные покупки, и из этих денег он и питался, да и выпивал частенько. А вся его «работа» — чистое туеядство и более ничего. Но попробуй только она усмехнись или отмахнись — не оберешься обиды. Оставалось только дивиться: как мог он до сорока лет сохраниться в такой детскости? Кто законсервировал его?

Понимая все и тяготясь своим положением, она только вздыхала: а что делать? а как жить молодой женщине без мужика? а мужики на дороге не валяются, перебирать не приходится, какой уж попался. Обнимчивый — и ладно...

Уходя в армию, Валерка заявил:

— Я скорей всего... там останусь: в прапоры или на стройку куда-нибудь.

У нее дыхание перехватило от обиды, и она ничего не смогла ответить — только посмотрела умоляюще и обреченно.

Из-за Валеркиной спины выглядывала невысокая белобрысая девушка с необычайно живым лицом и черными искрящимися глазами. Губы — сердечком, полненькие, это хорошо — не злая, значит. Вся — с шеи до пят — в коричневом штруксе. Э, да вон это кто — продавщица из промтоварного магазина! Марии Борисовне не раз приходилось покупать у нее разные вещи. Она всегда такая внимательная была, такая улыбчивая, однажды спросила, не пужны ли простыни хабэ, потом насчет чего-то еще из модного дефицита, а прошлой осенью помогла достать меховые сапожки. Неповятно и удивительно Марии Борисовне было, за какую такую красоту выделяет ее среди других эта торговая девочка. А оно вон что!

Легонько обида кольнула в сердце: не познакомил, не сказал даже ни словечка — матери для него в то время уже и не существовало. Она вскозь боязливо выглядывала на сына, пальцы забывчиво теревали мочку уха.

— Знакомься, мать, — сказал Валерка и извлек свою продавщицу из-за спины, поставил перед собой. — Твоя будущая невестка.

«Уже решил, — мелькнуло в голове, — и опять без меня... Что же дальше-то, о господи?»

— Гая, — назвалась девушка и, нисколько не смущаясь и не жеманясь, протянула руку. — А я вас знаю — моя постоянная покупательница.

— Ну и ладно, — пробормотала Мария Борисовна, вставая и пожимая узкую гладкую ладошку.

— Ладно-то ладно, — сказал Валерка с доброжелательной снисходительностью, — а что дальше? Может, все же отметим встречу? Ставь по кружке кипятку, тащи горбушку с солью...

Это было напоминание: пора братья за дело. Мария Борисовна всплеснула руками.

— О, да что ж это я в самом деле! Совсем в склероз впала! Ну, да за мной не заржавеет. Потушу картошки, зажарю курицу, сделаю салат... Валера, а ты в магазин — купи сыру, окорок, консерву, хлеба. Позвони дяде Ивану — пускай к пяти прибываются. За Фокиными и Сергиенками придется ехать.

— Обязательно всю родню?

— А как же, сынок! Не нами установлено, не нам и отменять.

— Ну-ну.

Она глянула на него с опаской: какой-то другой он стал. Вроде и к лучшему изменился — про-

пали угрюмоватость, исподлобный взгляд, теперь открытей и разговорчивей. Но вот эта его снисходительность в разговоре... как будто за два года он перерос ее, ну, не по годам, а по житейскому опыту. Неизвестно, что это ей сулило.

— А мне чего? — спросила Галя. — Может, мотнуться к девочкам в гастр — достать дефицитневского?

— Ты у нас гостья — гляди сама.

— Какая гостья! Я ж сказал: будущий член семьи. На кухню! — шутливо-повелительно отмахнул он пальцем в сторону двери. — Дашь ей задание, а сама съездишь оповестишь родню. Мне неудобно — я виновник. — Он слегка смутился и отвел глаза. — А деньжонок-то... на покупки... Или в Союзе без меня уже коммунизм построили?

Достав из сумочки кошелек и подавая сыну, Мария Борисовна полусхвату спросила:

— А ты что ж, сынок, ни копейки не завоевал в том Афганистане?

— Видишь ли, мать, было немножко, купил кое-чего по мелочи, а остальное дорогой увели.

— Как увели? А ты что ж рот разевал? Солдат называется!

— Ну, думал, в Союзе без меня все стали с высоким сознанием, а, оказывается, сохранился один душман, обчистил солдата. — Он положил кошелек в карман брюк.

Мария Борисовна проследила обеспокоенным взглядом за его рукой.

— Ты, гляди, в магазине не лови ворон-то, а то у нас тоже есть кому забраться в чужой карман.

Валерка ушел, женщины уселись на кухне чистить картошку. Мария Борисовна давно томилась неизвестностью. Пока сын служил, мучилась: вернется или не вернется? При расставании, кажется, ясно сказал: нет, но надежда все-таки жила — может, сгоряча плеснул, да и при свидании (ездил она к нему в Среднюю Азию, когда его на десантника учили) он уже про это не заговаривал и вообще не глядел больше волчком; и письма писал, хотя не часто, с большими перерывами и без всяких будущих соображений, «жив-здоров» и все. Теперь вот приехал, а насовсем ли? Может, за этой вот... дефицитницей. Мария Борисовна глянула на нее искоса. Живая, ничего не скажешь. Не истукан. И на личико завлекательная: щеки что румяные яблочки, нос хоть и толстоват, но пока молода, не портит вида; чистый высокий лоб, округлый податливый подбородок. И руки работающие, даром что нананикюрные. Вон как споро расправляются с картошкой, и шкурку аккуратно гонят. Видать, в трудящей семье воспитывается. Только вот не

чересчур ли приманчиво вертит своей штурковской задницей?.. Ну, что ты, в самом деле... Она же не виновата, что твоему сыну пришла пора жениться и променять мать на чужую женщину...

— А вы с Валеркой давно... знакомы?

— С восьмого класса. Как он пришел к нам в школу, так и...

— Ну, а... дружить когда?..

У Гали ножик вхолостую скользнул по картошке, напряглись, побелели скулы.

— Да... почти сразу. Как-то завалились всей толпой на дискотанцы, а там меня Витька Чуфаров хотел закадрить — все приглашает и приглашает. Весь вечер с ним пробацала. Хотел провозжать, но я отшила. Когда мы с Торреро — это мы Валерку так прозвали — остались одни, он вдруг обозвал меня: «Не знал, мол, что ты такая переметчивая». Мне бы пожать плечами и уйти, а я начала выяснять, почему это я переметчивая, от него я, что ли, переметнулась, у нас никогда ничего не было, вместе в школу и из школы ходили, потому что рядом живем, вот и все. Выясняли, выясняли — до двух часов. Мне еще отец дома выдал... Так до конца и не выяснили. Пришлось на следующий вечер. И опять разбежались ни с чем. А потом он уж каждый день, когда идем из школы, говорил: «Выходи в семь, надо же в конце концов выяснить». Вот так и ... выясняли, пока ему в армию пришло время. — Она засмеялась.

— А в армию уходил — договорились... про что?

Галя глянула на нее непонимающе.

— Ну... вот он же сказал... распишемся.

— Ну, а... где жить и вообще... Может, звал куда?..

— Да так, спрашивал: мол, если я после службы на БАМ или еще куда, ты со мной поедешь?

— А ты?

— А что я? Надо, так поеду — не проблема.

— А вы говорили уже? Куда он нацелился?

— Пока не говорили. Да когда ж? Прибежал, сцапал за руку, как клешней, и поволок... Хорошо еще, что выходной сегодня, а то пришлось бы отпрашиваться.

Вопрос так и остался торчком, и томление не рассасывалось. Ладно, подождем. Мария Борисовна сполоснула нож под краном, вытерла кухонным полотенцем.

— Давай, Галя, занимайся с картошкой, а я курицу порублю.

— Не надо рубить. Я ее целенькую потушу. Фольга есть? Если нет, сбегая домой.

— Ну, хорошо, тогда занимайся курицей. — Ей понравилась хозяйственность девушки. С такими мужикам сытно и уложно, не то что с разными



там жеманницами — губки бантиком, носик крантиком. Только правду сказать, не очень ценят простых и хозяйственных мужики-то. Тянет их почему-то на сторону, да к тем же губкам бантиком.

— Трудно тебе с ним будет, — сказала она в порыве женской солидарности. — Характер у него.. тяжелый. Все, бывало, молчит, молчит. А и скажет — так не обрадуешься. — Мария Борисовна присела к столу и, безвольно сложив на коленях шершавые, потрескавшиеся от ядовитых красок руки, устремила в окно помертвелый от накапившейся обиды взгляд. Она забыла о Гале и рассказывала не ей — просто рвалась наружу давняя застарелая боль. — Когда он сжег коню, я слегла с давлением, пластом валялась две недели — ни разу не приехал. Даже в выходные. А еще на Олега поднялся. Да Олег и просидел у постели, как сиделка, все две недели... — Она вдруг встряхнулась, трезво глянула на притихшую, испуганно и жалостно наблюдавшую за нею девушку, встала и быстро вышла.

Бросилась в комнате ничком на постель, зарылась лицом в подушку и некоторое время лежала недвижно... Дура, зачем распахнулась перед чужим человеком? Да и Валерке, наверно, навредила. Что она теперь про него думает? Да если из-за меня у них случится что, мне ж тогда — хоть головой в воду!

Она вскочила, накоротке огладила и вернулась в кухню.

— Ну, что тут? — сказала как ни в чем не бывало. И вскользь: — Нервы. Чего не бывает меж своими... Не всему и верь.

Галя заметно обрадовалась. Ловко орудуя ножом — потрошила курицу, — воскликнула:

— Да вы, как вижу, совсем его не знаете! Если не приезжал, наверно, нельзя было, а вообще... Он же... У нас вот был случай. Мы тогда в колхозе работали в трудовой ученической бригаде. И был там, в деревне, бык бодучий. Ну, так он вообще-то ничего, если его не трогаешь, а вот если начнешь дразнить... Короче, волоклись мы вечером с поля домой, а навстречу нам с того конца топало стадо. Да? И смотрим — впереди стада несетя мужик, а за ним — бычара. Пригнул голову, рога выставил и чешет. Мужику-то бы свернуть да за первую попавшую изгородь или за хату, а он, пьяный, и так-то мало что соображает, а страх и вообще из него ум вытряхнул — жмет прямо посреди улицы, и ни влево, ни вправо. Мы никто ничего сообразить не успели — мужик уже перед нами. Глянули на разъяренного быка — и враспынную. Да? Я забежала в чай-то палисадник и выглядываю — что же дальше-то? И вижу: мужик как топал по прямой, так и то-

пает, а перед быком, шагах в десяти, — Валера. Я вся помертвела, и в животе как будто ветер просвистел холодный. А Валера подождал еще немного и перед самой бычьей мордой сиганул в сторону и потрусил к проулку. Да? А сам все оглядывался и кричал: «Сюда! За мной! Цоб-цобе!» Бык развернулся и ударился за ним. Но у Валеры, видать, все было обдуманно и рассчитано: в начале проулка рос приземистый дуб, Валера подпрыгнул, ухватился за нижний сук, подтянулся и полез повыше. Да? Бык долго бодал дерево, топтался вокруг, сердито мычал. Пока не прошло все стадо. Тут подошли настухи и потихоньку начали теснить его вслед за коровами. Вот после этого Валеру и прозвали Торреадором, Торреро.

— Вишь, а мне ни слова. Скрытный... от меня.

— Да нет. Просто, как говорят, заяц трепаться не любит.

Пришел из магазина Валерка, тоже включился в кухонные приготовления, и скоро все было готово.

— Ну ладно, вы тут накрывайте на стол, а я поеду за родичами, — сказала Мария Борисовна.

— Дядю Олега тоже пригласи, — вскользь кивнул Валерка и тут же обратился к Гале: — Консерву выкладывать на тарелку или пусть так?

Мария Борисовна полыхнула, как девочка. И стыдновато было: вот, сын уже собирается жениться, а она все еще холостую любовь крутит. И радостью обдало: значит, он простил ей «дядю Олега», по-взрослому примирился с ее жизнью, как она сложилась. Но и тревога не покидала: может, решил расстаться по-хорошему — отпразднуют его возвращение, свадьбу, может, сыграют, а потом чемоданы в руки — и ту-ту.

Мотаясь из конца в конец города, сидя на деревянных трамвайных, дермантиновых автобусных сиденьях или толкаясь в тесных проходах общественного транспорта, затертая чужими спинами и плечами, она думала о ближайших делах и заботах, все время возвращалась в мыслях к приезду сына, пытаясь постигнуть, что сулит ей дальнейшее — оправдает ее жизнь трудную и нецелую или осудит.

Детство пало на войну и послевоенную разруху. Отец сгинул где-то под Смоленском. С того дня, как ушел он по мобилизации, и почти на целых пятнадцать лет будто черное проклятие плотным покрывалом опустилось на их семью. Тошнотное ощущение голода осталось от тех лет, колотье в боку от тяжелых плетух с травой или киззяками.

Хотя, может, это сейчас, когда жизнь подкатила под пятьдесят, те годы видятся только в тем-

ных цветах. А тогда, ну, скажем, шестнадцатилетней-восемнадцатилетнюю девушку жизнь не только оглушала тяжелым, от зари до зари, трудом на свекольных плантациях и иссасывала постоянным недоеданием, но и радовала своими живыми красками, волновала неизведанными чувствами и манила в какие-то лучезарные дали. Наломавшись на работе и похлебав пустых щей, Марина тем не менее как штык являлась к магазину на гулянку, и далеко за полночь звенел над сонным прудом ее хрипловатый, модный тогда в деревне голосок:

Я любила Колю, Ваню,

А теперь Василия.

Ты скажи, моя подружка,

Кто из них красивее?

А Колю, Вани, Василия потихоньку распознали из деревни — кто в фзо, кто в армию, — и все без возврата. И к тому времени, когда жизнь пошла потихоньку налаживаться, а Марина — передовая звеньевая-свекловод — сделалась завидной невестой, замуж выходить в деревне оказалось не за кого. На гулянках — сплошные платки да косынки. Даже за гармониста Анютка Погорелова садилась, а на балалайке тренькать научилась каждая вторая.

У любой девки первая забота — заиметь семью: яловая корова — и не корова вовсе, а так, животица. Открылась охота на мужей. И уж перебирать не приходилось — что попадет, то и хорошо, лишь бы в штанах (тогда еще женщины штанов не носили). Конечно, на хорошую сортность таких семей рассчитывать не приходилось, но так складывалась жизнь, а с нею не поспоришь. Волей-неволей заголосишь:

Запевай, подруга, песню,

Запевай, какую хопь,

Про любовь только не надо —

Мое сердце не тревожь.

Вот и ей подвернулось нечто в штанах. Ванька Спиридонов из бригады шабашников. Строили колхозную баню, ходили вечерами на гулянки. Там и прилип к ней.

Но сам по себе был он мужик неплохой. И ласковый, и к душевности склонный. И руки способные — что плотничать, что слесарничать, что по электрической части. И собою гожий. Невысок, руки, что железные крючья, ухватят — не выпустят, симпатичное круглое чернявое лицо с черными глазами и густыми бровями. Знал много песен, подходяще пел и любил вставлять в разговор слова из песен.

— Мы с тобой два берега у одной реки, — промурлыкал он ей в первый вечер, и сердце, измаявшееся без любви, рванулось на ее отдаленный свет.

Вот так она и ушла из деревни. Если приглядеться повнимательнее, так не сама ушла, а увели ее обстоятельства жизни. Марина жалела, расставаясь со всем, что до травинки знакомо, и с людьми, с которыми вместе прожито столько, и с работой, которую она умела и любила работать, которая дарила ей почет и достаток. Да и здоровье: ведь целый день на свежем воздухе, на животворном солнышке, это что-нибудь да значит. Не сравнить с теперешним: целыми днями красит она прессы и прочие кузнечно-прессовые агрегаты, целыми днями окутана ядовитыми испарениями, и хотя техника безопасности, как положено, защищает ее и респираторной маской, и резиновыми перчатками, все равно нет-нет да и хватанешь отравы, и руки вон все в трещинах. Конечно, к работе она относится честно, делает ее спорно и доброту — сызмальства приучена к этому, ходит в ударниках комтруда и на Доске почета в червонной рамке фигурирует, и само дело её в общем-то нравится своей полезностью, но... Тут работа — именно что дело, на срок, а та, деревенская, — сама жизнь.

Перебралась Марина к мужу в Тридубское — большой поселок при станции. Хата, куда привел ее Иван, была чуть ли не на курьих ножках — покосившаяся и даже как бы позеленевшая от ветхости, под черной, слежавшейся до каменной твердости соломенной крышей. Тесные щелястые сенки, убогая комнатка с русской печью и полным набором ее «инструмента» — ухватами, кочергами, деревянными лопатами, чапельниками и гусиным крылом для подметания загнетки. В общем, мало чем отличалась от ее деревенской хаты. Вот разве что пол не земляной, глиной мазанный, а дощатый. Но — доски гнилые, пообкрошились по краям, того и гляди застрянешь ногою в дыре.

Ну да ладно, не привыкать. Главное — свое, как говорится, гнездо. Так думалось вначале, а чуть погодя открылось, что гнездо-то не свое, она в нем не хозяйка. Всем в доме заправляла свекровь Грипина Федоровна — хваткая и верткая женщина пятидесяти годов с круглым черным личиком, не отдавшим еще времени всю бывшую в молодости красоту. В доме, сдается, ни звука больше не слышалось, кроме ее умильного голоса, наполнявшего воздух зловещей мелодичной звенью. Он провожал Марину утром на дизель и встречал, когда она после работы возвращалась из Города.

— Ваня, сынок родной, капуста не прополота, цветочки не политы, поросятки не покормлены, а ты закатился где-то к дружкам-процельяжкам и соображаешь на троих...

— Ваня, кровиночка, что ж ты без дела ша-



таешься? Матушка жилы рвет в хозяйстве, чтоб свинок выкормить да огород обиходить, чтоб какая-никакая денежка приплыла в дом, а ты, ненаглядный, где и заколотишь рублик какой мятенский, так тут же его и просадишь с дружкойми закадычными, пьянчужками подзаборными, глотками лужеными, язву б на ихние желудки...

— Ох, деточки мои милые, приморилась я, приумаялась. Цельный денек в Городе на базарчике, а на том базарчике все дешево, аж сердце в ритмию ударяется. Это ж сколько труда-денежек вколотишь в тую ранжерейку, чтоб цветочки на радость людям вырастить, а как вынесешь на колхозный рыночек, так эти люди-то норовят задарма красу цветочную неописанную присвоить...

Иван кривился, как от зуба, слыша ее причитания, и начинал припевать вроде бы себе под нос, но довольно явственно:

Я матаню разматаю  
И повешу на трубу.  
Ты виси, виси, матаня,  
Пока с улицы приду.

При этом он матаню заменял на маманю. Маманя делала вид, что вообще не слышит, чего он там бормочет, Марина еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

Было у нее поначалу все, как у людей — и любовь к мужу, и медовые ночи, и хмельное кружение головы от счастья, и доверчивая распахнутость души, и щедрое всепрощение. Но жизнь брала свое. Чем дальше, тем трезвее смотрела она вокруг, тем больше замечала неладного, тревожного. Ее сермяжная натура трудяги (не поработал день, так и поесть не имеешь права) не могла понять и примириться с тем, что муженек ее, работающий ночью, днем бездельничает. И так неделями, а то и месяцами. Бывало, и участковый лейтенант Стриж начинал уже залетывать для воспитательных бесед и предупреждений согласно закону. После чего Иван где-то там пристраивался, работал месяц-другой, а потом срывался с резьбы, запивал в очередную получку, и его прогоняли или он по собственному сбегал от греха подальше. И торил новый круг своей непутовой пустопорожней жизни.

Дважды Марина устраивала его на своем заводе — думала, может, от дружков подальше и на глазах у нее будет, так и переменится к лучшему. Да что! Свинья в любом месте себе лужу найдет. И новые дружки-сбутыльники появились, и от старых не отстал, а что на глазах у нее, так это только лишняя нервотрепка и к тому же позор перед родимым коллективом. И когда его уволили во второй раз, она хлопотать за него больше не стала.

Надеялась: может, одумается, когда она родит.

Дети — они требуют заботы, за них отвечать надо и перед народом и перед своей совестью. Но рождение сына никак не повлияло, разве что появились предлоги для дополнительных пооек за ее счет. А и без того обпивал ее не дай боже как! С аванса и получки она ставила ему бутылки — это уж узаконилось. Ну, праздники — само собой. Потом каждый месяц Валеркин день рождения принудил отмечать. Но тут она выдержала только до года, а потом заявила решительно:

— Следующий день рождения — через год!

Побухтел, но смирился. Вообще, когда он был трезв и не с похмелья, он был хорошим мужем — и совестливым, и хозяйственным, и работающим. Слушался ее и жалел, как положено жалеть свою жонку. Но такие просветы со временем все сокращались. Когда горела у него душа, требуя новой выпивки, он был угрюм, нелюдим, раздражителен. Мог стать на колени, выпрашивая трояк, мог ударить, убедившись, что трояка не получит. В такие моменты можно было запросто купить его, чем и пользовалась Грипина Федоровна, когда нужно было использовать его в хозяйстве или по другим надобностям. А когда он пропускал рюмку-другую, из него можно было вить веревки. Всех он тогда любил, перед всеми каялся и просил прощения, и обещал стать хорошим. Жалко ему было себя, он пускал слезу, и его становилось жалко, и думалось горестно: что ж это проклятая с ним делает, куда ж она его тянет и что же станет со всеми нами?

Со свекровью у Марины жизнь сложилась несогласная. Они не ругались и даже не спорили, сверху казалось, что живут душа в душу, но под спудом домашнего бытия тлела взаимная неприязнь, если не сказать больше — вражда. А началось с первых же дней. Улучив подходящий момент, Грипина Федоровна завела коренной разговор:

— Доченька моя золотая, жизнь у нас теперь общая, и должна она быть полюбовная и друг к другу склоненная. Все у нас будет общее, и каждая тряпка, и каждая копейка. И как я старшая, мать ваша родная, то и казна наша общая храниться будет у меня. А что кому надо — всегда можем убаготворить.

Как ни хотелось Марине мира, согласия и благорасположения свекрови, глядеть из ее рук и тем более выпрашивать каждую копейку из своих же заработанных она не могла. Не привыкла у родной матери к такой зависимости, а теперь и о своей — своей! — семье мечтала.

— Нет, — заявила она. — Ты не обижайся, мама, только я своими деньгами сама буду распоряжаться. Мы с Ваней жизнь начинаем, семью складывать, у нас еще дыр много.

Свекровь замахала руками.

— Ну бог с тобой, бог с тобой, доченька! Я ведь только посоветовала, как лучше чтоб жизнь протекала, чтоб дружная и бесскандальная и по всем пунктам родственная. Питания ж у нас общая, и квартира, ее ж освещать-отапливать, и хозяйство. На огородец-то и навозцу прикупить требуется, и трактористика-шабашничка нанять, а на ранжерейку и того боле — чтоб цветочки цвели и пахли круглый годик, столько всего надобно. Неужто, доченька моя дорогая, я одна должна волоочь этот воз, а у тебя и сердечушко не дрогнет, гляючи, как матушка надрывается?

— Нет, ну что ты, я буду давать на питание и на хозяйство.

— Спасибо, доченька моя, спасибо, небрыкливая. Не вечно же жить нам в этой тесной халупке, втроем-то тесно, а еще и дитяtko придет, так и совсем неприятливо станет, надо, стало быть, новую жилплощадь затевать, чтоб домик хорошенький слепить о двух половинах, чтоб и вам, не стесняячись, миловаться, да и мне бы не мешало отдыхать. Опять же денежки потекут, а где их взять?

Денежки-то у нее водились: через день-два ездила в Город на базар, торговала цветами и огородным разным ообщем. Но не будешь же уличать. Марина пообещала и в строительство делать вклады. И потекли денежки из ее кармана. А когда начали строить дом, то и самой вкалывать пришлось и по выходным и каждодневно после работы. И декретный свой отпуск весь убила на этот проклятый дом. Да главной-то рабочей силой на строительстве она и была: Иван почти ежедневно исчезал куда-то под разными деловыми предложениями, Грипина Федоровна объявила себя больной и немощной. А когда дом был закончен, оказалось, что никаких прав на него Марина не имеет — свекровь записала его на себя.

Жить в новом доме стало просторнее, но неуживчивее: Грипина Федоровна каждым своим словом и поступком напоминала, что хозяйка здесь она, а они постояльцы, требовала плату.

Иван поначалу защищал жену, правда, небескорыстно: после очередной стычки с матерью он требовал бутылку — успокоить нервы. Поначалу Марина давала, а потом все чаще стала отказывать — не могла же она сама спайивать своего мужика. Этим воспользовалась Грипина Федоровна — Иван все чаще стал захаживать на ее половину и приходил оттуда на поддании: мать откровенно подкупала его. Начиная придирачсь, шпынять и в короткий срок сделал жизнь невыносимой. И тогда она прямо спросила его:

— Чего добивается твоя мать через тебя? Чтобы я ушла?

— Ну вот, наконец-то догадалась. Но ты вот что: беги за бутылкой, и мы все обговорим.

Она молча собрала чемодан и ушла к соседям.

Пока жила в Тридубском, время от времени заходил Иван, просил вернуться, и однажды она поддалась на его уговоры, но оказалось — это он спартизанничал в надежде выпить на мировую. Мать ничего не знала и, не маскируясь уже, попросту сама выгнала ее, а Ивану, пытавшемуся вставить слово в защиту, сунула в руку трояк.

Оставался еще один адрес — полянка меж трех кустов на берегу моря. Там Олег с друзьями — рыбалят. В тенечке под кустами уютно — попивай себе, покуривай, балдей и между этим делом поглядывай за поплавками — не клюнула ли какая психически ненормальная.

Бывала там, знает.

Мария Борисовна вдруг представила себе эту компанию немолоденьких уже тунеядцев, и ей стало стыдно. Впервые — за себя: это ж надо так низко упасть, чтоб стать подружкой такого вот... Ведь сызмальства ее трудовая натура не переносит даже духа тунеядского, бездельные люди для нее все равно что клопы или комары-кровососы. А вот поди ж ты...

Подошел четвертый троллейбус, маршрут «вокзал — море». Пока люди выходили и заходили другие, Мария Борисовна еще раздумывала: ехать — не ехать. Какой-то миг промедлила в своих колебаниях — двери, зашипев, закрылись, и она махнула рукой: ладно, все равно не глядится он в родственном застолье, ну вот никак не глядится...

Они сидели в комнате за столом и, перелистывая альбом, рассматривали фотографии. Это был старый альбом, начатый матерью еще в девичестве. Со страниц его, разноцветных, в блестках, смотрели прадед в старинной военной форме, дед и бабка, молодые, в праздничных деревенских одеждах, мать — на одной фотографии с отцом, на остальных — с ним, Валерием, разновозрастным — от грудного сосунка до великовозрастного допризывника. Потом пошли его изображения. Один и с друзьями-приятелями, с классом в разные годы и одна фотка — вдвоем с Галей, перед самым отъездом в армию целкнулись, матери он ее не показал.

Валерий никогда не увлекался собиранием фотоальбома, считал это глупым девчоночьим занятием, а сейчас вот был благодарен матери, что она собрала и сберегла все эти снимки, от кото-

рых веяло прожитой, но не исчезнувшей жизнью, рождавшей живые воспоминания.

— Твой род,— сказала Галя и легонько стукнулась своей русой головкой о его смоляной висок. Их волосы смешались.— А мы начнем наш с тобой род, да?

— Нет. Продолжим старый.

— Ну, Торреро,— капризно оттопырив губы, протянула она.— Неужели тебе не хочется стать родоначальником?

Он покачал головой.

— Дело не в том, хочу или не хочу. А если за тобой никого нет, то... в трудную минуту... можешь не выдержать...

— Объяснил. Чего не выдержать? Что за трудная минута? У тебя что, было? Тогда расскажи, а? — Она дышала ему в ухо, потом начала нежно обцеловывать висок, щеку, уголок губ, подбородок, шею.— Ты ничего теперь не должен от меня таить. Потому что ты мой... мой... мой...

Валерий обнял ее и стал отвечать на ласки.

— Скоро придут,— шепнул он с сожалением.

— А хоть бы и не приходили... Так что было-то? Там? Без меня? Пусть это станет и моим.

— Это тяжело вспоминать... Знаешь, я до службы все время считал себя обиженным. Никому не нужен, всеми покинут и прочее такое. При живой родной матери спровадили в интернат, а там тоже... как-то так сложилось — конфликтовал и с учителями, и с ребятами... Да все от этого, от ненужности никому... С тем и в армию ушел... Ну, служба есть служба, там на всякие посторонние переживания времени нет, но все-таки тлела в душе какая-то... черт его знает...

Как-то наш взвод сопровождал колонну с грузами. Три бэтэра впереди, наш самый первый. На дороге — завал из камней. Слева гора, а справа ровная сухая степь, вся в заплатках. Командир взвода коммунист Мехоношин объяснил нам, что тут много раз духи (так называли мы душманов) ставили мины, а наши разминировали, и теперь не разберешь, под какой заплаткой есть мина, а под какой нет.

«Вот что, ребятки,— говорит,— вы тут первый раз в ситуацию попали, а я старый афганский волк. Так что пойду вперед и буду делать вам проезд».

Взял миноискатель и пошел. Осторожно шагал, снимал мины, а мы потихоньку двигались за ним. Все нормально. Одолели заминированную полосу, начали сворачивать на дорогу — и тут рвануло. Наверно, последняя мина была так замаскирована, что командир не насторожился, а может, миноискатель не взял — там они ставили не только железные. В общем, рвануло. Но командиру все же повезло — его только ранило...

Так я это к чему? Стыдно признаться, но я удивлялся — почему командир пошел? Ведь мог послать любого из нас. Это его право. Понимаешь: удивлялся! Значит, червоточинка та в душе... червоточила.

— Ну, ты уж... Конечно, такие люди — герои. Нас, простых смертных, они всегда будут удивлять.

Он резко отстранился и угрюмо посмотрел ей в глаза.

— Нет! Я уже не буду удивляться. Понимаешь... Да ты, может, и не поймешь. Может, надо побывать там, чтоб понять.

Валерий снова начал перелистывать альбом — теперь назад, от правнуков к прадедам.

— Был еще случай. На этот раз сопровождали колонну трактористов. Жара стояла... Ну, про жару ладно. Все два года — белое солнце пустыни, белая пыль, белые дувалы, белая выгоревшая трава... Я в первый год в Средней Азии служил, там почти тот же Афганистан по климату... И вот только втянулись в ущелье — справа и слева ударили душманы. Из пулеметов, минометов и даже пушечки затыкали. Мы развернулись, как это было заранее предусмотрено, и начали садить в ответ из всех видов оружия. У нас и танки были...

Я служил механиком-водителем бронетранспортера, мое дело — по приказу командира маневрировать туда-сюда, ну а когда маневрировать не нужно было, я включался в бой и вел огонь из автомата.

Духов мы отогнали и рассеяли. Но в кишлаке за ущельем они снова атаковали нас. Тут такой бой пошел... Душманы засели в зеленках, а каждая зеленка — это крепость.

— Что такое зеленка? — Голос у Гали дрожал.

— Это... ну... домики... несколько штук... ну, там постройки разные — для людей, для скота, еще для чего-то, вокруг виноградники, и все это обнесено дувалом.

— А дувал?

— А это стена такая, из глины, толщиной... ну, наверно, до метра, не меньше... И вот представляешь — она там, за этими стенами, а мы на узких улочках у них на виду. Но зато у нас техника. Танк пробил нам проход, и два бэтэра вошли в зеленку. Ребята отжали духов, вычесали из виноградника и окружили в домиках. Я вел огонь из своего люка по крыше дома. Там за грудой камней устроился пулеметчик и бил, собака, из нашего ДШК по ребятам в винограднике и по моему бэтэру.

— Страшно было? — прижимаясь, спросила Галя.

— Да как тебе сказать... Когда застучали по борту первые пули и начали взвизгивать как





будто над ухом, вдруг всё внутри сжалось и дыхание вроде стеснилось, как после бега, в голове стало тяжело и... бездумчиво, что ли... ну, понимаешь, никаких рассуждений, размышлений, вроде даже никаких мыслей, а только так: видишь пулемет огнем плюется из-за груды камней и бьешь по пулемету, слышишь «ура» справа, в соседнем домике, — и оттягиваешься туда, садишь по амбразурам, замечаешь — тот пулеметчик на крыше открыт с этой стороны и всаживаешь в него очередь. Короче, соображаешь, конечно, думаешь, но мысли только служебные, для боя.

Наши ворвались в домики, но тут оказалось, что пока мы окружали этих, другие духи окружали нас. Теперь мне пришлось загнать бэтээр между двух зданий, прижаться к стене и открыть огонь по винограднику. Оттуда трещало, хлопало, дудукало, бабахало. Время от времени грохот, визг, шум смолкали и раздавался жуткий вой: «Алла-а-а! Алла-а-а!» Что-то вроде...

Но с каждой атакой все слабел и слабел наш огонь. Ну, правда, и атаки становились все реже и малолюднее. А когда стемнело, стало тихо и у нас и у них.

И до-олго эта тишина стояла! И была она, скажу по-честному, страшнее боя. Там уже привык ко всему и знаешь — раз ребятишки стреляют, значит, живы еще, воюют. А тут — никакого шевеления жизни. То ли ушли, то ли побиты. Я не знал, как быть и что делать. И мысли вроде бы появились неслужебные, но все враздрай пошли, не знаешь, за какую уцепиться.

Валерий умолк, как будто погрузившись вновь в ту страшную тишину-неизвестность. Галя все теснее прижималась к нему.

Наконец, он заговорил снова.

— Смотрю — из виноградника вышел душман, огляделся и спокойно пошел к домикам. Прямо на меня идет — ну, конечно, первым делом осмотреть бэтээр. Потом правее вышел еще один, через некоторое время левее первого — еще. Тут у меня снова сработало — суетня мыслей пропала, ясность пришла. Я полоснул по этому, что на меня шел. Он упал, а те двое бросились в виноградник. Я сканул по правому, он споткнулся, но я не знаю, от пули или просто, факт тот, что в кусты уполз на пузе. А третий ушел невредимым. Свалял дурака: надо было сперва бить по третьему, тогда бы я их всех положил.

Теперь обстановка прояснилась: духи в винограднике, и от плана своего не отступят. Значит, рано или поздно они сюда пойдут. Патроны у меня кончались — только неполный рожок в автомате. Я потихоньку — чтоб не стукнуть, не грякнуть — вылез из бронетранспортера и взобрался на крышу дома. Оттащил душмана от ДШК, сам лег на его место.

Не знаю, сколько я там лежал — время как будто остановилось. Тишина и чернота кругом, только вверху крупные глазастые звезды. Но тоже тихие и без всякого движения. И вот мне стало так одиноко, так неприятно, и обида зашевелилась в душе, как будто меня кинули сюда, на эту крышу, в окружение душманов, и забыли. Всю жизнь

никому был не нужен, и смерть моя всем безразлична. Вспомнилась речка в деревне — почему-то только она, — и так больно стало, как будто она мне сказала: не жалею по мне, я не твоя.

Вот тут, именно в этот момент, они и пошли. Завыло кругом: «Алла! Алла!» — и высыпали из кустов в несметном количестве — сплошная полоса вспышек. И тут — вроде бы только этого и ждали — зарокотали, заскользили в небе вертолеты, и меня как будто живой водой обмыло. Я нажал на спусковой крючок, и мой ДШК рубанул по этим гадам справа налево и слева направо. И вспышки выстрелов гасли один за другим по всей цепи. И «алла» сменилось какими-то звериными воплями, а потом все перекрыло и затопило наше русское «ура!».

Знаешь, я не могу тебе высказать, что со мною стало. Вот если человека поставили на краю могилы и сейчас столкнут туда, и вдруг чья-то сильная рука взяла и вытащила его из смерти в жизнь. И было у меня такое чувство, что это рука самой Родины. Вот ей-богу!

Потом я узнал, что эта зеленка — школьная усадьба. Конечно, в бою школа была разбита. Ну, вот я и отдал свое денежное довольствие, чтобы ее восстановили. Это ж она будет как памятник нам всем, кто дрался тогда там.

За стол сели в пять, как и подгадывали. Тут были двоюродный брат Марии Борисовны Иван с женой и дочерью-студенткой, двоюродная сестра Ольга с мужем и дочерью-старшеклассницей, родители Гали (хоть и отнекивались, мол, еще не родня, но Мария Борисовна их убедила).

Выпили, как водится, за возвращение Валерия, за него самого и его невесту. Разговор сперва стал общим, а потом и по кучкам. Мать сказала:

— А я, Валер, все еще хожу на самстрой. Еще годик — и дом будет готов. Так что недолго осталось ждать квартиру-то. Теперь вот ты женишься, ребяенок у вас подоспеет к тому времени, так мы и трехкомнатную можем просить.

Валерий искоса глянул на мать. Боязливая тревога пробивалась и в голосе ее и в лице.

— Теперь я буду ходить на самстрой, — сказал он.

Мария Борисовна вспыхнула, вскочила из-за стола и крикнула Семену, Ольгиному мужу:

— Давай матаню! Что ж за веселье без музыки!

Ему передали гармошку, что отдыхала до этой поры на постели, и он рванул во все меха. А Мария Борисовна выскочила на пяточок свободного пространства и, как молоденькая, пошла откалывать с топаньем и припевами:

Ты играй, играй, гармошка,  
Разгони в поле туман,  
Чтобы сразу было видно,  
Где любовь, а где обман.

Места было маловато, но Мария Борисовна недаром считалась когда-то лучшей танцоркой на деревне — она и на шиле могла сплясать. И дробила, и полудробила, и плавно, павою, кружилась с зарукавным платочком над головой.

Елочка колючая,  
Боюсь, что наколюся я.  
Жаль того миленочка,  
С которым расстануся я.

В это время дверь распахнулась и вошел Олег. Мальчишечьё лицо сорокапятилетнего мужика, изрезанное морщинами, кривилось обидою, голос был плаксив, как у капризничавшего ребенка.

— Я целый день на жаре, добываю рыбу, а ты даже не могла позвать. Валерка не чужой мне, верно? — От кого-то он, видно, узнал о событии. — Мне, что ли, одному нужна эта рыба?

Двумя пальцами он держал ивовый прутик с тремя нанизанными на него плотвичками.

Мария Борисовна заметила, как покраснел и уткнулся в тарелку сын, как будущая невестка стала поспешно и старательно вытирать не такое уж и потное лицо.

— Пойдем-ка, пойдем, — беря Олега за рукав и разворачивая к двери, сказала Мария Борисовна.

Она привела его на кухню, усадила у стола. Улов бросила к кошачьему блюдцу.

— Ну что ты меня изолируешь? — опять закапризничал он. — Люди могут подумать...

— Погоди тут. — Она сходила в комнату, принесла полный стакан, закуску на тарелке. — Пей и ешь, — пресекла его попытку потребовать объяснений.

Молча сидела у окна, пока он закусывал, глядела в сторону безразличными пустыми глазами.

— А теперь иди. Иди, Олег, иди и больше не приходи... Ну, будь хоть раз в жизни мужиком!.. Прощай.

Она вывела его из квартиры и закрыла за ним дверь. Вернувшись в кухню, сидела какое-то время, горестно подпершись рукой и глотая слезы. Потом встала, умылась и вошла в комнату вешая.

— Дай-ка допляшу!  
Я, бывало, пела, пела,  
А теперь отпелася.  
Товарочка дорогая,  
Куда же все делосся?



# ЧЕТЫРЕЖДЫ НЕВСКИЙ

Яков АНДРЕЕВ

Рисунок А. Банных

На его офицерском мундире три серебряных ордена Александра Невского. «Четырежды Невский» — так называли своего тридцатилетнего командира Николая Невского в 818-м артиллерийском полку.

Танки появились неожиданно, с черными крестами на башнях. Он даже не понял — как они оказались в тылу его артиллерии, удерживавшего плацдарм на правом берегу Днепра. «Где-то у соседей прорвались...», — подумал он и тут же пригнул голову. Снаряд разорвался метрах в двадцати. Несколько осколков вонзились в бревна блиндажа, сверху посыпалась земля...

Так же внезапно пришло решение: КП не оставлять! Правда, находится здесь, под огнем и чужих и своих, — верная смерть. Но выхода нет: надо спасать полк, даже и не подозревавший о прорыве. Стволы полковых батарей направлены на немецкие позиции, а немцы здесь, у его КП!

Он твердо произнес по радию: «Развернуть орудия на меня. Здесь немецкие танки и пехота. Огонь открывать по моей команде».

Артиллеристы попросили повторить еще раз. Он еще раз сказал: «Здесь танки противника. Вызываю огонь на себя!»

Немецкие танкисты уже предвкушали легкую добычу — этот командирский блиндаж, который они — мастера своего дела! — разутюжат по всем правилам, сравняют с землей! Обгоняя друг друга, помчались к заманчивой цели... Но огненный смерч рассек танковый клин. Сразу вспыхнули две машины...

Удар был настолько мощным и неожиданным, что немцы растерялись в панике. «Неплохо для начала», — подумал он и дал команду обрушить огонь на головные машины. Слово натолкнувшись на невидимую стену, задымил еще один «тигр».

Осколком снаряда перебило телефонный провод. Убило связиста, бросившегося исправлять повреждение. Невский продолжал командовать боем по радию.

Блиндаж так трянуло, словно его кто-то приподнял и ударил о землю, Невского отбросило к стене. Когда пришел в себя — на поле боя горели восемь машин...

Вскоре на КП прибыли командир дивизии генерал С. Козак и полковник В. Борисов, командующий дивизионной артиллерией. «Немцы здесь готовили прорыв линии обороны плацдарма. Ты им все карты спутал. Молодец, что не оставил КП». И, уже обращаясь к обступившим их офицерам, хитро подмигнул: «А что я вам говорил — оправдывает Невский свою фамилию?.. Еще как оправдывает!»

— Да, нелегко носить фамилии, напоминающие о великих полководцах, — как бы в шутку заметил я, когда Николай Леонтьевич закончил рассказ о памятном бое. Он ответил: «Да это как сказать... Полагаю, что Сидоровым и Петровым доставалось не меньше. Пули-то на войне не по фамилиям людей выбирают...»

Я попросил Невского рассказать о себе.

Четверо из братьев Невских — Петр, Григорий, Харитон и Василий — пали смертью храбрых в боях с фашистскими захватчиками. Четыре похоронки — одну за другой — получил отец, Леонтий Проккопьевич. Смерть обошла Николая — за всю войну ни пуля, ни осколок не тронули. Видно, зорко берегла судьба последнего продолжателя рода Невских.

Не мечтал Николай Леонтьевич стать полководцем. До войны по отцовскому наставлению поступил в Киевский аграрно-педагогический институт, думал готовить молодых земледельцев. Но страна готовилась к обороне. Закончив одногодичную школу артиллеристов, стал Николай Невский офицером Красной Армии. Вскоре грянула война...

Хоть и берегла его судьба, а бросала в самое пекло. Сталинградская битва, бои на Днепре, Яско-Кишиневская операция, освобождение Югославии, бои за город Будапешт — вот его боевой путь, вот те

испытания на мужество, командирское мастерство, за которые он, единственный в Красной Армии офицер, награжден тремя полководческими орденами Александра Невского.

Рядом с этими наградами на груди у Николая Леонтьевича — ордена Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, многие медали, а также американский и югославский ордена.

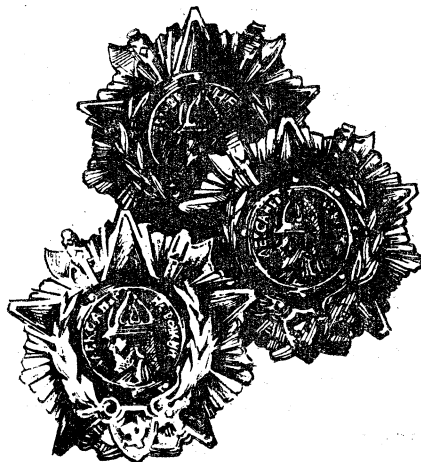
— Ну, а как насчет продолжателей рода Невских? — спрашиваю.

— А вот про это вы у нее узнайте, — улыбаясь, кивает он на свою супругу. — Она ведь у меня тоже четырежды Невская.

Со снимков смотрят полковник Владимир Невский, специалист гражданской авиации Юрий Невский и офицер-ракетчик Алексей Невский. Трое спальных, как на подбор.

— Не желаю своим детям таких испытаний, какие выпали мне, — словно уловив мои мысли, говорит Николай Леонтьевич. — Но если придется, знаю — мои ребята не подведут.

Глаза его нахмурились, жестко сдвинулись брови. В эту минуту он чем-то напоминал русского полководца Александра Невского, грозно смотрящего вдаль с его орденов.





# МУЖЕСТВО ВЫСШЕЙ ПРОБЫ

**«ГВАРДЕЕЦ! НЕУМОЖИМО МСТИ И КАРАЙ ГИТЛЕРОВСКИХ УБИЙЦ, ЗВЕРСКИ РАСПЯВШИХ НАШЕГО БОЕВОГО ТОВАРИЩА КОМСОМОЛЬЦА ЮРИЯ СМІРНОВА!..»** — этот призыв был напечатан в письме-листочке, выпущенной в 26-й гвардейской стрелковой дивизии, где служил рядовой Юрий Смирнов, ставший посмертно Героем Советского Союза.

...Смирнов Юрий Васильевич. Родился 2 сентября 1925 года в городе Макарьеве Костромской области. Городок Макарьев в истории известен: неподалеку от него в 1613 году завел в лес иноплемен Иван Сусанин. Спустя триста с лишним лет здесь суждено было родиться человеку, который, дожив до восемнадцати лет, снова потрясет сердца людей своим неслыхаемым мужеством.

Дом номер 32 по улице с мрачным названием Кладбищенская был домом Смирновых. Сейчас эта улица названа именем героя.

В сентябре 1943 года Юрию исполнилось восемнадцать лет. В то время советские войска стремительно гнали гитлеровцев на запад. Были освобождены Сумы, Брянск, Новороссийск. Войска Центрального и Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов начали форсировать Днепр. Обретал свободу истрадавшийся под немецко-фашистским игом белорусский народ. Вот туда-то, в Белоруссию, и попал Юрий Смирнов.

В одном из первых боев он был ранен осколком. Попал в госпиталь. Вместе с ним в палате лежал его отделенный командир гвардии сержант Михаил Степанов. Он вспоминал эти госпитальные дни:

— Мы лежали с ним вместе. Разговаривали о жизни много. Смирнов после «ремеслухи» работал сварщиком на заводе в Горьком. Профессию свою любил, частенько рассказывал, какие чудеса можно творить с металлом. Осколком у него была повреждена челюсть, вначале ему приходилось молчать, и он читал книги, с особым интересом перечитывал «Как закалялась сталь»

(любовь к этой книге в дальнейшем сыграет свою роль в судьбе Юрия Смирнова). Из госпиталя Юрий рвался снова в роту, на передовую; боялся опоздать к решающим боям. Наш хирург хотел ему вставить зубы и сделать повторную операцию, чтобы не было шрама в углу рта. Он не согласился: «Зубов у меня еще хватит, а царанин прибавится — вот тогда и исправите все сразу». Так и отшутился. Вообще, характер у него был русский, веселый...

За несколько дней до ранения был у Юрия Смирнова разговор с комсоргом батальона Константином Шмыревым. Тот очень удивился, что Смирнов не комсомолец. А Юрий ответил:

— Я еще не воевал толком. Вот испытаю себя в бою, каков я солдат, тогда и вступлю в комсомол.

В то время Юрий писал матери:

*«Милая мама! Я уже писал тебе, что вступаю в члены Ленинского комсомола. И вот мне вручили билет. Это большой документ, мама. Я его ношу в нагрудном кармане, у сердца. На правой стороне груди у меня знак советского гвардейца. Верь, мама, я не посрамлю чести своей семьи, своего города, своей Родины. Не запятнаю малодушием и трусостью высокого звания комсомольца-гвардейца...»*

На фронте события разворачивались следующим образом. 23 июня 1944 года в наступление перешли большие силы Красной Армии. Только на участке в районе реки Орши произошла заминка. В «Краткой истории Великой Отечественной войны» сказано: «Противник, стремясь любой ценой удержать Оршу и дорогу от нее на Борисов — Минск, лихорадочно подбрасывал сюда резервы. Лишь 26 июня правофланговые соединения 11-й гвардейской армии генерала К. Н. Галицкого продвинулись настолько, что это позволило 2-му танковому корпусу генерала А. С. Бурдейного войти в образовавшийся прорыв».

Но в это время Юрия Смирнова

уже не было в живых. Он погиб во время прорыва.

...78-я штурмовая дивизия под командованием генерал-лейтенанта Траута была разбита гвардейцами генерала Галицкого и бежала от Жиздры к Орше, где зацепилась за водные рубежи, удерживая центральный бастион немецкого восточного вала севернее Орши. В середине июня, воспользовавшись затишьем, фашисты укрепили свои позиции. Были воздвигнуты семнадцать траншей полного профиля, блиндажи, имеющие по двадцать накатов, противотанковые рвы, ямы, подземные ходы сообщения, бронеколпаки «Лошадиный череп».

Удар по окопавшимся фашистам был нанесен 24 июня 1944 года. После сокрушительного огня артиллерии советские войска вклинились в дивизию Траута. Связь немецкого генерала с войсками была нарушена. По отрывочным сведениям известно: Траут догадался, что его дивизию окружает русская пехота, идя по непроходимым болотам.

Ночью советские танки, не зажигая фар, промчались по командным блиндажам 78-й штурмовой дивизии, внося смятение в ряды гитлеровцев. В эфир неслись радиogramмы, адресованные вышестоящему командованию: «Где русские танки? Куда прорвались танки?»

В это время Юрий Смирнов уже был ранен, выбыл из десанта и попал в плен...

Опытному офицеру-разведчику не составило бы труда по отрывочным сведениям, сообщенным пленным солдатом, восстановить замысел операции противника. Фашисты пытались добиться от Смирнова этих сведений. Но из захваченного протокола допроса стало ясно, что он просто не отвечал им...

...Накануне операции командир построил солдат и, объяснив вкратце суть ее, спросил, есть ли добровольцы. Юрий сделал шаг вперед. Вот что рассказывал об этом гвардии сержант Шегвалиев:

— Когда вызвали охотников в танковый десант, мы сразу поняли, что дело затевается дерзкое, опас-

ное. Ведь обыкновенно охотников не вызывают, а просто ставят задачу и сажают автоматчиков на танки... А тут по небольшому количеству танков и по вызову добровольцев мы догадались, что это будет отвлекающий немцев неожиданный ночной удар. Конечно, Юрий Смирнов отлично понимал, на какое дело он вызвался, знал, что рискует головой. Видно, его молодость и шуплость смутили командира роты. И тут Юрий сказал: «Павел Корчагин тоже вызвался бы в этот десант!» Знал, что сказать... Он этим «сразил» комроты, который был земляком Николая Островского и не расставался с его книжкой...

«Акт, 25 июня 1944 года.

Мы, нижеподписавшиеся гвардии старший лейтенант Соколов, гвардии старший лейтенант Кустов, гвардии старший лейтенант Ахмеджанов, гвардии капитан Климов, гвардии рядовые Конин и Каторин, составили настоящий акт о нижеследующем.

В ночь на 25 июня наше подразделение во время наступления участвовало в десанте по прорыву немецкой обороны и освобождению деревень южнее Орши. Гвардии рядовой Смирнов Юрий Васильевич, будучи раненым, упал с танка и был захвачен гитлеровцами. Они učinили ему допрос с пытками.

Когда комсомолец Смирнов, помня присягу, ничего не сказал, фашисты распяли его на стене блиндажа.

Гитлеровцы забили два гвоздя в ладони рук, выгнув руки в горизонтальном положении. В подъямы ног также было забито по одному гвоздю. Два гвоздя было забито в голову.

Смирнову было нанесено четыре кинжальных ранения в грудь и два в спину. Голова и лицо побиты холодным оружием. На теле имеются следы ожогов, содранной кожи и вырванных кусков мяса.

На столе блиндажа лежали раскрытый комсомольский билет, солдатская книжка, а также протокол допроса, в котором в графе «ответ» везде проставлено: «Он молчит».

После боя в батальоне, где служил Юрий, было собрано комсомольское собрание. Решением его стала... клятва. «Клянемся, что мы пойдем в бой и будем бить врага без жалости и пощады... Клянемся, что каждый из нас будет таким же, как наш боевой товарищ Юрий, — верным военной присяге, надежным помощником командира, дис-

циплинированным, стойким и бесстрашным в бою... Вечная слава мученику-герою, комсомольцу Юрию Смирнову, павшему в бою за свободу и независимость нашей Родины!»

Через несколько часов батальон поднялся в атаку, и не было силы, способной остановить этих людей, мстивших за смерть своего товарища, за разоренную землю и за все то горе, которое принес с собой фашизм...

Бойцы писали с фронта матери героя:

«Дорогая Мария Федоровна!

Вы, наверное, уже знаете о постигшем нас горе — немецкими извергами был распят на стене блиндажа наш верный товарищ, Ваш любимый сын Юрий. Не было человека у нас в полку, кто бы не возмутился этим страшным преступлением озверевших врагов. Преступление совершили солдаты и офицеры немецкой 78-й штурмовой дивизии. В нескольких боях мы наголову разгромили эту дивизию. Почти никто не спасся...

Мстя за Юрия, комсомолец Степанов в рукопашной схватке одного немецкого офицера заколол, двух солдат застрелил и одного офицера взял в плен. А всего за время наступательных боев уничтожил пятнадцать гитлеровцев. Петр Прошин уничтожил семерых. Оба они награждены, как награждены все бойцы нашей роты.

Мы знаем, ничто не может утешить горе матери, никто не может заменить ей погибшего сына. Но Вы должны знать, что Юрий погиб, как герой. Он не выдал военной тайны и тем помог одержать победу. Его подвиг навсегда сделал для нас бессмертным его светлое имя. Мы ходатайствуем о включении Юрия в список нашей части навечно. На каждой проверке будут выкликать его имя, и правофланговый будет отвечать:

— Погиб героической смертью, не выдав военной тайны, в летних боях 1944 года!

За его патриотическое воспитание мы благодарим Вас, Мария Федоровна. Вы дали нашей армии героя, нашей части — настоящего чудо-богатыря, Ленинскому комсомолу — бесстрашного комсомольца.

Он будет всегда с нами, как живой.

Комсорг части И. Шмырев, гвардейцы Степанов, Сидоров, Тоскин... Всего 37 подписей.»

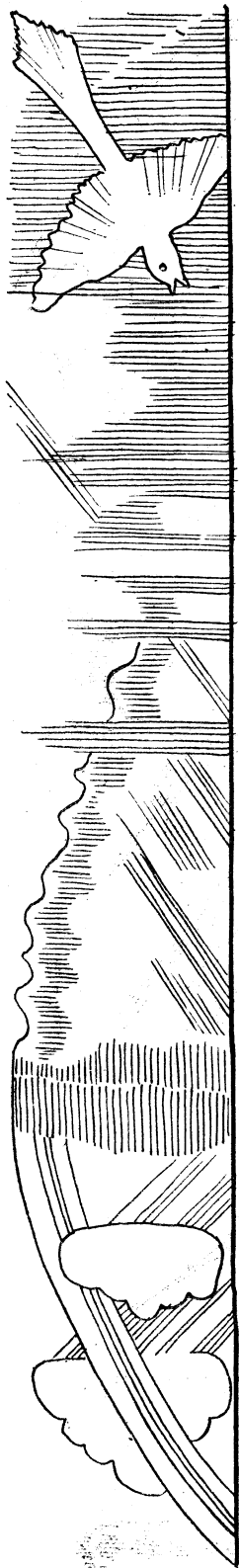


Гвардии рядовой Герой Советского Союза Юрий Смирнов.

Подвиг Юрия Смирнова стал известен всей стране. В центральных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза гвардии красноармейцу Смирнову Ю. В. посмертно.

С именем Юрия Смирнова в сердцах бойцы 11-й гвардейской армии нещадно крушили врага. Они принимали участие в освобождении Кенигсберга, и тогда впервые была выпущена листовка, рассказывающая о подвиге рядового и обращенная к бойцам. Второе письмо-летучка было выпущено уже на подступах к Берлину.

...Говорят, время — лучший лекарь. Но не под силу ему даже на малую толику притупить боль, которую испытывает сейчас каждый советский человек, вспоминая, какой ценой досталась Победа. И особенно остро понимаешь это, когда видишь в витринах музеев боевой славы документы, обгоревшие кровью героев. Невозможно не преклонить голову перед этими пожелтевшими листками, перед комсомольским билетом Юрия Смирнова за номером 21064756, который хранится ныне в Центральном музее Советской Армии. В графе уплаты членских взносов стоит в нем пометка — за апрель, май и июнь срок четвертого года...



Сам уралец, я хорошо знаю уральский характер. Нет, этот характер, далеко не прост. В нем отозвалась многовековая история России, в нем слилось много человеческих качеств, порой самых несхожих между собою, вроде бы решительно противоречивых, но отлитые в едином сплаве, они дали лицу неповторимо прекрасное явление: суровая доброта и строгая нежность, мудрое великодушное и жесткая справедливость, крепкая, неизбывная оседлость на родной земле и молодая чуткая страсть к дальним призывам. И если взять за истину, что поэт есть глашатай духа народного, то Валентин Сорокин — убедительное тому подтверждение. В его поэзии чистой сталью звенит душа родного края, который снарядил и собрал своего поэта в нелегкую дорогу любви и подвига. Материнская ласка и потечески суровая правда стали порукой горячего таланта. В живописных стихах Сорокина бьется, клокочет, кипит и переливается всеми цветами радуги сама жизнь, неуемная, предвещающая счастье. Но поэт знает, что все живое, трепетное и восходящее нуждается в защите и бережении; и он идет против зла и лжи открыто, дерзко, с яростным вызовом. Вот его знамя:

Тяжело взлетает к выси  
Бородач.  
И шумит ордою листьев  
Карагач.  
Ветку мне кладет на плечи,  
Слышу речь:  
— Ты стоишь на поле сечи,  
Где твой меч?

Нелегкая судьба у поэта, если он решил добровольно брать на свои плечи все радости и боли, все успехи и неудачи своего времени. Нет ему покоя, тяжелы его раздумья, но как у птицы крылья крепнут в полете, так у Валентина Сорокина мужает сердце в годах и деяниях.

И, посмотрев, как снова я не плачу,  
Седой Урал, по-стариковски прост,  
За молодость, не знавшую удачи,  
Преподнесет озерный ковшик звезд.

Валентин Сорокин имеет право говорить о жизни как хозяйин ее, потому что он вырос на трудовом хлебе, рано научился любить и ненавидеть, меряя все на белом свете единой мерой труда и правды. Он родился и вырос на Урале и в многодетной семье был приставлен к крестьянской работе раньше, чем помнит себя. Уже подростком он гонял по рекам лес, от багра, топора и лопаты с ладоней круелый год не сходили мозоли. Семнадцати лет он пришел в маргеновский цех Челябинского металлургического завода. Здесь, в рабочей среде, под всполохи плавок, он рано обрел мужество говорить с людьми на равных. Огненная профессия на всю жизнь озарила его светом не только видеть, но и предвидеть. Тепло огня и рабочей среды на веки согрели его сердце, вот почему вся его поэзия отмечена широтой, незлобностью и любовью.

Из ярости и тьмы, из грохота и света  
Явилась ты ко мне, костер в ладонях лета!..  
Черемуха моя, оснеженная доля,  
Одна ты у меня — на все большое поле.

Именно так поэт понимает жизнь, так умеет ее ценить и гордиться своими чувствами. Да и как не гордиться истинно русскому поэту, что дано ему было счастье принять в свое сердце всю страну и стать певцом всей земли советской:

И пусть поезда пробасили,  
Раскатами день полоня,  
Куда бы ни ехал,—  
Россия,  
Как мама, одна у меня.

Иван АКУЛОВ,  
лауреат Государственной премии РСФСР



### ТРЕТЬЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Я был еще ребенком, воды  
Вздыхал Урал, катил Урал.  
И ветер грома и свободы  
В просторе ливнями играл.  
И синева клубилась густо.  
И время шло, и, молодой,  
Я с тем же трепетом и чувством  
Встал над весенней водой.  
Дожди и молнии свистели.  
Трава цвела на берегах.  
И древним скрипом коростели  
Опять катили ночь в лугах.  
Но через горы — над рекою,  
Где думы падают во мглу,  
Я из тщеты и непокоя  
Опять поднялся на скалу.  
Волна сильна, да не кипуча.  
И реже синь,

и тише гром.  
И жизни холод неминуемый  
Росою светится кругом.  
И в звездных сумерках природы  
Мне утоления не найти.  
А ветер грома и свободы  
Кого-то ищет на пути.

### МУРАНОВО

Памяти Федора Тютчева

В парке памятном дуб и береза  
Так срослись, ни ветра и ни грозы  
Оторвать не могли друг от друга  
Их, навеки обнявшихся туго.  
Человек подойдет — удивится:  
Облак с облаком, с птицею птица.  
Это времени стену разрушив,  
Двух влюбленных  
пробились к нам души.

### МОНОЛОГ КАРЫШЕВА

Его травили, обливали на  
морозе водой, но генерал  
молча перевозмогал пытки.  
Из газет

Когда промчитса ветер времени,  
Вздохнет страна от непогод  
И от насилья, как от бремени,  
Расправит плечи мой народ.  
Припомнит он о черной замяти,  
О годах, канувших во тьму,  
И отольет из бронзы памятник  
Бесстрашью века моему.  
И встану я над юным городом,  
Среди знамен, среди цветов,  
Все одолев, и пытку голодом,



# ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Валентин СОРОКИН

Рисунки Л. Анциферовой

И страх,  
и вновь шагнуть готов  
К барьеру, в бурю человечества,  
В огонь, где плавится руда.  
Лишь не склонялось бы Отечество  
Перед позором никогда.  
Мы делом живы, а не фразою.  
Наш пыл никто не отберет.  
Ты, храбрая, голубоглазая,  
России молодость,  
вперед!

## ЗАСТРЕЛИЛИ СОБАКУ

Застрелили собаку мою  
За околицей пьяные рожки.  
Я не плачу и я не пою,  
Я спокоен, но муторно все же.  
Ах, какая собака была,  
Ни минуты без доброго дела:  
Мальшей на реке берегла  
И гусей караулить умела.  
Белый, белый дворняга, кобель.  
Что ни день, то печаль об утрате.  
По сугробам прошелся апрель —  
И следы обнажились в ограде.  
Небольшие, родные, его.  
Яшка, Яшка, мохната рубашка.  
Выйду, крикну, но нет никого,  
Затерялся во мраке бедняжка.  
Вот пропал замечательный пес.  
Скучно в доме и в мире тревожно.  
Словно то он с собою унес,  
Без чего и прожить невозможно.  
Я привыкнуть к беде не могу.  
Лунной ночью я слышу далеко  
Лай  
и вижу следы на снегу —  
Символ памяти, знаки упрёка.

## ЧИСТЮЛЯ

Не ветер — дыхание стужи,  
Седая зима у порога.  
Но щедро купается в луже  
И перья топорщит сорока.  
Колгочет, ворчит и стрекочет,  
Глядеть невозможно без смеха.  
Наверное, сделаться хочет  
Белее новейшего снега.  
То лапой, то клювом точеным  
Скоблится,  
трясет,  
суетится,  
А хвост ее,  
длинный и черный,  
Никак не дает ей отмыться.

## НА КРАЮ ОБРЫВА

Заревое, радостное диво  
Вновь меня тревожит и гнетет.  
На краю карьерного обрыва  
Звонко, звонко яблоня цветет.  
Гуси-лебеди над ней проплыли  
И отлуповало воронье.  
Даже тучи ядовитой пыли  
Не посмели отравить ее.  
Так она шумит и белоснежно  
Вскидывает ветви.

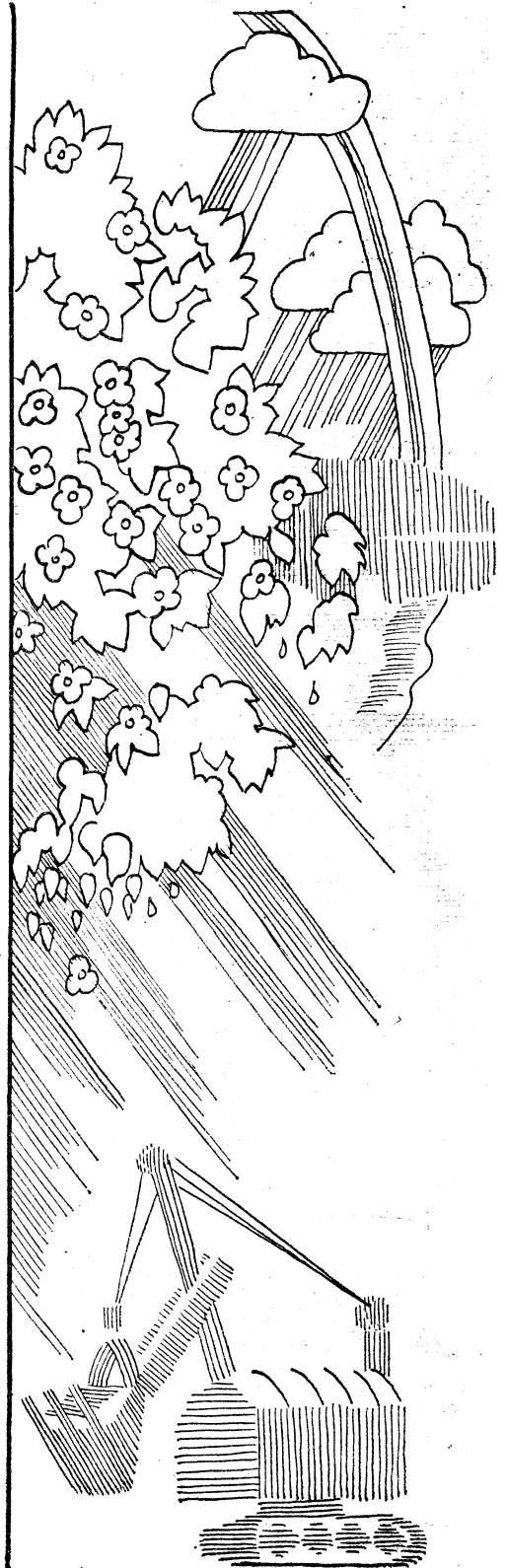
А внизу  
Экскаватор, гулкий и мятежный,  
Ковш раскачивает на весу.  
Трепет листьев, но еще упорней,  
Кто тебя, родимая, хранит, —  
Цепкие, упругие корни  
Обхватили вековой гранит.  
Ветер прибежал и грубо клонит,  
Пригибает, бездонью страшит.  
Встанет город здесь, но на бетоне  
Мурава-трава не зашуршит.  
Яблоня цветет, ей ночью снится:  
Женщина с ребенком, новый дом,  
Облака под небом и пшеница,  
И она — ликует над прудом.

## ЗАНОВО

1.  
Стихнет вьюга,  
Сойдет гололед,  
Будет яблоня  
Молодо петь.  
Будут молнии  
В синих глубинах  
Отдыхать  
На серебряных спинах.

2.  
Но от ливня,  
От солнца, от нег  
Вдруг захочется  
Выбежать в снег.  
В белом вихре,  
В галопной метели  
Гуси-лебеди,  
Дни, пролетели.

3.  
А за днями  
Промчались года.  
Жизнь, как эхо,  
Беда — не беда.  
Зори с зорями  
Будут встречаться,  
Сад мой — заново  
Цвезть и качаться.





# уроки КАТАСТРОФ

Лев ЕФИМОВ,  
кинорежиссер, заслуженный  
деятель искусств РСФСР

Рисунки С. Малышева

## АВАРИЙНЫЙ ПОЛЕТ

Опускаясь в кресло позади командира ТУ-154Б, я слушал, как члены экипажа проверяли, все ли в порядке: «Горючее?... Главный насос включен... Гидравлические насосы?... На автоматическом режиме... в норме... Сигнальные огни!...»

«Поехали», — сказал командир, и бортинженер двинул вперед рычаг управления. По мере того, как мчался по взлетной полосе, вой двигателей нарастал и вдруг перешел в ровный рев...

Словом, вначале все шло как обычно... Но взлет еще не успел завершиться, а с самолетом уже стало происходить нечто невообразимое... Выяснилось, что заело закрылки, и справиться с ними долго не удавалось... Когда убрали шасси, вспыхнул огонь в нише для колес. Пожар не так-то легко удалось ликвидировать... Однако сюрпризы на этом не закончились — на высоте в несколько тысяч метров неожиданно начал терять тягу один из двигателей...

Я видел перед собой только спину и затылок командира ТУ, невозможно было понять, как он реагирует на свалившиеся многочисленные неприятности. Но у бортинженера вырвался короткий нервный смешок, когда обнаружилось, что ко всему прочему вышла из строя система герметизации кабины. Самолет был вынужден начать резкое снижение до высоты в две тысячи метров...

Мы летели из Свердловска в Челябинск, то есть не так чтоб и далеко, но что это был за несчастливый рейс! За время полета переставал работать радиоприемник и барахлила едва ли не все приборы. Загорелся двигатель номер два и был отключен. Уже при самом подлете к аэропорту в двигателе номер три упало давление масла. Его выключили. Создалась сложная ситуация — посадка на одном работающем двигателе... Командир приказал начать снижение... Через минуту как будто слегка зашло уши. «Что за черт! — поразился я. — Вот уж этого точно никак не должно быть!» И сейчас же заметил, как командир нашего ТУ, на мгновение оторвав руку от штурвала, быстрым движением провел ладонью по лбу, смахивая капельки пота. Пожалуй, в кабине этого аварийного лайнера я единственный сохранял хладнокровие...

Стремительно приближалась взлетная полоса, самолет вроде слегка потряхивало, руки командира намертво вцепились в штурвал. Только бы шасси снова не отказало... Неужели же испытания еще не закончились? «Снижение и посадка — самые опасные фазы полета. Именно здесь и подстерегают чаще всего ошибки и неисправности. И здесь недопустимы те отклонения, которые можно еще позволить на высоте нескольких километров — слишком ограничено у пилота время для размышлений», — вспомнил я запись из своего блокнота. И в этот самый момент дверь открылась и в кабину совершающего рискованную посадку ТУ-154Б собственной персоной вошел тот, кому эти слова принадлежали — инструктор авиатренажера Тянутов Анатолий Иванович. Он наклонился ко мне: «Полет окончен... Наверное, будет какие-нибудь вопросы?»

Прямо из кабины ТУ в коридор Уральского авиатренажерного центра спускалась крутая лестница. Я ступил на нее, как ступают на трап после самого настоящего полета — недоверчиво ощупывая ногой эту твердь.

— Анатолий Иванович, а почему при посадке у меня уши заложило?

— Это вам показалось... На самом-то деле мы еще не умеем на своих тренажерах добиваться подобного эффекта. Нервничали, наверное?

— Зачем же? Я ведь точно знал, что ни в какой Челябинск мы не летим. А вот пилоты, мне показалось, работали на полном серьезе.

Инструктор авиатренажера взглянул на меня с недоумением. Я, безусловно, сморозил глупость — ведь любой «полет» в тренажерном центре для пилотов нашей гражданской авиации — это ответственный экзамен на право вождения небесных лайнеров. «Полет» в экстремальных условиях, каких, может быть, на самом-то деле и не бывает...

— У летчика, работающего на тренажере, пульс порой достигает 120—140 ударов в минуту... Сильнейшее стрессовое состояние. Вы, наверное, слышали, что юной в летные училища отбирают только со стопроцентным здоровьем?

Во всех крупнейших аэропортах страны авиатренажеры появились сравнительно недавно, но бурно совершенствуются. В Шереметьево они установлены на удивительного вида паучьих лапах, с помощью которых создается эффект тряски, имитируются воздушные ямы, словом, возникает почти полная иллюзия полета. В Кольцово этого нет, но зато здесь с огромной степенью правдоподобия моделируются, например, полеты и приземления в ночное время.

«Летайте самолетами Аэрофлота — самым безопасным видом транспорта». Для меня эта фраза наполнилась правдивым содержанием после всего, что я увидел в тренажерном центре. Я поверил ей, поверил в то, что моя беспокойная жизнь кинодокументалиста — вечного путешественника и пассажира — не закончится в какой-нибудь авиакатастрофе. Если в самолете, которым я лечу, откажут два мотора, то их сдублирует третий. Электрооборудование самолета дублируется трехкратно, а гидросистема в некоторых случаях даже пятикратно... Но главное то, что спокойствие и безопасность на трассах обеспечиваются специалистами, способные считывать за краткие секунды до 280 сигналов.

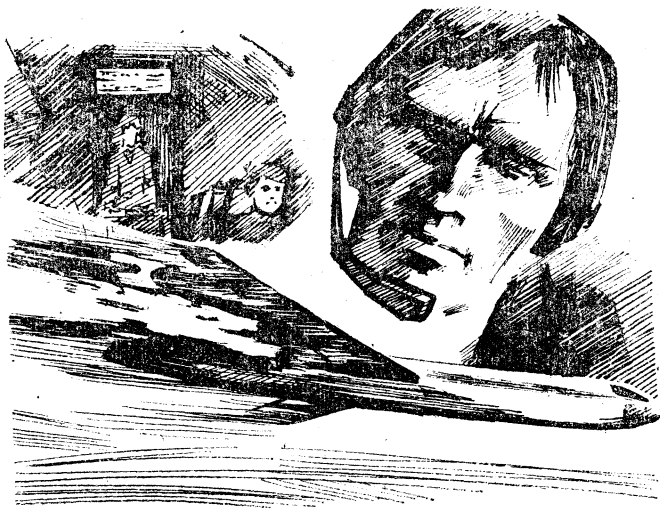
— Спасибо!

— За что?

— За безопасность... И ожидайте к себе нашего кинооператора. Кино любите?

— Сам снимаю, и случается, даже получаю дипломы. — Ответствовал Анатолий Иванович Тянутов, провожая меня.

Я сел за руль «Жигулей», мне предстоял путь гораздо более короткий, чем предшествующий «полет» от Свердловска до Челябинска, но... «В мире ежегодно разбиваются вместе с самолетами 2500 человек по сравнению с



250 000 погибающими в этот же период на автострадах — свидетельствует статистика. Автомобиль остается пока, по-видимому, самым ненадежным видом транспорта!

С тех пор как на Свердловской киностудии началась работа над фильмом под условным названием «Уроки катастроф» — это будет полнометражный научно-популярный фильм о том, как человек учился обуздывать свои технические творения, как порой на горьком опыте постигал законы науки надежности, как развивалась и окрепла эта наука, без которой сегодня невозможен мировой технический прогресс, — с тех самых пор я пребывал в странном состоянии. Я все оценивал. Вот эта машина, на которой я еду, достаточно ли она надежна? А этот мост... здание... башня... лифт... лестница?..

Обычно человек не опасается созданных им вещей, он осознает свою власть над ними, и они послушно служат ему. Однако если бы он ограничился только созданием вещей чисто утилитарных — хлопот бы не было. Но ведь он, человек, из века в век рвется к огромным скоростям, бескрайним высотам, невероятным глубинам, он словно дерзко пробует пределы своего могущества.

Да и что такое утилитарность вещей? В наши дни даже самолеты, которые еще в начале века были всего лишь летательными аппаратами бесстрашных одиночек, стали вполне утилитарными, то есть привычным видом транспорта. А завтра, может быть, то же самое мы скажем о космических кораблях?

### «ВОЗЬМИ ТРЕХЛЕТНЕГО КОЗЛА...»

Еще четыре тысячи лет тому назад в Древнем Вавилоне существовал закон, который гласил:

«Если построенный архитектором дом развалится и при этом погибнет его владелец, архитектор подлежит смертной казни.

Если при этом погибнет сын владельца дома, смертной казни подлежит сын архитектора...»

И надо признать, вавилоняне строили совсем не плохо. Как свидетельствует греческий историк Геродот, который сам при жизни побывал в Древнем Вавилоне, город, расположенный на обоих берегах Ефрата, имел грандиозные храмовые, ирригационные и оборонительные сооружения. Благодаря раскопкам археологов, в наши дни увидели свет и жилые строения вавилонян — они довольно хорошо сохранились и демонстрируют нам сегодня

пристрастие древних зодчих к довольно-таки скромному материалу — сырцовому кирпичу, из которого все в основном и строилось. Очевидно, этот материал представлялся тогда прочным. В Библии как сказано о Древнем Вавилоне? «Город великий... город крепкий...»

Но именно в Древнем Вавилоне зарегистрирована и самая первая катастрофа — крушение так называемой Вавилонской башни. «Дом основания небес и земли», так ее величали. Башня устремлялась ввысь и достигла уже почти девяноста метров, когда начали рушиться ее многочисленные террасы и диковинные спиралевидные лестницы, по которым дерзкие вавилоняне предполагали подняться когда-нибудь к Солнцу.

Кто же был архитектором башни? Предание не сохранило его имени, но, думается, погиб он не своей смертью... Что ж он принялся строить «дом до небес» из того же материала — сырцового кирпича, не учитывая при этом ни силы тяжести сооружения, ни действия дождей и ветров, ни температурных перепадов?

А вот другой пример, тоже из древности, однако совершенно противоположный первому. Знаменитые римские акведуки... Они дожили до эпохи телевидения, сохранившись едва ли не в первоизданном виде! Но задумаемся — ведь это же обыкновенный водопровод, назначение которого представляется столь прозаичным, что поневоле напрашивается вопрос: неужели те, кто его проектировал, сознательно стремились к тому, чтобы этот водопровод пережил тысячелетия?

Но кто и когда определил впервые, сколько времени должно просуществовать то или иное сооружение? Известно, что один из фараонов Древнего Египта Эхнатон IV построил новую столицу — город Ахетатон — с дворцами, храмами, казармами, садами, с колоссальными скульптурами и многоцветными росписями, — которая, однако, простояла поразительно мало — всего четверть века!

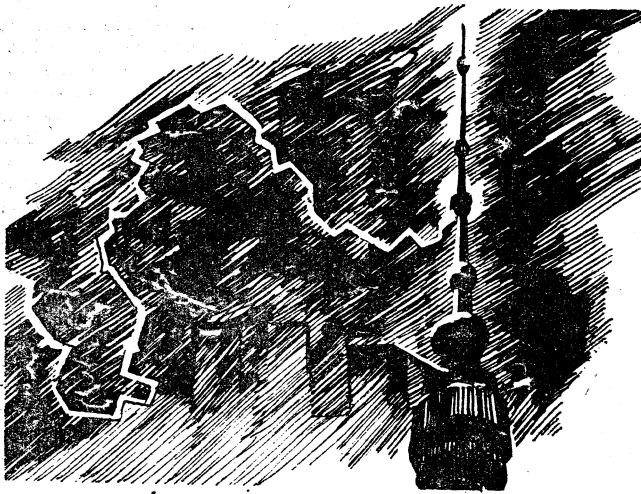
В руинах города археологи со временем обнаружили множество памятников самому Эхнатону, очень определенно воспроизводящих не только черты аскетического одухотворенного облика фараона, но и болезненную узость его груди, слабость тонких рук, нежизнеспособность от рождения... Эхнатон IV и в самом деле царствовал совсем недолго, а его новая столица едва-едва пережила своего правителя. Так, может быть, между этими фактами существует какая-то связь, ведь образованнейший по тому времени фараон сам был главным архитектором Ахетатона. Не намеренно ли он построил его только для себя самого?

Вывод заманчивой... Но если бы действительно было так, то нам оставалось бы дальше предположить, что строительная наука еще до нашей эры была столь изощрена, что безошибочно предвидела судьбу своих творений. Однако это слишком невероятно!

Не зная теории, древние лишь предугадывали многие технические решения, осмысленные только через много веков. Долгое время техника шла своим путем — путем суровых уроков, жертв и ошибок. Ее эмпирический опыт был подчас жесток и иррационален. В Древнем Вавилоне при изготовлении стекла использовались человеческие эмбрионы. Японцы закалывали мечи, погружая их в тела пленных. Еще и в IX веке предлагалось охлаждать раскаленный до свечения клинок, вонзая его в тело мускулистого раба. Сила раба, перейдя в кинжал, должна была придать металлу твердость.

И только спустя столетие некий Теофилус Прейсбрайтер в книге «Схемы различных искусств» предложил менее кровожадный рецепт закалки стали: «Возьми трехлетнего козла и держи взаперти на привязи трое суток без корма. На четвертый день накорми его папоротником. После того, как он два дня поест папоротника, помести его на очередную ночь в бочку с решетчатым





дном. Под бочку поставь сосуд для сбора мочи. Набрав за двое—трое суток достаточное количество жидкости, выпусти козла на волю, а в этой жидкости кали свой инструмент». Позднейшие исследования выявили преимущества закалки металлов в мочеине и аммиаке, даже и в современной практике азотирование производится таким образом. Закалка в биологических жидкостях, как выяснилось, обеспечивает более эффективный обмен, при котором на поверхности металла образуются твердые игловидные кристаллы нитрида железа, способствующие упрочению металла.

Основы всех современных наук были созданы в эпоху Возрождения и дух его воплотил один из титанов Возрождения—великий художник и гениальный инженер Леонардо да Винчи.

«Всякая наука должна быть воздвигнута на хорошей теории,—учил Леонардо.—Наука—полководец, а практика—солдаты». Он задумывается над проблемой надежности многих известных сооружений. Исследует сопротивление на изгиб строительных балок.

«Если балка в два локтя длиной выдерживает стс фунтов, то балка длиной в один локоть будет выдерживать двести фунтов. Во сколько короткая балка меньше длинной, во столько же раз больший груз она способна выдерживать в сравнении с этой более длинной».

Движение вперед науки надежности обуславливалось нуждами технического прогресса, и она двигалась с ним в ногу...

Но в ногу ли? Разве мрачная тень аварий и катастроф навсегда перестала сопровождать создание выдающихся технических сооружений?

## ПРО СТРАШНОЕ

Тридцатые годы. Самолеты ставят рекорды скорости, дальности, высоты... Но все еще неясно, каким же путем пойдет авиационное. Может быть, ведущим видом транспорта станут все-таки дирижабли? Ведь эти простейшие по конструкции, но чрезвычайно грузоподъемные мостодонты имеют множество преимуществ перед самолетами.

В небо поднимается исполинский дирижабль «Гинденбург»—его гигантское тело длиной около 250 метров приводится в движение четырьмя могучими дизельными двигателями. После дерелета из Европы в Америку «Гинденбург» зависает над Нью-Йорком.

С нетерпением ожидают его приземления толпы на-

рода, репортеры, кинооператоры. Причальная команда уже готовится принять корабль, и... Внезапная вспышка озаряет корму «Гинденбурга»—в одно мгновение он охватывается пламенем. Кто-то кричит: «Спасайся!»—и члены причальной команды бросаются во все стороны от стремительно несущегося вниз моря огня. Радиокомментаторы близки к истерике, они только повторяют: «Это ужасно... это ужасно...»

И в самом деле... Я видел пожар «Гинденбурга» от начала трагедии до последнего кинокадра. Видел, как он превратился в ослепительное пятно, от которого разбегались люди, но почему-то так медленно, что перехватывало горло и хотелось, чтобы кинолентка крутилась побыстрее... Чудовищная катастрофа произошла почти полвека назад и настолько ошеломила мир, что во всех странах было предано анафеме целое направление в технике—дирижаблестроение.

«Похоже, что наш фильм скучным уж во всяком случае не будет!»—говорили мы друг другу в темноте просмотрового зала Госфильмофонда, расположенного в местечке Белые Столбы под Москвой. Каких только кадров нет в архивах! И мы смотрели, смотрели взахлеб!

Америка. 1940 год. Мост, построенный через реку Огайо, на наших глазах скручивается винтом. Полотно моста зигзагами преодолевает один-единственный человек и еще какая-то машина, очевидно, уже покинутая водителем, совершает на «галопирующем» мосту столь же беспорядочное движение... Наконец, пролеты моста рвутся, полотно словно бы расщепляется—и все летит!

Кто мог снять такое на кинолентку? Журнал «Техника—молодежи» ответил на этот вопрос. Некий профессор Фаркарсон, физик и кинолюбитель, предсказывавший катастрофу заранее, в конце концов, сам и зафиксировал трагический исход. И вот он—редчайший кинодокумент.

Катастрофы космических кораблей—впечатляющие трагедии нашего времени... В 1967 году с американским «Аполлоном» произошло примерно то же, что в свое время с «Гинденбургом», который стал жертвой грозового разряда, воспламенившего водород, наполнявший дирижабль. В случае же с «Аполлоном» к пожару привела искра, вызванная замыканием проводов под сиденьем космонавта. Обогащенная кислородом атмосфера и горючие материалы обшивки, казалось, только ее и ждали. Все занялось в один миг. Кабина превратилась в пылающий ад. От космонавтов поступило лишь несколько слов: «...Кажется, мы горим!.. В кабине пожар!!!»

Все было конечно за двадцать секунд. Чьи-то обгоревшие пальцы остались на внутренней стороне люка. Спасение было невозможно: чтобы открыть люк, нужно было не менее двух минут, да и то в спокойной обстановке. А двух минут ни у космонавтов, ни у спасателей не было.

В своем фильме «Уроки катастроф», как и в сравнительно небольшом очерке для журнала, я не имею возможности объяснить подробно, по каким именно причинам разыгрывались в прошлом те или иные трагедии. Однако существует шутка, придуманная инженерами, отвечающая на этот вопрос, и, кажется, с изрядной долей истины:

«Уроненный инструмент чаще всего падает именно туда, где способен причинить наибольший вред».

Если какая-нибудь часть машины может быть смонтирована неправильно, то обязательно найдется тот, кто это сделает.

Все герметические стыки протекают.

При любом расчете число, правильность которого для всех очевидно, становится источником ошибок».

И тому подобное... В самом деле, история аварий и катастроф пестрит примерами того, как сложнейшие технические устройства и сооружения гибли из-за неучтен-

ного пустяка, небрежности обслуживающего техника, и гораздо реже — от прямого инженерного просчета.

Но можно ли учесть все? Можно ли сделать так, чтобы созданные человеком устройства никогда не отказывали? Возможен ли мир техники вообще без катастроф?

Решив попытаться ответить на этот важный вопрос, мы, по правде говоря, предполагали, что, безусловно, такой мир — без катастроф — возможен и реален, а иначе зачем существует наука, прошедшая столь длинный, столь нелегкий и все-таки плодотворный путь?

Но ответ оказался неожиданным... Сама наука надежности во всеоружии всех накопленных знаний отвечает категорически: нет! Мир техники без катастроф не-возможен!

Обычно полнометражный научно-популярный фильм делается год, и за это время киностудии предстояло прежде всего понять, а потом и рассказать, почему же невозможен мир без катастроф и как жить в этом мире, где неизбежно что-то должно падать, гореть, тонуть, отказывать...

— Да вовсе необязательно что-то должно падать и отказывать, — уточняли те, кто состоял на службе у науки надежности.

— Но мир без катастроф невозможен?

— Невозможен, — спокойно соглашались они.

— ?!

— Что же тут непонятного? Невозможность еще не означает неизбежность... Вот аварии действительно неизбежны. А катастроф просто не должно быть, иначе зачем же существует наука надежности?

Я не раз вспоминал уроки, полученные в Уральском центре учебных полетов на тренажерах, и мысленно снова задавал вопрос инструктору Анатолию Ивановичу Тянутову:

— Без аварий полетов не бывает?

— Аварии случаются. Но ведь с помощью тренажеров пилоты именно тому и учатся, как ликвидировать возможные аварии...

— А катастрофы?

— Не должно быть!

— Но бывают?

— Случаются...

Как трудно Анатолию Ивановичу, ну, просто физически трудно признавать это «случаются». В нем все протестует, он не приемлет именно случайность в своем деле, потому что она может обернуться трагической случайностью. А между тем утверждая, что катастрофы в мире техники закономерны, но в конечном счете все-таки не-обязательны, ученые оперируют и понятием «случайность».

## РУКА СУДЬБЫ

Вспомним «Титаник»... «Титаник»? Да ведь о нем уже все известно! В начале XX века был построен небывалого водоизмещения суперлайнер, более всего известный тем, что избалованная публика могла найти на его палубах и в салонах возможность для любых развлечений. Как в большом европейском городе здесь были мюзик-холлы, летние и зимние сады, гимнастические залы, плавательные бассейны, теннисные корты, турецкие бани... В конце концов этот удивительный корабль наскочил на огромный айсберг и затонул. Было около полутора тысяч жертв... Какую же пользу можно извлечь из давней истории?

Любая катастрофа преподает инженерам урок. Гибель «Титаника» — не исключение. Уроки его гибели не-безынтересны даже и для нынешних инженеров, потому что весьма убедительно демонстрируют значение случайности.

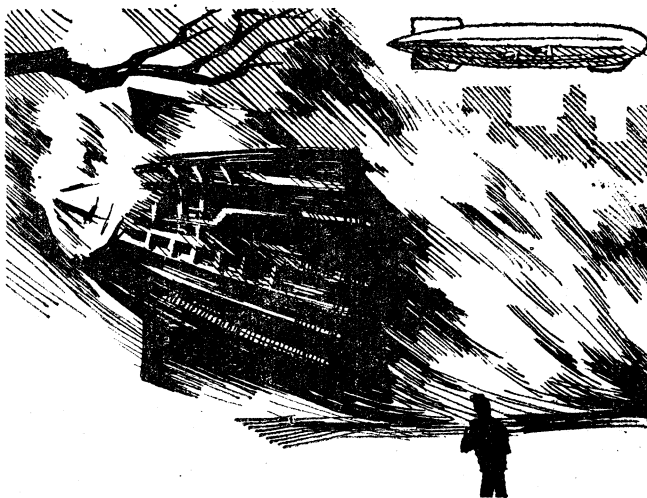
Известно, что проектировщики суперлайнера вовсе не игнорировали возможности его столкновения с айсбергом. Наоборот, корабль подготовили и к такого рода неприятности. Ведь инженерам уже известен был, к примеру, важнейший принцип обеспечения надежности сложных систем — принцип дублирования. В «Титанике» он был использован многократно: паровых двигателей было установлено четыре, дно выполнено двойным, корпус разделен на водонепроницаемые отсеки... Казалось, в случае любой пробоины корабль должен был остаться на плаву. А он пошел на дно. Судьба? Рок? Дьявольщина какая-то!

В данном случае роль судьбы сыграла цепь случайностей. Если бы «Титаник» шел с меньшей скоростью, безусловно, его столкновение с айсбергом не привело бы к трагедии. Если бы корабль не пытался отвернуть от плавающей глыбы льда, то в результате столкновения была бы смята его носовая часть, а не пропорот борт. Но как раз лобового столкновения пытался избежать капитан Смит. Если бы переборки корпуса были чуть выше, вода из четырех поврежденных и затопленных отсеков не залила бы пятый...

Чем более сложной становилась техника двадцатого века, тем неизбежнее возрастало число причин, из-за которых происходили аварии и катастрофы, тем большую роль приобретала «случайность» отказа той или иной технической системы. И часто новая техника испытывала «кризис доверия». Очевидным становилось, что роль случайности должна учитываться. Но каким образом? По законам и формулам какой теории?

Математической теории вероятности. Математической ли? Скажем, классические математики всегда относили эту абстрактную теорию отчасти к философии, отчасти к физике из-за ее «приложимости» ко множеству проблем, в частности, и к проблемам естествознания. Но теорию вероятности обосновал все-таки математик — выдающийся советский ученый А. Н. Колмогоров, хотя ему для этого потребовалось 33 года.

Что же сегодня инженеры противопоставили неизбежности случайного в мире сверхсложной техники? Множество старых и новых способов борьбы за безопасную эксплуатацию машин и сооружений. Например, все тот же принцип дублирования, который в свое время не смог предотвратить гибель «Титаника», значительно усовершенствовался и по-прежнему остается одним из важнейших принципов в деле обеспечения надежности. Так задублированы все системы и механизмы атомных подводных



лодок. Что касается систем их сигнализации, то они работают таким образом, что показания одного прибора обязательно должно подтверждаться показаниями еще нескольких, независимых от первого. Столь же непросто обеспечивается безопасность космических кораблей. Вот почему подобная техника обходится так дорого — ведь фактически в одном корпусе лодки или ракеты находятся две совершенно независимые и одинаковые атомные подводные лодки или космические ракеты.

Но можно ли целиком продублировать любые системы, сколь бы сложны они ни были? Оказывается, нет. Нельзя, например, построить специальные резервные линии электропередач, которые стояли бы в бездействии и ожидали возможной аварии в общей энергосистеме. То есть, в конце концов, можно сделать и это, но, с одной стороны, это приведет к безумным затратам, а с другой — могут отказать и резервные части системы. Что, кстати, произошло в 1965 году в США, где на территории в 200 тысяч квадратных километров неожиданно отключилось электричество. Остановились электропоезда, троллейбусы, тысячи людей застряли в метро. На улицах воцарилась невообразимая суматоха, вызванная тем, что погасли светофоры. Самолеты не могли совершить посадку на погруженные в темноту аэродромы. На заводах застыл металл в электропечах. Хирурги заканчивали операции при свечах... Только к утру подача электроэнергии была восстановлена. Для расследования причин «катастрофы века», которая принесла убытки в сто миллионов долларов, была создана комиссия. И к какому она пришла выводу?

Самому пессимистическому — в крупнейшей электроэнергетической системе, спроектированной, казалось бы, по всем классическим канонам, после многолетней безотказной эксплуатации катастрофу вызвала неисправность одного-единственного реле в системе защиты.

Можно ли было аварии предотвратить? Нет! Нельзя совершенно избежать подобных незначительных аварий, но в данном случае нужно было идти другим путем, а именно — строить систему таким образом, что никакая авария не могла приобрести размеров катастрофы.

Лет десять назад произошло ЧП в одной из частей Единой энергетической системы европейской части СССР: внезапно отключилась линия электропередач напряжением в 500 тысяч вольт, питающая электричеством Казань. Оказалось, пылевые бури из Закаспия перенесли в Татарию большое количество порошкового вещества, который в условиях повышенной влажности становится токопроводящим. Пыль осела на провода, на гирлянды изоляторов высоковольтных линий — и вызвала цепь аварий...

Но ЕЭС была рассчитана на возможность аварий на отдельных участках. Ее проектировщики сделали ставку не только на дублирование систем, не на абсолютную безаварийность, а наоборот — неизбежные аварии были как бы запланированы. Поэтому в Татарии не произошло ничего подобного «катастрофе века» в США — все важнейшие объекты жизнеобеспечения продолжали работать.

И все-таки с тех самых пор, как теория вероятности была доказана — слава инженерам! — они упорно пытаются сбалансировать проявление своего к ней уважения с попытками во что бы то ни стало ее обойти, по возможности застраховаться от проявления закономерностей этой математической философии или философической математики — как ее называть? Выяснилось, что аварии можно моделировать и тем самым предугадывать их причину, время и место. Как это моделировать?

Лично мне пришлось не единожды наблюдать это «как» еще во время съемок короткометражного документального фильма о рождении малолитражки «Москвич». Машины безжалостно разбивались на полигонах при ис-

пытаниях на прочность кузовов, надежности тормозов, мобильности управления. Я тогда не спросил, правда, сколько всего «Москвичей» предназначается на такое заклание во имя будущей надежности, но позднее мне пришлось читать, что на подобных же полигонах-лабораториях, скажем, итальянской фирмы «Фиат», ежегодно разбивается 500 автомашин. Машины гибнут, указывая на свои слабые места. И инженеры получают возможность усиливать элементы конструкций, находить их оптимальные варианты, избегать в будущем аварий по техническим причинам.

## ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Мне не хочется признаваться, что, снимая «Уроки катастроф», мы рассчитывали стать свидетелями какой-нибудь аварии, которая разыгралась бы у нас на глазах — только снимай! Не так часто они происходят, чтобы каждый раз на месте происшествия оказывался человек с кинокамерой — и прекрасно! А все-таки не без некоторой профессиональной зависти я вспоминал фильм своего коллеги, которому случилось оказаться на строительстве одного из крупнейших в мире сооружений — Саяно-Шушенской ГЭС именно в тот момент, когда взбесившийся Енисей грошил все на своем пути, угрожая разрушить еще недостроенную плотину. И люди — страшно было смотреть на это единоборство — героически противостояли стихии. Бешеный напор воды опрокидывал подъемные краны, тяжелые ЗИЛы, правда, как-то счастливо обошлось без человеческих жертв — авария не переросла в катастрофу.

Вот эта картина битвы с Енисеем неотвязно стояла у меня перед глазами. И почему-то я мысленно перебирал кадр за кадром события уже отдаленного времени... Стоп, однако! И какое имеет значение, когда именно произошла авария на Саяно-Шушенской ГЭС — важны ее причины и уроки! В конце концов в своем фильме мне приходится оперировать даже фактами прошлых столетий, а тут всего несколько лет прошло, и все еще памятно. Газеты тогда писали о гибели дорогостоящей техники, о затоплении котлована будущей гидроэлектростанции, потерю строителями нескольких месяцев драгоценного времени...

Запомнилось и беглое упоминание о необычно высоком весеннем паводке 1979 года... Значит, виноват паводок, то есть природа, и следовательно — случайное стечение неблагоприятных обстоятельств? А как же насчет моделирования подобных аварий? Не может быть, чтобы подобное моделирование не проводилось еще на стадии подготовки проекта такого крупного и уникального сооружения, каким является плотина Саяно-Шушенской ГЭС. Меня захватило желание раскрутить события, что называется, в обратную сторону, вернуть к 1979 году, попытаться взять интервью у проектировщиков, строителей, возможных свидетелей аварии и, кто знает, может быть, ее виновников.

Для начала я разыскал телефон бывшего начальника строительства ГЭС на Енисее (теперь он пребывал в должности первого заместителя). Я звонил ему каждый день... Пустое дело!

— Сниматься не буду! — был ответ.

— ?

— Не могу обо всем этом рассказывать из-за своего служебного положения, а изворачиваться не хочу!

Тут каждый бы на моем месте понял, что «след» взят правильно. Вот только справлюсь ли я с ролью детектива? Во всяком случае, один из важных свидетелей и участников событий от меня явно ушел... Можно еще слетать в Ленинград к Ефименко Александру Романови-

чу — он тоже все знает. Звоню ему — на проводе сам Ефименко: — Приезжайте...

Летим! Срочно! Вторгаемся в Ленинградский институт «Гидропроект» с киноаппаратурой, светотехникой, надеждами и опасениями, что съемка сорвется по каким-нибудь причинам. Но все превосходно! Александр Романович — приятный во всех отношениях человек, опытный специалист и хороший рассказчик... На всякий случай я пока таю свой главный вопрос, держу его «в рукаве», и разговор идет вообще об обеспечении безопасной эксплуатации разного рода плотин, в частности и Саяно-Шушенской на Енисее — Ефименко был главным инженером ее проекта, а затем осуществлял авторский надзор за ходом строительства.

Жизнь любой плотины рассчитывается на века, ведь каждая из них становится как бы частью природы. Гарантийный срок, если можно так выразиться, плотины Саяно-Шушенской ГЭС составляет сто пятьдесят лет. Какими будут весенние паводки в эти годы, сумеет ли плотина с ними справиться? Из рассказа Ефименко следовало, что наблюдения за уровнем воды в Енисее велись с 1900 года. И все это время, день за днем — пронеслись ли над страной войны, происходили революции или менялись правительства, — безмянные и безвестные рядовые науки гидрологии опускали в Енисей немудреные измерители уровня воды, скорости потока... Сегодня считается, что характер Енисея достаточно хорошо изучен — с периодичностью примерно раз в тридцать лет эта сибирская река во время весеннего паводка бывает особенно опасной. Учитывая такую закономерность, проектировщики Саяно-Шушенской ГЭС предложили сделать в плотине одиннадцать холостых водосбросов, которые в состоянии были бы пропускать в одну секунду до тринадцати тысяч кубических метров воды. Аварии, связанные с высокими паводками, казалось, были исключены. «Это подтвердили и длительные испытания на моделях плотин», — утверждает Ефименко.

«Но что же тогда стало причиной аварии 1979 года?» — пускаю я свой главный вопрос из «рукава».

Почти минуту Александр Романович в замешательстве молчит. И в конце концов ответ его сводится к довольно-таки сбивчивому и неясному заявлению, что, мол, отчасти он тоже виноват.

— Обнаружились ошибки в проекте?

Такое оскорбительное предположение Ефименко категорически отрицает. Однако он готов признать другое — что авторский надзор проектировщиков за ходом строительства плотины был недостаточно принципиальным. В результате оказалась нарушенной последовательность ввода в действие объектов, и водосбросы не были готовы к весеннему паводку... «Строители находились под прессом министерства», — Александр Романович произносит это признание едва слышным голосом, и лицо его выражает крайнюю степень смущения, как будто он признается в чем-то совершенно неприличном. Да ведь это так и есть — история в 1979 году на строительстве плотины произошла, мягко говоря, действительно некрасивая и окончилась плохо.

Эпизод о случившемся в Саянах как будто выходит за рамки данного очерка — не слишком ли много человеческой психологии для рассказа о технической надежности? Вот также мы чувствовали это, материал еще раньше перерастал первоначальный замысел нашей будущей картины. И тем не менее киногруппа переезжала из Москвы в Ленинград, из Ленинграда в Саяны — на место строительства ГЭС. Мы встречались со множеством людей, так или иначе замешанных в деле с аварией, и видели, какие они все разные, эти люди, делающие одно общее и важное дело. Кто-то совестлив, как Ефименко, — отчетливо сознает свою вину, но в силу присущего ему характера

не может противостоять неправым действиям и решениям. А такие, как Кузьмин — главный инженер управления «Красноярскгэсстрой», разговор с которым состоялся прямо на берегу Енисея у подножия плотины, наоборот, обладает в полной мере бойцовскими качествами. Имя этого человека — видного гидротехника — связано с сооружениями Цимлянского, Куйбышевского, Волгоградского, Асуанского, Токтогульского гидроузлов. Можно добавить, что Кирилл Константинович Кузьмин ветеран Великой Отечественной войны и заслуженный мастер спорта по альпинизму. Каков человек! А вот в своем сражении с министерством не выстоял и по приказу свыше первую очередь ГЭС в Саянах пускал, не успев закончить строительства водосбросов, — пресловутые показатели обеспечивал!

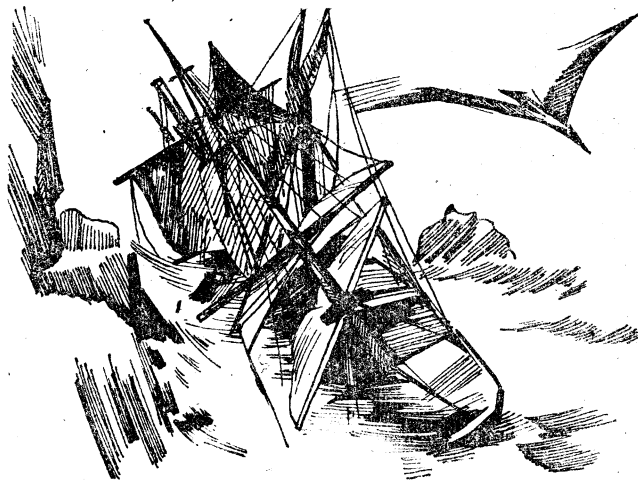
Каковы же выводы, непосредственно касающиеся темы нашего фильма? Обеспечение надежности современных технических сооружений — это чрезвычайно развитая наука, сложнейшая по своей структуре. Она включила в себя множество методов физики, математики, химии, отчасти даже философии, а также научного управления, отвергающего волевой стиль в действиях и решениях руководителей. Развитие техники не происходит вне закономерностей развития человеческой психологии — инженерной, управленческой, наконец, психологии гражданской ответственности за доверенное тебе дело.

Уходит в небо самолет вертикального взлета...

Стремительно пронесится поезд на магнитной подушке. Бесшумно скользит на подводных крыльях судно...

Космический корабль покидает землю... Оптимистическим парадом современной техники завершится фильм. Сегодня человек всемогущественнее, чем когда бы то ни было!

И все-таки... Хотелось бы в большей безопасности плыть сегодня на том корабле, имя которому Земля!







# НА ХОЛСТАХ - ИСТОРИЯ

Наталья ПАРОМОВА

Дома висела картина с тремя богатырями. Копию знаменитого полотна В. М. Васнецова сделал отец. Он с любовью копировал картины русских художников, и, быть может, именно это побудило маленького Виталия Шилова взяться за карандаш и кисточку. А может, вятская и пензенская земля, где прошли детство и отрочество? Так или иначе, но парень из рабочей семьи решил связать свою жизнь с изобразительным искусством и поступил в Казанское художественное училище, а затем в Харьковский художественно-промышленный институт, который закончил с отличием.

Несмотря на заманчивое предложение остаться в институте, В. Шилов уезжает в Сибирь. Он работает как монументалист, становится членом Союза художников, но потом начинает писать картины (чаще всего портреты) и активно участвует в молодежных, областных, республиканских выставках.

Первые живописные работы сохраняли черты монументальности — некоторую обособленность фигур от среды, подчеркнута жесткий контур рисунка, локальность цвета и композиционную простоту. В портретах инспектора ГАИ А. Щегорцева, председателя колхоза В. Ковалева, ветерана войны Р. Карамышевой, Героя Социалистического Труда Н. Нежданова подчеркивались, даже несколько гиперболизировались главные черты, объединяющие этих людей, — энергия и мужество.

Поездки к нефтяным месторождениям дают художнику новый материал. Появляются тематические полотна — «Ветераны Мегионнефти», «Комсомольское собрание». Последнее можно считать переломным в творчестве художника. Герои картины — конкретные люди, члены комсомольско-молодежной бригады Кузнецова из Нижневартовска. Сначала автор решил ввести в картину тех, которые показались наиболее колоритными, кто больше соответствовал понятию «человек Севера». Но потом В. Шилов поставил сложную задачу — написать всех — 20 человек — и не формально объединить их, а разработать и портретные характеристики и сюжетно-тематическое начало. Задача была решена успешно. Сюжетом стало комсомольское собрание, где почти каждый принимает участие в разговоре, живо реагирует на него. Большое внимание уделено и собственно живописи — цвету. После такой работы было легче решить проблему создания наиболее капитального в творчестве художника полотна «Ермак». Ему предшествовало серьезное знакомство с исторической литературой, музейными экспозициями, изучение оружия и костюмов этой эпохи. Пришлось побывать и на месте последнего боя Ермака близ Тобольска.

Пять лет работал художник над картиной и весь этот период жил историей великого сибирского края. Упорный, исключительно добросовестный труд принес свои результаты. Масштабность темы, ощущение подлинности происходящего события сразу захватывают зрителя.

Татарские князья и военачальники, которые покорились России, приходят к знаменитому первопроходцу с просьбой о защите. За солидарность с казаками Кучум нещадно истребляет поселения своих бывших подданных. Ермаку, как воину-защитнику, преподносят бо-

гатое оружие. Ермак плоть от плоти народа. Его выделяют ум, решительность и сила. Сподвижники Никита Пан и Иван Кольцо, татарские князья, простые ратники, любопытные мальчишки — все образы продуманы и живо воплощены. Композиция картины разработана сложно, она включает в себя и пейзаж, и архитектуру. Цветовое решение насыщенное, яркое. С большим умением написаны все детали быта, одежда, оружие. Русские казаки показаны не только храбрыми воинами, но также гуманными и умными людьми, которые в сложной обстановке могли проявить понимание и такт, быть защитой слабым.

Настоящий художник не может быть спокоен, даже достигая определенных успехов в творчестве. Жизнь и время ставят перед ним все новые проблемы.

Сложным настроением пронизана картина В. Шилова «Спор о культуре». Образы В. И. Ленина, А. В. Луначарского, А. М. Горького решены не традиционно (плакатно-хрестоматийно), а своеобразно и, может быть, в чем-то непривычно. Время первых лет революции ставило вопрос жестко: быть или не быть новому государству? Вопрос ставился не только о создании новой культуры, но и о сохранении величайшего национального достояния — культуры прошлых веков, а это было в тот период далеко не просто. Спор проникнут пафосом. Здесь не только страстная убежденность, но и сомнения, раздумья. Именно это и дает живую убедительность и ситуации и образам.

...Все больше волнует современного человека «истоки» и «корни» современности. Все пристальнее начинает он всматриваться в историю своего края, своей семьи.

Время организации первых колхозов в Сибири знает славные и трагические страницы. Яростным было сопротивление кулачества. Особенно агрессивно проявил себя кулак в Исетском районе Тюменской области, где вспыхнул мятеж, оставивший в селах много братских могил. Для полотна «Кулацкий бунт» В. Шилов выбрал именно те события: драматический момент расстрела коммунаров. Эти люди перед смертью горды и высоки духом, кулаки бессильны в своей злобе. Особенно выразителен в этом отношении рыжебородый с орлиным носом, который в ярости оглядывается на кричащих женщин. Но торжество не за ним, а за коммунистами, за их убежденностью и мужеством.

Готовясь к 400-летию Тюмени — первого города Сибири, — художник начал работу над новым полотном, о значительности которого можно судить даже по названию — «И поставлены будут города сибирские». И снова взят исторический сюжет, и снова — чтение летописей, книг, просмотр изобразительного материала прошлого, снова творческий поиск, напряженная работа почти без отдыха и перерывов. Но ведь именно в этом и состоит долг, судьба художника. В этом, наконец, его счастье.





**КУЛАЦКИЙ БУНТ. 1978.**



**К 400-летию г. Тюмени художник В. Шилов заканчивает новый холст, посвященный основанию города.**

**БЕРЕЗЫ. 1980.**

**ГЛАДИОЛУСЫ. 1979.**







*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

# КРАСНЫЙ

№ 20.

[Летучая газета]

# ОТКЛИК

ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ЮЖГРУППЫ ВОСТОФРОНТА

№ 20

Понедельник 11-го августа 1919 г.

№ 20.

8-го Августа нами взят  
ГОРОД

# ТЮМЕНЬ.

Продвижение продолжается.  
Песенка Сибирского царь-  
ка, повидимому, спета; Кол-  
чак бросает последние ре-  
зервы, но победное шествие  
Красной Армии продол-  
жается.

## Сибирь будет Советской.

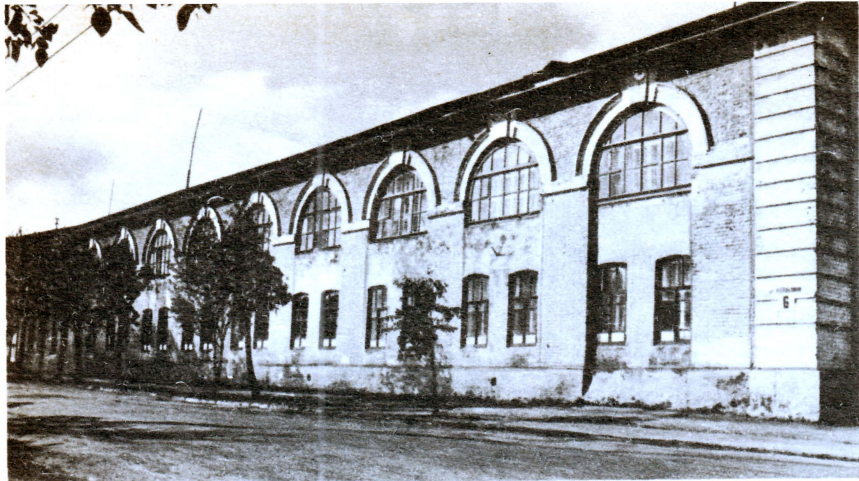


Тюмень. ПАМЯТНИК В. И. ЛЕНИНУ.



Тюмень. ЗДАНИЕ, В КОТОРОМ НАХОДИ-  
ЛАСЬ ШТАБ-КВАРТИРА В. БЛАСФЕМА.





**Тюмень. БЫВШИЙ ГОСТИНЫЙ ДВОР.**

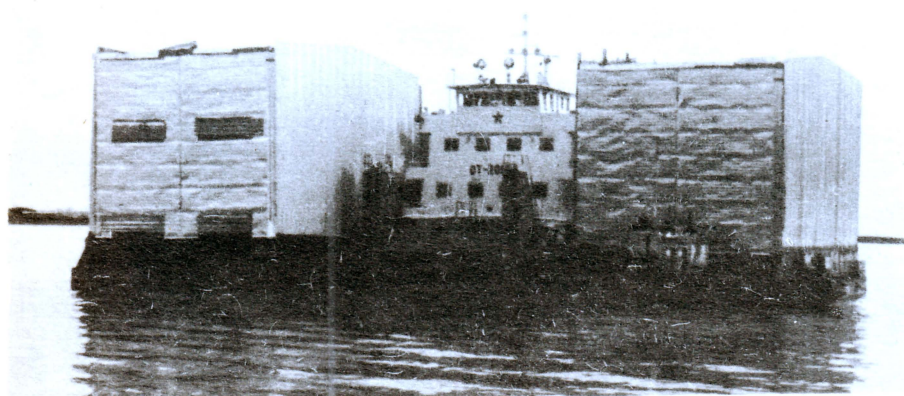
*Фото А. Пашука*



**Тюмень. УЛ. РЕСПУБЛИКИ; СПРАВА — ЗДАНИЕ ГЛАВТЮМЕНЬГЕОЛОГИИ.**

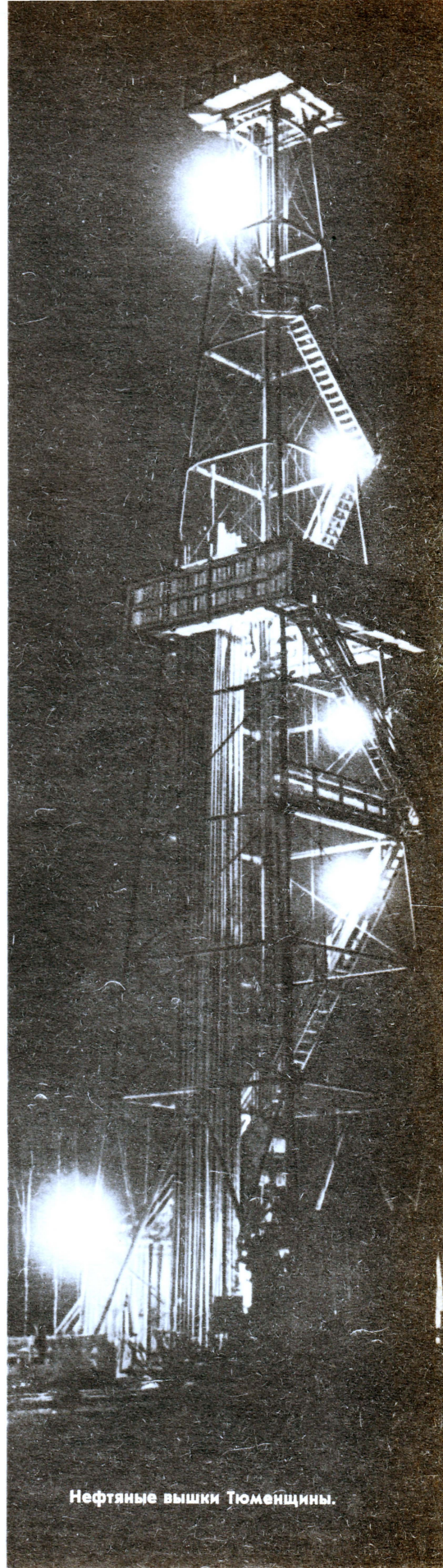


**Тюменский сельскохозяйственный институт (бывшее реальное училище, в котором учились П. Б. Красин, М. М. Пришвин и др.).**



**Тюменские superbлоки для Ямбурга.**

*Фото Ю. Ленцова  
Слайды И. Горячева*



**Нефтяные вышки Тюменщины.**







# ТОПОЛИНАЯ

Повесть

Владислав КРАПИВИН

Рисунки Е. Стерлиговой

# РУБАШКА

Мы вышли из баньки. Лопухи зашуршали о подол моей длинной рубахи. Было сумрачно и пахло близким грозовым дождем.

— Ну, вот оно...— вздохнула Глафира и закашлялась.— Теперь хоть в самое небо...

Но небо в этот миг высветилось зарницей, и мне туда совсем не захотелось. Я увидел такие облачные горы, пропасти, провалы и вершины, будто к Земле вплотную подошла другая планета.

— Не,— сказал я и передернул плечами.— Вдруг в меня молния попадет...

— Какая еще молния?— удивилась Глафира.— А, это от грозы, что ль? Не бойсь...

Она глянула вверх, взяла за руку Настю.

— Дай-ка, Настюшка... Чегой-то я одна не управлюсь...

Она постояла с поднятым лицом, охнула тихонько... И я почувствовал, что мне уже не страшно. Было по-прежнему пасмурно, только в этом сумраке уже не ощущалось грозовой напряженности. Словно все электричество разрядилось и утекло в землю. Были обыкновенные мирные тучи, из которых в крайнем случае мог пролиться спокойный дождик.

Но дождик пока не проливался. Тучи слегка раздвинулись, из-за лохматого края высунулся ярко-желтый бок луны...

— Ну, лети,— шепнула Настя.

Сердце у меня часто забухало. Я попробовал полететь. Не получилось. Я опять, как в баньке, заскреб воздух руками, будто плыву из глубины вверх, оттолкнулся босой ногой. Повис в воздухе. Потом понесло меня в высоту. Я испугался, захотел опуститься. Опустился. Захотел пролететь над грядками и неуклюже, бочком, пролетел. Тогда я осмелел, напряжинил мускулы и нащупал в себе и окружающем воздухе какие-то неведомые струнки. Может быть, это были силовые линии магнитного поля, о котором сейчас много пишут ученые. А может быть, во мне и

вокруг просто звенела моя радость, моя уверенность. Я рванулся вперед, тело сделалось послушным, воздух зашуршал по бокам, обтянул на мне рубашку, прижал ее, шелковистую, к коже. И я понял, что теперь могу летать ловко, быстро и уверенно. Главное— верить в себя и не бояться.

Я пронесся над грядками, взмыл над банькой, пролетел над сумрачной и влажной глубиной лога. Потом, хохоча от радости, сделал еще круг, спикировал к самой воде речки Тюменки, снова взлетел и наконец ловко встал перед ведьмами. Щеки горели, обдутые встречным ветром...

Настя смеялась, а Глафира сказала радостным шепотом:

— Научился! Ах ты, родненький наш...— И рывком притиснула меня к себе. Я застеснялся, засопел и вырвался.

Тогда Глафира проговорила уже иначе, настаивательно:

— Вот так и летай. Только гляди, ничего, кроме рубахи, не надевай на себя. Все, что не из этого полотна, к земле потянет, любая пуговка, любая ниточка самая махонькая...

Я поморгал, соображая, про что она говорит. Понял, и радость моя поубавилась. Я набычился:

— А как я... Ну, без штанов-то...

Настя тихонько хихикнула, а Глафира сказала:— Вот так и будешь. Кто тебя видит ночью...

— А днем, что ли, нельзя летать?

— Летай, когда хошь, привыкай,— подала голос Степанида,— только береги ее, рубаху-то.

— А штаны?— жалобно спросил я.— Разве нельзя сшить из такой же материи?

— Да к ее не осталось ни кусочка,— хмуро сказала Глафира.

Я представил, как появлюсь перед ребятами в таком не то платье, не то саване, и взмолился:— Настя! Ну, обрежь ты ее вот так!— Я чиркнул ладонью по животу.— А что останется— из того штаны. Пускай хоть самые коротенькие...

— Дай-ко, смеряю,— согласилась Настя. Но Глафира насупилась:

Окончание. Начало см. в № 6.



— Не по правилам это. Сказано, что рубаха должна быть...

Мне показалось, что Настя колеблется. Однако неожиданно за меня вступилась Степанида.

— Ты, Глаха, сама посуди,— сипло заговорила она.— Тебе не старое время, сейчас ребятишки и в деревнях без порток не бегают, а он мальчонка городской. Надо обрядить по-нонешнему, чтоб не боялся ничего...

Меня снова привели в баньку, рубашку велели снять. Я долго сидел в углу, кутаясь в чей-то старый ватник. А Настя то лязгала ножницами, то стучала на швейной машине. Эта громадная ножная машина с чугунным колесом появилась в баньке неизвестно откуда (от нее пахло ржавчиной).

Потом обрядили меня в штанишки без застежек, с узкой ляжкой через плечо (на вторую не хватило материи), и в короткую просторную рубашку навыпуск.

— Полетит ли? — с опаской сказала Глафира.

Я подпрыгнул, поджал коленки и клубочком всплыл к потолку. Медленно опустился на стол.

— Ну вот! — радостно и почти без сипения прогудела Степанида.— Ишь как полетел, будто пташка. И глянь, какой ладненький стал. А то была какая-то привидения, прости господи... Хошь на себя глянуть?

Она выволокла из-за печки большой кусок мутного зеркала. Я глянул... и опять огорчился. Рубашка — без воротника, с треугольным вырезом на груди — была очень похожа на нижнюю, вроде солдатского белья. Задрознят...

«Воротник бы сюда матросский», — печально подумал я, но ничего не сказал. Потому что бесполезно: все равно тополиной ткани больше нет. Однако Настя уловила мой тихий вздох. И сказала с недовольной ноткой:

— Ладно, сымай. Еще кой-чего подошью...

Она понесла рубашку к машине. Я, смущенный, побрел за ней.

— Покажи-ка пальчик, — вдруг попросила Настя.— Вот этот, левый.

Я удивился, протянул указательный палец. Настя ловко ткнула его иглой. Я громко ойкнул, дернулся. Она меня удержала:

— Не бойся. Дай-ка капельку... Краску-то нельзя, она тяжелая, а у тебя кровь тополиная — свежая да летучая...

К пальцу, на котором набухла красная капля, Настя поднесла кончик намотанной на катушке нити. Нить была серебристая — конечно, тоже из тополиного пуха. Кровь побежала по нитке, как по фитильку, и скоро вся катушка сделалась красной. У меня слегка закружилась голова, но Настя дунула мне в лоб, и сразу все прошло.

— Погуляй пока, — ласково сказала Настя.

Я сунул палец в рот, но не отошел. Смотрел, как Настя прилаживает катушку на машину, как укладывает под иглу рубашку. Вот она крутнула колесо, игла прыгнула...

Машина, без сомнения, была волшебная. Игла стукнула несколько раз, и под ней на белой материи появился вышитый красный листик. Круглый, но с острым кончиком, тополиный. Стук-стук-стук — и еще листик! И еще... Листики вытягивались в цепочку. Скоро эта цепочка у ворота и на спине обрисовала контур большого квадратного воротника.

Я тихо возликовал. Конечно, рубашка не стала настоящей матроской, но и на нижнюю сорочку теперь тоже не была похожа. Она сделалась красивой, праздничной. А когда Настя вручную вышила на левом рукавике алый якорь, я чуть на шею к ней не бросился. Но постеснялся.

И вот я опять встал в тополиной своей обновке перед ведьмами.

— Теперь-то как? — озабоченно спросила Степанида.— Сойдет?

— Во! — я показал большой палец.

Ведьмы дружно засмеялись. Степанида сипло и с кряхтеньем, Глафира сквозь кашель, а Настя ясно и негромко. Потом Настя взяла меня за плечо.

— Вот и все, Тополек. Ты пока к нам больше не ходи. Надо будет — позовем. Летай, привыкай пока. Шибко-то не хвастайся да людей не пугай, но и не бойся зря. Да одежду тополиную береги.

Я радостно кивал.

— Ладно, лети, — вздохнула Настя и подтолкнула меня к двери.

Прямо с порога я круто взмыл в высоту и помчался над крышами — под небом, где среди разбежавшихся туч летела вместе со мной яркая половинка луны. Прохладный воздух был полон резкими запахами недавнего дождя, мокрых крыш и листьев. Он летел мимо щек, отбрасывал мои отросшие за лето волосы, рвал коротенькие рукава, трепал края рубашки, обтекал упругими струями ноги и срывался с босых пяток щекочущими вихорьками.

И этот полет — самый радостный момент моей сказки.

## ПОЛЕТЫ

Утром я испытал ужасный испуг и огорчение...

Проснулся я поздно. Сразу все вспомнил, глянул на кривую спинку стула, где повесил ночью тополиную рубашку, — на спинке ничего не было!

Сердце у меня пискнуло, как проколотый мя-

чик, и покатило в какую-то холодную трубу. «Все...» — тоскливо подумал я.

Было ясно, что сказка кончилась. Конечно! Такое замечательное волшебство и не могло быть долгим. Никакой колдовской силы на это не хватит. Видимо, летучая ткань растаяла при первом утреннем свете...

А может быть, это ведьмы взяли свой подарок назад? Да, скорее всего так. А старую одежду вернули: вон пыльные штаны и выцветшая ковбойка аккуратно сложены на стуле (я их сроду так не складывал!).

За что же меня так обманули? Или наказали? Может, за то, что я слишком долго ночью носился над крышами и деревьями, резвился и дурачился в воздухе? Но что здесь плохого? Сами же сказали: летай...

Нет, наверно, просто кончилось волшебство...

Первое ощущение страха и острого горя прошло, но большая печаль от потери сказки осталась. Я мигал мокрыми ресницами и гадал: что же случилось? И только об одном не подумал: что история с тополиной рубашкой привиделась мне во сне. Не могло это быть сном! Вот и локоть до сих пор болит — я ободрал его о жестяной флажок на башенке деревянного дома над речным откосом (на флажке были сквозные цифры «1909», от него пахло сырым железом, и он со скрежетом повернулся, когда я зацепил его).

Я помню все так подробно! Как пахло берегами, как быстро щекотали мне лицо, ладони и ноги зубчатые листики, когда я летал над верхушками городского сада. Как я рассмеялся от этой щекотки, ладони выбросил вверх, сам изогнулся тугим луком и понесся сквозь шуршанье воздуха к ватным клочкам облаков и разбухающей половинке луны. Потом раскинул руки и ноги и повис там, в пустоте, вниз лицом.

С высоты все казалось ненастоящим: огоньки — искорками, река — полоской фольги (мы такие добывали из старых конденсаторов, найденных на свалках), серебристый купол цирка на краю сада — крышкой алюминиевого чайника. А сад клубился внизу косматой темнотой, в которой кое-где мерцала светлая пыльца: наверно, это лунные лучи отскакивали от дрожащих листьев.

Только луна, горевшая надо мной, осталась настоящей. И таким же настоящим — ярким, большим и кривобоким — было ее отражение в тарелке с темной водой и светлой горошиной посередине.

Тарелка лежала в мохнатом сумраке сада.

Я, не шевельнув даже пальчиком, начал тихо опускаться, погружаясь то в прохладные, то в теп-

лые пласты воздуха. Тарелка увеличивалась. И наконец я понял, что это фонтан. Круглый бассейн со светлым камнем в центре, а на камне — тонкий бронзовый журавль со вскинутой головой. Этого журавля я знал с малолетства — помнил, как до войны меня приводил сюда во время прогулок отец. Обычно из поднятого журавлиного клюва била струя, но сейчас фонтан не работал, и вода в бассейне стояла стеклянно-гладкая.

Я опустился мимо журавля и повис у воды. А снизу, из отраженного лунного неба, навстречу мне всплыл мальчишка, такой же, как я: белоголовый, в серебристой рубашке, с тонкими растопыренными руками и ногами. Мы остановились в метре друг от друга.

Я не любил своих отражений в зеркале. Моему круглощечному курносому лицу, белобрысой челке и оттопыренным ушам явно не хватало мужественности. Но этот мальчик мне понравился. Он был серьезнее меня, большеглазый, с внимательным взглядом и смело сжатými губами. Кажется, он знал про меня больше, чем я сам. Наверное, это был не совсем я. Скорее — мой товарищ по ночным летучим приключениям. Мы с минуту смотрели друг на друга, и я слегка оробел перед ним. Но потом мы друг другу тихонько улыбнулись, помахали ладошками и разлетелись — он в свою, опрокинутую в воде сказку, я в свою....

А еще помню, как я стоял на шпиле пожарной вышки.

Вышка поднималась над крышей городского музея, над черными часами (которые тогда не шли). Музей был старинный, каменный, с колоннами, а вышка — деревянная, узорчатая, немного похожая на китайскую фанзу. Ее опоясывал квадратный балкон. По доскам балконного настила, бухая сапогами и кашляя, ходил дядька в медной каске с гребешком (тогда еще у пожарных были такие, старомодные). Каска ярко отражала луну. «Жарко, тяжело ему в ней, — пожалел я дядьку. — А снять нельзя, устав не разрешает».

Я дядьку хорошо видел сверху, а он меня — нет. Пожарные не смотрят в небо, там не может ничего загореться. Я прилетел с высоты, опустился на длинный сигнальный шест и теперь стоял на нем, как петушок на шпиле. Вернее, не стоял, а просто касался большим пальцем правой ноги плоского деревянного шарика на верхушке шеста. Левую ногу я вытянул назад, нагнулся, раскинул руки — в общем, сделал что-то вроде «ласточки». Сам я думал, что со стороны похож на серебряный самолетик. Если кто увидит меня над вышкой, решит, что на шесте укрепили новый флюгер. Разве кому-нибудь придет в голову,



что там, на высоте, крутится на одном пальчике живой мальчишка?

Я поворачивался, как стрелка компаса на острие булавки. Огоньков стало совсем мало. Луна слегка пожухла. Со стороны реки потянул ветер. Он мягким крылом снял меня с шеста и развернул лицом к востоку. Там светлело небо. Я понял, что пора домой, снизился к лугу и полетел вдоль берега над темными огородами. Кое-где запоздало тьякали мне вслед собаки. Сильно пахло полынью...

...Ну, скажите: могло ли все это присниться?

За фанерной стенкой что-то весело залопотал Леська. Раздались мамины шаги. Я локтем торопливо вытер глаза. Сейчас мне попадет, что допоздна валяюсь в постели...

Мама вошла... Но сначала я увидел не маму, а то, что она держала! Сжав пальцы, как бельевые прищепки, мама несла перед собой мой тополиный костюм!

Я дернулся, привстал на локтях, ослабел от радости и растерянности и бухнулся затылком на подушку.

— Славка, откуда у тебя этот наряд? — спросила мама. Не сердито, но с ноткой подозрительности.

— Что? А... сейчас, — забормотал я, совершенно не зная, что ответить. Не рассказывать же про ведьм! Я всем нутром чувствовал: сказку выдавать нельзя. Никому, даже маме. Да и не поверит никто. Еще и влетит...

Мама нахмурилась:

— Что ты бормочешь? Откуда костюм?

— Сейчас... — беспомощно повторил я. Надо было протянуть время, чтобы придумать хоть какой-то ответ. Я зашарил под подушкой, словно что-то ищу. А что я мог там найти? Объяснение для мамы? Под руку попал компас. Я обычно прятал его там от Леськи.

Я вытащил компас и стал внимательно разглядывать пляшущую стрелку.

— Владислав... — нехорошим голосом сказала мама.

— А? — Я поднял глаза и благодарно сжал дяди Борин компас в кулаке. — Костюм-то? Ну, что такого... Дядя Боря подарил вчера. Купил на толкучке и вот...

Мама очень удивилась. Но поверила. А что ей оставалось делать?

— Странно... Что это он выдумал?

— Ну, так просто. Он любит дарить...

— Я понимаю, когда игрушка, а тут одежда... С толкучки. Неизвестно, кто носил раньше. А если здесь микробы?.. Хотя нет, все новое, только что сшито... И матерьяльчик славный...

Я опять взглянул на компас. И снова живая

стрелка словно соединила меня с дядей Борей. Не с нынешним, а с тем — с давним мальчишкой. Теперь я врал уже вдохновенно:

— Он сказал, что когда был маленький, у него тоже была похожая матроска. Я, говорит, буду на тебя смотреть и детство вспоминать.

— Вечно у него фантазии, — с непонятной досадой сказала мама. — Не было у него такой матроски.

— Ты, наверно, не помнишь...

— Я все отлично помню, — возразила мама, но уже помягче. — Матроска у него была, но не такая, а черная, суконная. Он ее терпеть не мог. Говорил, что «кусается».

— Ну, не знаю... — вздохнул я, словно хотел сказать: «Вы уж сами разбирайтесь в своих детских годах».

В этот миг за стенкой что-то грохнуло, и взвыл мой братец. Мама метнулась за дверь. А я метнулся из постели, заторопился, натягивая на голое тело штаны и рубашку, ощутил радостную шелковистую прохладу и взмыл к потолку. Перевернулся через голову рядом с пыльным абажуром, шлепнулся на пол и выскочил в другую комнату. Леська ревел уже негромко, а мама прижимала к его лбу медный тети Тасин подсвечник.

— Стукнулся, маленький, — сказал я подхалимским голосом. — Ничего, все пройдет у Леськи. — Мне надо было с утра завоевать доброе мамино отношение, чтобы не засадила нянчиться с Леськой или не погнала на рынок за картошкой.

Мама покосилась на меня и велела умыться и завтракать.

За столом я послушно глотал ненавистную кашу из овсяных хлопьев «Геркулес» и не брызгал, когда дул на блюдечко с чаем. Но мама все равно сказала:

— Не заляпай обновку... Не таскал бы ты этот костюмчик каждый день. Он такой праздничный.

— А зачем беречь-то? — испуганно возразил я. — Лето скоро пройдет. А потом я — у-у-у! Знаешь, как вырасту! Сама говоришь, что тянусь без удержки...

— Это верно, — вздохнула мама. — Давно ли над столом одна голова виднелась, а теперь вон как торчишь. По пояс.

Я фыркнул. Потому что я не сидел на табурете, а висел над ним сантиметрах в пяти. Леська, глядя на меня, тоже с готовностью фыркнул и пустил ртом пузырь из мутной геркулесовой жижи. На лбу у брата синела роскошная шишка, но он уже обрел жизнерадостность...

— Выставлю из-за стола, — сказала мама. И добавила: — Приберись в комнате и можешь свистать к друзьям-приятелям. Я ведь вижу, что



ты как на шиле сидишь... А мы с Лесенькой пойдём в поликлинику. Ох и очередь там...

Я не подал вида, что ужасно радуюсь, и сказал:

— Из-за шишки-то в поликлинику?

— Не из-за шишки, а на проверку... К обеду будь дома. Придет Артур Сергеевич, скажешь ему, что кастрюля с супом завернута в ватнике, а картошка на сковородке.

Артур Сергеевич был мой отчим. Он рано уходил на работу в Управление охотничьего хозяйства и рано приходил на обед. Я решил, что оставляю ему записку...

Нет, не такой я был дурак, чтобы выдавать себя и летать на глазах у прохожих, среди бела дня. Я сел в автобус и поехал на край города. Автобус — это одно название. Настоящих автобусов тогда в нашем городе почти не было, а вместо них по маршрутам ходили полуторки с поперечными сиденьями в открытых кузовах. Обычные тряские грузовички. В заднем борту у них была прорезана дверца, а к ней подвешены железные ступеньки. Вот на таком общественном транспорте я и катил в сторону загородного дома отдыха Рыбкоопа. Вернее, не катил, а летел, чуть приподнявшись над скамейкой и уравнив свою

скорость со скоростью машины. Ветер бил в лицо, волосы вставали торчком, рубашка трепетала. И все было прекрасно... Прекрасно, пока на меня не обратила пытливым взглядом строгая пожилая кондукторша.

— Мальчик, а ты брал билет?

Мальчику стало неудобно, он не брал билета. У него не было ни копейки. Во-первых, потому, что их некуда было положить: карманов-то Настя не пришила. Во-вторых, потому, что самая крошечная копейка не дала бы мальчику летать.

Кондукторша встала и, шагая через скамейки брезентовыми сапогами, двинулась ко мне. На груди ее подпрыгивала сумка и разноцветные рулончики билетов.

И что оставалось делать? Только одно: я взмыл над скамейкой и остановился в воздухе. Машина умчалась из-под меня, и на прощанье я увидел разинутые рты кондукторши и пассажиров.

Я опустился на горячую от солнца мостовую и бросился в ближайший переулок.

Сперва я бежал просто так, забыв про свою летучесть. Потом понял: можно же мчаться по воздуху и только едва касаться пальцами травы. Со стороны будет казаться, что я бегу, и никто не догадается, что это полет!

Ура! Я помчался длинными плавными скач-

ками, потом полетел над росшими у дощатого тротуара лопухами и медленно, не в лад со скоростью, передвигал ноги. Наверно, это не очень походило на бег. Но прохожих все равно не было, только пыльные козы у заборов провожали меня задумчивыми глазами.

Я покинул машину уже на окраине и скоро оказался на границе лугов и леса за домом отдыха.

Этот день запомнился мне, как сплошная солнечная карусель. Я летал среди кустов на опушке вместе с разноцветными бабочками. В лесу, если не было близко людей, я взлетал на вершины сосен, кидался с них к земле, в густую смолистую тень, и у самой травы тормозил полет. Повисал над узорчатыми папоротниками. Качался на их упругих листьях, сделав свое тело почти невесомым.

Тело было послушно мне. Без всякого напряжения, одним радостным желанием я мог вознести его над землей, остановить в воздухе, мог помчаться со скоростью ласточки или полететь по ветру плавно, как тополия пушинка. Я ликовал и не пытался объяснить себе самому волшебство. Просто ощущал внутри миллионы послушных себе струнок. Они упруго и весело звенели, когда я начинал полет. А тополия рубашка трепетала на ветру...

Где-то в середине дня я вылетел к чистому озерцу с кувшинками на тихой воде. На берегу разостлали одеяло и устроились на отдых молодая женщина и девочка. Девочке было лет восемь. Посреди воды плавал красный мяч.

Я приземлился за кустом, а оттуда вышел уже как нормальный, неволшебный мальчик. Даже воспитанный.

— Здравсте,— сказал я.— Мячик уплыл, да?

Они удивленно уставились на меня. Видно, я выглядел слишком нарядно для леса. Да и вообще: откуда взялся?

Потом девочка виновато заморгала, а женщина улыбнулась и жалобно сказала:

— Да, сбежал наш мячик. А мы обе плавать не умеем. Ты не смог бы до него доплыть?

Доплыть мне ничего не стоило. Я мог это озерцо десять раз перемахнуть любым стилем туда и обратно без отдыха. Только... под тополиным костюмчиком-то ничего у меня не было. А не раздевшись плыть, конечно, нельзя: вода наберется в материю, будет потом посторонняя тяжесть.

Но... перед девочкой и ее мамой лежали такие восхитительные бутерброды с маленькими котлетками. А я так проголодался.

И я голосом веселого храброго мальчика сказал:

— Тут и не надо плыть. Тут глубина совсем маленькая. Смотрите.

И, окуная ноги по колено, будто бреду по мелководью, я тихо полетел к мячику. Там я дал ему крепкого пинка, и он вылетел прямо к хозьявам. А я «вышел» следом.

— Надо же!— удивилась женщина.— А я была уверена, что здесь очень глубоко. Надо будет, Галочка, набрать кувшинок... Галя, скажи мальчику спасибо за мяч.

И золотоволосая симпатичная Галя в голубом платьице сказала мальчику спасибо. И мальчика, разумеется, пригласили пообедать, спросили, как зовут, где живет и так далее. И удивлялись, что мальчик вдруг поскущел и бутерброды жует без аппетита.

«А ведь на самом-то деле глубина здесь большая,— тоскливо думал я.— Вдруг они и правда сунутся за кувшинками?»

— Лучше бы вам не ходить в воду,— наконец промямлил я.— Там стекла на дне. И главное, эти... пиявки. Большие такие. И даже ядовитые.

Галочка перестала жевать и отвесила нижнюю губу. Ее мама испуганно сказала:

— А ты? Тебя не укусили?

— Не... То есть два раза. Но я привычный... Спасибо большое, я полечу... То есть побегу.

И я исчез с поляны, чувствуя себя виноватым и даже напуганным. Впервые подумал я, что с волшебным даром надо обращаться осторожно. Вспомнил слова старика-сторожа на свалке: «Волшебство — оно никакое. Его для чего хочешь использовать можно».

И я решил использовать свое летучее умение обдуманно и только для хороших дел. Но в этот день как-то не получилось. Просто так летал до вечера. И решил еще полетать ночью.

## РАЗГОВОРЫ С ЛЕШКОЙ

Когда все в доме уснули и сам дом уснул (только тихо поскрипывал во сне), я выбрался из постели и ступил на светлые квадраты, которые расстелила на половицах луна. Они были такие яркие, что половицы казались нагретыми. Я опять натянул свой летучий костюмчик, тихо развел створки и вылетел из окна.

Я взмыл над крышами.

Мне хотелось побывать во многих местах: пролететь над жутковатым Текутьевским кладбищем (наверху-то не очень страшно), обследовать башню старой церкви, где расположилась библиотека, проникнуть в открытые окна у выпук-

лой крыши цирка и поакробатничать под куполом, присаживаясь на блестящие трапеции.

Но прежде всего я полетел на улицу Герцена. К тополю.

Я нетерпеливо проплыл над спящими дворами и огородами и опустился на железную крышу длинного старого флигеля. Прямо на гребень. Присел на корточки.

Тополь раскидывал надо мной свою необъятную темную чашу. Она еле слышно лопотала, и кое-где зажигались лунные искры. Я встал, вытянул над головой руки и, будто серебристая иголка в громадный стог, вошел в тополиную крону.

Здесь ошеломляюще пахло сразу и весной и летом. Все тополиные запахи собрались в густоте мягких ласковых листьев: запах клейких кожурок, оставшихся с мая; запах сладковатого сока; запах старых подсыхающих листьев; запах вчерашнего дождика, который не успел высохнуть в глубине вымытой листвы; запах тонкой кожицы на молодых ветках...

Я дышал этими запахами, впитывал их кожей, а листья щекотали и гладили меня, когда я пробирался от дерева к дереву. Именно от дерева к дереву. Могучие старые ветви толщиной напоминали большие деревья. Их было очень много, этих ветвей-деревьев, и я, наверно, целый час блуждал в чаше, отдыхал в широких развилках, качался на тонких сучьях, раздвигал шелестящие листовые завесы, пока наконец не выбрался к вершине — под чистое небо с маленькой и неполной, но очень яркой луной. Там я повисел в воздухе рядом с самой верхней веткой, погладил ее аккуратные небольшие листики и снова — головой вперед — упал в тополиную чашу. И еще долго путешествовал в ней.

В одном месте я нашел истлевшие остатки воздушного змея, в другом — скелет модели планера. А еще — стрелу с наконечником из пустой пули (он наполовину засел в коре). А еще — теплый резиновый мячик, прочно застрявший в развилке. Он-то как попал в такую высоту? С земли не добросишь. Может, его кто-то уронил с самолета? Или его закинули сюда, когда тополь был еще молодой и невысокий?..

Я не стал ничего трогать. Это все было не мое, а тополя. Его имущество, его игрушки. Я теперь понимал, что наш тополь — совершенно живой добрый великан. Я любил его и не хотел обидеть.

Наконец я устал от блужданий в зарослях. Они были бесконечными. Я подумал, что наш великан больше, наверно, того дерева, на котором спасались во время потопа дети капитана Гранта и их спутники.

Тут я вспомнил, что книжку про детей капитана Гранта не дочитал. Лешка Шалимов давал ее мне на неделю, а потом забрал: сказал, что сам будет читать. Я знал от ребят (и кино смотрел), что в романе все кончается хорошо, но прочитать про это самому все-таки хотелось.

А что если проникнуть к Лешке, свистнуть «Детей капитана Гранта» с этажерки, а на следующую ночь так же незаметно вернуть? Пускай завтра Лешка похлопает глазами и поломает голову (а послезавтра еще сильнее!). Я тихонько засмеялся, вылетел из тополиного леса и перемахнул через гребень крыши.

Лешка спал всегда с открытым окном, он был закаленный, а грабителей не боялся. Во-первых, воровать у Шалимовых было нечего, во-вторых, окна их смотрели в соседский огород, который охраняла овчарка Барс.

Я опустился так тихо, что Барс меня не учуял. Выгнувшись дугой, я скользнул в окошко и даже ничего не зацепил, только макушка герани магнула по коленкам. Я поднялся к потолочной балке и оттуда глянул на Лешку.

И вздрогнул.

Лешка лежал на спине, глаза его были открыты. В них блестели лунные точки. Мне стало страшно, как жулику, попавшему в засаду. В комнате было светло от луны и тихо. Только в кровати за шкафом тихонько храпел Володя, старший Лешкин брат. Лешка смотрел на меня и не шевелился. Я тоже замер. Но в носу у меня защипало от известкового запаха и — хочешь не хочешь — пришлось крепко чихнуть.

Володя на секунду перестал храпеть. Лешка не шевельнулся, но губы его расплылись в хорошую, несердитую улыбку, и он полупшепотом спросил:

— Ты что там делаешь?

— Это... я тебе снюсь, — нерешительно сказал я.

— А-а... — Лешка, видимо, не удивился. — Ну ладно... А как ты там держишься?

— Да не держусь я. Просто летаю. Вот... — Я описал круг около лампочки.

Лешка приподнялся на локте. Усмехнулся.

— Я раньше сны видал, будто сам летаю, а чтобы кто другой — первый раз.

— Всякое бывает, — дипломатично отозвался я.

— Ну, спускайся, — сказал Лешка.

— Зачем?

— Так и будешь, что ли, сниться под потолком? Спускайся, поговорим...

Я осторожно приземлился у Лешки в ногах на кусочек солдатское одеяло. Лешка задумчиво спросил:



— Интересно, сейчас только ты мне снишься, или я тебе тоже снюсь?

— Н-не знаю...— пробормотал я. Это был сложный вопрос.

— Завтра я тебя спрошу,— решил Лешка,— снился я тебе или нет.

«Так я тебе и признаюсь! Фигушки!» — подумал я.

— А зачем ты ко мне прилетел? — тихо и без улыбки спросил Лешка.

Я пожал плечами:

— Откуда я знаю? Это же сон.

— Ну, а во сне-то зачем?

— Так... Летаю, вот и решил... навестить.

— А-а... — опять откликнулся Лешка.

Я неожиданно для себя признался:

— Скучаю по этому дому. Жалко, что уехал...

— Еще бы,— согласился Лешка.— Ты же здесь с самых пеленок рос.

От такого его ласкового понимания мне стало хорошо-хорошо. А Лешка добавил со вздохом:

— Мне тоже иногда жалко, что ты уехал.

Я даже задохнулся от удивления: неужели правда? Да врет он, больно я ему нужен! Ничего я не сказал, только недоверчиво повозился на одеяле.

Лешка меня понял.

— Нет, в самом деле,— сказал он.— Все-таки мы привыкли друг к другу... Ну, по-разному у нас бывало, но ведь бывало и хорошее. А, Славка?

Я кивнул молча, потому что вдруг защекало в горле. Потому что хорошее в самом деле было. Как он книжки самые интересные давал читать, хотя и ворчал при этом. Как я сидел у него допоздна, если мама долго не возвращалась с работы, а дядя Боря был в отъезде. Как он заступался за меня на улице перед длинным дураком по кличке Хрын... Ну, а если иногда дразнил или тычка давал, так я и сам хорош был...

— А помнишь, как ты пиратский роман про остров с привидением написал? — тихо засмеялся Лешка.— А я не поверил.

— Ага... А потом поверил. И вы в своем классе читали.

— Читали. Он тогда еще Вальке Садовской понравился очень.

— Кому?

— Ну, ты не знаешь... У нас в классе одна...

— А! Конопатая такая...

— Ну и что? — неласково спросил Лешка.

— Да ничего, с конопушками тоже бывают красивые.

Лешка обмяк и вдруг признался шепотом:

— Славка... Я перед тобой очень виноват.

— Как это? — не поверил я.

— Сейчас скажу... Сейчас можно, потому что во сне... Ладно, скажу. Славка, я тогда сказал ребятам и ей, что... ну, наврал, в общем, что это я сам про остров с привидением сочинил.

Я молчал. Ревность ощутимо кольнула меня. Но тут же я подумал, что дело это давнее и свой «пиратский роман», написанный на старых газетах, я давно потерял. А Лешка сейчас такой доверчивый, сам признался. Правда, он думает, что это во сне, но все равно он хороший.

— Ладно, Лешка,— вздохнул я.— Подумаешь... Если хочешь знать, я перед тобой тоже виноват. Я в том году у тебя картинку стащил из коробки с елочными игрушками, чтобы на книжку наклеить. Помнишь, такой кораблик серебряный с раздутыми парусами?

— Да знаю я,— усмехнулся Лешка.

— Знаешь?!

— Конечно. Ты потом два дня перепуганный ходил и на меня смотрел, как жулик на милицию... Я сперва хотел сказать, а потом думаю: лучше я у него немецкую открытку стырю, чтобы... ну, в общем, Садовскую надо было с Новым годом поздравить...

— Ну и... поздравил?

— Ага,— виновато сказал он.— Ты только про это никому не проболтайся.

— Как я проболтаюсь? Мы же во сне говорим... Да мне и не жалко ни чуточки эту открытку.

— Да я не про нее... Про остров с привидением... А то она меня презирать будет. Я лучше потом сам ей признаюсь.

— Не надо. Мне это привидение тоже несколько не жалко.

— Нет, я признаюсь... Потом. Надо все же честность в себе вырабатывать.

— Я тоже стараюсь... Чтобы не врать очень часто. И если уж честное слово скажу, тогда изо всех сил держусь... Маме дал слово, что не буду с Артурычем спорить, и уже три недели не спорю. Правда, он десять дней в командировке был.

— Артурыч — это отчим, что ли?

— Ага. Я его так зову, про себя...

— Здорово вредный?

— Как когда... Придирается.

— А отец пишет?

— Пишет, конечно. И деньги присылает.

— А к себе не зовет?

— Зовет... Да ну, не хочу я. Тут все свое, а там что... И маме трудно будет с Леськой управляться.

Я хотел сказать, что прежде всего не хочу расставаться с мамой, но постеснялся. Лешка, однако, понял:

— Правильно. Без матери разве жизнь?



У меня вот на неделю в Курск ездила, дак я и то...

— А зачем ездила?

— Там отец похоронен, под Курском. В Братской... А твои почему развелись?

Я пожал плечами. Я не знал тогда и узнал причины гораздо позже, когда стал большим. И понял, что виноваты были не мама и не отец, а чужие равнодушные люди, вломившиеся в их судьбу. Но эта тема уже не для сказки. Это грустная реальность тогдашней жизни...

Лешка переменял разговор. Сказал задумчиво:

— Я иногда думаю: что лучше? Честность или смелость?

— По-моему, всего лучше, когда вместе,— уверенно сказал я.

— А если вместе нету? Тогда как?

Я раздумчиво посопел.

— По-моему, честность лучше,— твердо проговорил Лешка. Видимо, для себя это он уже решил.— Потому что, если смелый, а нечестный, тогда какой толк? Смелые и среди фашистов были, а все равно сволочи. А если человек честный, то пускай он даже боится. Он скажет: даю себе честное слово, что буду делать все как надо, а на страх мне наплевать. Вот...

— А ты... давал?— осторожно спросил я.

— Ага...— тихонько выдохнул Лешка.— Что буду стараться.

Тогда я сказал:

— Я тоже...

— Что?

— Тоже даю... что буду стараться быть честным.

Лешка подумал.

— Это, наверно, не считается,— вздохнул он.— Это ведь не по правде. Ты мне просто снишься.

— Ну и что...— отозвался я.

Мы замолчали. Я почувствовал, что такой важный разговор лучше не разбавлять болтовней.

— Ну, пока,— сказал я Лешке и с кровати рыбкой скользнул в окно. И герань опять оставила пыльцу на моих ногах.

Утром я собрался бежать к приятелям, а мама сказала:

— Что за привычка скакать босиком. Надень сандалии.

Я не стал спорить. Пожалуйста, надену!

Конечно, в обуви полететь я не смогу, ну и ладно, успеется. Зато мчаться по тротуарам легко: я напружинил жилки как для полета, и тяжести во мне осталось всего ничего—как раз

только истертые до бумажной легкости санда-  
лики.

Однако в квартале от нашего старого двора я сбавил скорость. Как отнесутся к моей обновке мальчишки? Два года назад Лешка дразнил меня непонятым, но обидным словом «Кнабель» за иностранные штаны и рубашку с перламутровыми пуговками (их прислал из Германии отец, он тогда еще служил там). И сейчас я затрепыхался: не покажется ли ребятам мой белый костюмчик чересчур модным, а вышив-  
ка из красных листиков — девчоночьей?

Во двор я вошел неторопливо, с равнодушно-независимым лицом и нехорошим холодком в желудке. У тополя сидели на корточках Вовка Покрасов и Амир Рашидов. Они накачивали велосипедным насосом латаный-перелатаный волейбольный мяч. Я подошел, спросил небрежно:

— Чё, не качает?

— Качает...—Вовка поднял глаза, поморгал и добродушно ухмыльнулся:— Во какой... артековец...

Амир уважительно помял грязными пальцами краешек моих штанов и спросил:

— Парашютный шелк?

— Не знаю, на рынке купили,—ответил я с зевком и подумал: «Пронесло». И тут же догадался, что говорить дальше:— Похоже, что парашютный. Потому что я себя в нем таким летучим чувствую... и прыгучим.

— Как это?—Амир уперся в меня черными колючими глазами.

— А вот так!—Я прыгнул в длину и пролетел метров пять. Сандалики приземлили меня в пыльную траву перед крыльцом флигеля. На крыльце стоял дядя Боря.

— Дитя мое,—сказал дядюшка с насмешливыми лучиками в глазах.—Что это за странная легенда о костюме, который я будто бы подарил тебе в память о собственном безгрешном делстве?

Я заморгал.

— Встречает меня вчера твоя мама,—продолжал дядя Боря,—излагает эту историю и задает всякие вопросы... Я еле выкрутился.

Ура: дядя Боря меня не выдал! Это самое главное! Я сделал виноватое лицо и пробормотал:

— Да это, понимаешь, такое дело... Это Нюра, наша соседка, сшила из старой скатерти. Она маленьких любит, часто подарки делает. А маме просила не говорить, потому что маме не нравится, когда меня чужие балуют...

Дядя Боря качнул головой и сказал непонятым голосом:

— Хитер ты, мой юный племянничек, не по годам...

— А что такого? Я же правду сказал...

— Ну, правду так правду... Ладно, прыгай и веселись...

Но прыгать и веселиться не получилось, потому что на крыльце возник Лешка.

Лешка вытаращил глаза.

Я тоже вытаращил—на него. С испугу. Хотел мигнуть и не мог. Только сейчас я сообразил: ночью-то Лешка видел меня в тополиной рубашке, она светилась при луне. Сейчас он обо всем догадается!

Не знаю, догадался ли Лешка. Поглядел он на меня, сказал «м-да», хихикнул и спросил Вовку:

— Накачали?

— Ага. Только шипит маленько...

Мы еще с полчаса возились с волейбольной камерой, заклеивали. Лешка больше не смотрел на меня по-особому и ни о чем не спрашивал. Я успокоился. А потом так осмелел, что даже показал «чемпионский» прыжок. Амир сболтнул, что «Славка научился прыгать, как эта самая... кенгуруха... Пускай покажет», ну я и сиганул через лужайку—от поленницы до бревенчатой стены двухэтажного сарая.

Тогда Лешка негромко, но отчетливо сказал:

— Да-а, сны-то сбываются.

Я опять очень оробел, но спросил небрежно:

— Какие сны?

— Да так... Ерунда.

Ну и ладно, если ерунда.

Мы для пробы попинали накачанный мячик, и Лешка поддал его так здорово, что он, бедняга, улетел на сарай. И остался там—на загнутой кромке железной крыши.

— Запрыгнешь?—с подковыркой спросил Лешка.

Нет уж, дудки! Ты меня не подловишь!

— Не запрыгну, а залезть могу.

Я скинул сандалии и стал медленно подниматься вдоль стены. И при этом делал вид, что цепляюсь пальцами рук и ног за выступы и щели в бревнах.

— Как муха,—удивленно сказал внизу Вовка Покрасов.

Я бросил с крыши мяч, и тут меня опять бес толкнул под ребро. Я прыгнул вниз и лишь у самой земли притормозил падение.

Вовка совсем по-девчоночьей взвизгнул. Я сел в подорожники, потер пятки. Сказал небрежно:

— Отбил маленько. Высоко все-таки...

Лешка непонятно хмыкнул.

Только Петров (он тоже был здесь) презрительно пошевелил ноздрей.

— Делов-то... Я оттуда тоже прыгал.

— Ты в сугроб прыгал, зимой,— напомнил Вовка. Он был справедливый человек.

— Делов-то... Могу и щас.

— Можешь, дак прыгни,— предложил Амир.

— Он может,— сказал я.— У него труссы вместо парашюта.

Только ходил в широченных оранжевых трусах до колен, он воображал себя непобедимым вратарем, вроде знаменитого Хомича. За «парашют» он оскорбился и выразил желание перевести разговор на кулаки. Я засмеялся и скакнул на поленицу. В это время пришли большие ребята, Лешкины одноклассники, мы всей компанией отправились купаться на Пески — так назывался уютный пляжик под заросшим откосом Туры. Девчонок поблизости не оказалось, можно было купаться голышом, и я отвел душу за вчерашний день и за нынешний. Выбрался из воды я после всех и увидел, что зловредный Толька колдует над моей одеждой. Затянуть узлами короткие штанины и рукава он не сумел, зато напутал узлов на единственной лямке и скрутил жгутом рубашку.

Ах ты, рыжая сколопендра! Ну ладно... Толька отскочил, я привел штаны и рубашку в порядок, неторопливо оделся, и мы деловито подрались в кружке молчаливых свидетелей и судей. Толька разбил мне нос, и кровь закапала на тополиную ткань, но это было ничего, это моя собственная кровь, она не мешает летучести. А я зато вляпал Тольке под глаз красивый фингал и крепко вделал ему по губе. Лешка сказал, что у нас, как всегда, ничья, и велел кончать. Я пообещал Тольке добавить потом еще. Он мне тоже.

Мы еще долго были на берегу, дурачились, лазали по заросшим полынью и бурьяном кручам, кидали друг в друга песочными бомбами. Я попал такой бомбой точно за шиворот большому белобрысому Вальке Сидору, и он погнался за мной, чтобы «сделать из этого щенка готовую Муму». Я по бурьянным верхушкам взлетел на откос. Валька совершенно обалдел от моей прыти и застрял в сорняках.

А когда я спустился на песок, Лешка снова смотрел на меня непонятно...

Вечером во дворе Лешка сказал:

— Ну-ка, пошли...

Я почему-то загрустил и побрел с ним за поленицу без всякой охоты. Лешка сел на чурбак, а меня поставил перед собой.

— Может, ты и сейчас мне снишься? — ехидно спросил он.

— Не... — осторожно сказал я.

— А ночью?

— Какой ночью? Чё такое?.. — забормотал я.

— Ну, повертись, поотпирайся,— хмыкнул Лешка.

Я безнадежно посопел припухшим носом.

Лешка помусолил указательный палец и произнес приговор:

— Десять шалабанов. Подставляй лобешник.

— За что?

— За то, что врал.

— А с чего это я должен тебе всегда правду говорить? — взъерошился я.

— А кто слово давал? Что будешь стараться быть честным! Мы оба давали. Также во сне?

— Слово — это уже потом. А про сон я сперва...

— Вертишься? — сказал он.

Мне ничего не стоило стряхнуть сандалики и взмыть на забор. Но... что-то в самом деле много я «вертелся» в эти дни. «Хитер ты, мой юный племянничек, не по годам», — вспомнил я дядю Борю.

А что я такого сделал? Ну, разок соврал, два схитрил. Так и раньше бывало, без этого не проживешь. Но... нет, не улетел я от Лешки. Виноватость удержала меня грузом потяжелее сандалий. Будто обули меня в размокшие бахилы, которые не стряхнешь. Я переступил обмякшими ногами, зажмурился и наклонил голову. Тихонько попросил:

— Только без оттяжки...

Ждал я долго. Не дождался шалабана, открыл глаза. Лешка смотрел серьезно и тоже как-то виновато. Он взял меня холодными пальцами за локти, придвинул поближе.

— Про Вальку Садовскую никому не говори, ладно?

Я налился горячей благодарностью до ушей, до глаз. До макушки.

— Лешка, да я же понимаю! Лешка, я...

— Ну ладно,— сказал он со вздохом.— А как это ты сделался такой? Прыгучий-летучий...

— Лешка... я расскажу... Только не сейчас, ладно?

Рассказывать так сразу о ведьмах я не решался, а врать больше не хотел, противно.

— Ладно,— покладисто сказал Лешка.

И мы пошли в наш флигель, на кухню, где на уютном таганке, в зеве русской печи, дядя Боря варил душистую картошку.

## ПРО ХОЗЯИНА

Прошло несколько суток. Сколько точно, не помню. Помню только, что луна опять набрала полную силу — из половинки сделалась круглой



и светила в летнем небе пуще прежнего. В одну такую ночь, когда все уснули, я снова собрался в полет. Я и до этого летал почти каждую ночь, и мне ни капельки не надоело. Только самую чуточку точило меня какое-то беспокойство. Или даже не беспокойство, а едва заметная печаль. Потому что летал я совсем один, даже птицы спали.

И тогда придумал игру с самим собой. Вернее, со своим двойником.

Я улетал к озеру за домом отдыха, поднимался высоко над водой, а оттуда ласточкой несся вниз — так, что воздух забивал уши и обжимал на теле рубашку. А из перевернутого лунного неба ко мне мчался, раскинув руки, похожий на меня мальчишка. Мы на секунду останавливались друг перед другом, замирали, улыбались, подмигивали и улетали опять: я в высоту, он в глубину...

В этой игре была стремительность полета, сдержанный восторг и короткие радости встреч. Я иногда совсем забывал, что мальчишка в озере — это я. Он казался мне лучше, смелее. У него в душе не было тайных страхов, а на совести всяких мелких темных дел... Может быть, и я стану когда-нибудь таким же...

Тихонько сопя от натуги, я натянул свой «летчиковый» костюм. Он серебристо светился в сумерках. Два дня назад мама выстирала его. Я сперва не давал, ужасно боялся, что от стирки пропадет волшебная сила. Но мама рассердилась, прикрикнула и обозвала меня пугалом. В самом деле, рубашка была уже серой от пыли, а штанами я недавно уселся в овсяную кашу, которую размазал по табурету Леська...

Волшебных свойств тополиная ткань не потеряла, но от воды села. Штаны сделались тесноватыми, рубашка узкой в плечах. Я с грустью думал, что скоро подрасту и тогда сказке конец. Но пока еще сказка продолжалась. Рубашка, хотя и жала под мышками, в поясе оставалась широкой и трепетала на лету, как маленький белый костер...

Я встал коленками на твердый облупленный подоконник, раздвинул створки и вздрогнул: у палисадника стоял кто-то темный и молчаливый. Но по-настоящему испугаться я не успел: узнал Настю.

— Тополенок... — сказала она громким шепотом.

Я обрадовался. Я вдруг понял, что соскучился по Насте. По Степаниде и Глафире тоже немножко соскучился, а по Насте — сильно. Хорошо, что она пришла! Может, ведьмы тоже соскучились?

Может, хотя, чтобы я опять посидел с ними и почитал вслух? Ладно, я могу. А еще я расскажу им о своих летучих приключениях!

Настя ласково спросила:

— Ну что, летаешь, значит?

— Ага... — выдохнул я. Тихо слетел с подоконника, описал над Настей круг и встал с ней рядом. Она взяла меня за плечи. Луна была яркая, глаза у Насти сильно блестели.

— Пойдем-ка погуляем, — сказала она.

Я немножко удивился. Но все равно мне было радостно и хорошо.

— Пойдем! — согласился я.

Она взяла меня за руку. Сперва я послушно шел следом. Потом тихонько оттолкнулся от тротуара, вытянулся в воздухе горизонтально и поплыл за Настей «на бусире».

— Ох и баловник... — усмехнулась она.

Я засмеялся, освободил руку, на лету перевернулся на спину. Подтянул к подбородку колени и стал соскребать с них прилипшие на подоконнике чешуйки краски. Поглядел Насте в лицо и спросил:

— А как там живут ваши? Ну, Глафира, Степанида...

— Живут, — отозвалась Настя непривычно сумрачным голосом. — И я живу... Чего хорошего-то в нашей жизни? Маемся только... Ты помоги нам, Тополек, а?

— Как?

— А вот слушай. Я за тем и пришла... Да ты встань по-человечески.

Я торопливо перевернулся в воздухе и встал перед Настей. Тревожно мне сделалось. Настя поправила косынку, глянула мимо меня (а улица под луной была пустынная и очень тихая, даже собаки не гавкали; а у заборов и в палисадниках притаились косматые тени).

— Про Хозяина-то слыхал? — негромко спросила Настя.

Я кивнул и переступил босыми ступнями на теплых досках тротуара.

— Ну вот, — опять вздохнула Настя. — Всех он нас под свою власть забрал. Что велит, то и делаем... Вроде и на воле живем, а все равно как в тюрьме, никакой радости нет. И волшебство наше тут без пользы. Сами ржавеем и других заставляем. Как зараза для души эта ржавчина...

Она опять пошла тихонько вдоль забора. Я — рядышком.

— Он ведь нам какую цель жизни сделал-то... — говорила Настя. — Вы, мол, живите и следите: кто с нечистой душой вам встретится, того к себе приманивайте... А потом железное колечко на него — хлоп... И сделали ему нового прислужника...



— И меня тоже?! — ужаснулся я.

Настя улыбнулась:

— Да нет же... К тебе ржавчина-то не приста-нет, у тебя кровь светлая, тополиная, да и худо-го ты еще ничего не сделал...

«Ну уж...» — подумал я.

— Вот мы тебе рубашечку-то и сшили, — ска-зала Настя. — С пуха тополиного летучую руба-шечку, от Хозяина крадучись. Потому что живет Хозяин-то посреди ржавого леса, сквозь его не продерешься, можно только по воздуху, как пташка.

Я сразу и сильно испугался. В одну секунду понял, что беспечные полеты кончились. Ясное дело! Не для того мне ведьмы шили тополиную рубашку, чтобы я по ночам акробатничал над крышами, а днем дурачил прыгучими фокусами приятелей. Сказка-то, она всегда вот таким де-лом кончается — битвой со змеем-горынычем или колдуном каким-нибудь.

Как я раньше не додумался? Теперь не отвер-тишься.

От пяток до шеи меня проколола тысяча хо-лодных иголок. Нет, я в тот момент не Хозяина боялся. Я боялся неизбежности: никуда не денешься, попал в страшную сказку, как в кап-кан.

А Настя вдруг сказала:

— Коли боишься, дак не надо. Летай себе на здоровье, а мы уж как-нибудь... С ним чтобы воевать, надо твердо решиться, а если со стра-хом, то все равно без пользы.

Мы долго молчали и тихо шли рядом. Я те-ребил подол тополиной рубашки и вспоминал. Как они меня летать учили, как я шептался со старым тополем в его чаще, как дал честное сло-во Лешке, как летал ко мне из озерной глубины похожий на меня мальчишка. Похожий, только честнее и смелее, чем я...

А может, мне сейчас только кажется, что это я вспоминал тогда. Но так или иначе, а что-то сдвинулось в моей душе, и я спросил:

— Настя... А если у меня страх, но я все рав-но твердо решусь... тогда можно? Тогда что де-лать?

## КЛЮЧИК

Я летел к заколдованному ржавому лесу, по-среди которого жил в железном доме Хозяин.

Настя объяснила, что я должен сделать. Надо пробраться в дом, снять с шеи спящего Хозяи-на ключик и отпереть на Хозяиновой руке брас-лет.

— Ты легонький, проберешься потихоньку, —

тепло шептала мне в ухо Настя. — А как ото-прешь колечко-то, все уже нестрашно будет. Ключик, он сразу рассыплется, а Хозяин, если проснется, пушай ругается, силы-то у него не станет. Да ты и не слушай, лети себе домой сра-зу, вот и все...

— А ваши браслеты? — спросил я. — Их-то кто отопрет, если ключика не будет?

— А и не надо, — со смешком отозвалась На-стя. — Они сами развалятся. Это ведь одна ви-димость, что они по отдельности заперты, а по правде-то они в одну цепочку связаны, потому нас Хозяин и держит. А в цепочке, если одно колечко рвется, вся в ней сила пропадает...

А еще Настя сказала, что людей со ржавы-ми кольцами полным-полно на белом свете. У некоторых эти кольца на виду — у тех, кто кол-дуны да ведьмы, — а у многих они незаметны. Кое-кто про них и сам не знает, не ведает, что в душе у него завелась ржавая зараза. И вот этих людей могу я освободить от Хозяина, если не побоюсь. И никто другой это сделать не мо-жет, потому что лишь у меня есть тополиная ру-башка.

И вот я летел... Ржавый лес начинался за же-лезной свалкой, где в прошлое полнолуние тан-цевали ведьмы. Раньше я бы рассказу про лес не поверил, потому что знал: за свалкой конча-ется ответвление лога, и там, наверху, стоят вет-хие домишки и тянутся огороды. Но сейчас все было по-другому, по сказочным законам, и я ничуть не сомневался, что скоро окажусь над ржавым лесом.

Летел я низко, по руслу речки Тюменки сре-ди поросших осокой берегов. Я это делал на вся-кий случай: вдруг у Хозяина есть перед лесом тайные караульные посты! Я торопился и ско-рость развил такую, что на поворотах меня за-носило к берегу, и тогда коварно царапалась осока. По журчащей и ребристой воде передо мной несло скомканное отражение луны. Она сияла в эту ночь ярче прежнего. Воздух, кото-рый летел навстречу, обдавал меня болотистыми запахами.

Потом я учуял запах ржавчины и различил впереди темные груды свалки.

Подлетел. Медленно поднялся над железны-ми кучами. За свалкой не было домиков и ого-родов, а тянулось что-то черное и лохматое, и ветерок все сильнее пах сырým железом.

Настя говорила, что треугольная поляна с до-мом Хозяина лежит в железной чаще к югу от свалки. Я прикинул, где он, юг, и двинулся впе-ред.

Теперь я летел не очень быстро и не очень низко, метрах в двадцати от верхушек леса. Это

и правда был лес — непривычный и страшный. В свете луны я видел, как громоздятся, переплетаются и тянутся вверх, принимая вид деревьев, черные разветвленные трубы, рваные кровельные листы, клубки и плети колючей проволоки. И еще всякий старый искореженный металл. Мертвый, никому не нужный... Я подумал, что в этой ржавой путанице может укрываться стража Хозяина. А меня так хорошо видно в ясном небе, и так ярко блестит при луне тополиная рубашка.

Я почувствовал себя беззащитным! И взмыл в высоту, чтобы из леса не шарахнули по мне из какой-нибудь ржавой пушки.

Но почти сразу я успокоился. Настя ведь ни словечком не обмолвилась, что у Хозяина есть часовые. Она рассказывала, что он спит спокойно и крепко, потому что знает: никто к нему не проберется.

Страх у меня пропал. Почти. Вообще-то я немножко боялся, но не Хозяина. Хозяин что мне сделает? В крайнем случае взвьюсь свечкой, и пусть ловит в небе! Я боялся, что не сумею добыть ключик и отпереть браслет. Тогда столько людей останутся ржавыми пленниками! И я буду виноват! И эта моя вина будет такой громадной по сравнению со всеми прежними... Раньше-то что я делал плохого? Ну, двойки иногда скрывал от мамы. Ну, лодырничал, не хотел на рынок за картошкой ходить. Бывало, трусил перед дракой. Случалось, что Леську шлепал, если тот крепко надоедал (правда, потом всегда жалел его). А еще что? Да, патроны, которые свистнул у Артура Сергеича. Это дело посерьезнее... Но все равно, от этого никто, кроме отчима, не пострадал (а ему так и надо!). А теперь, если струшу или растеряюсь, тогда что? Тогда хоть прямо с высоты головой о железяку...

Ну, почему так получилось? Почему именно я должен лететь к Хозяину?

«А когда просто так летал, небось, радовался! — сказал я себе. Или не я сказал, а скорее тот мальчишка, который прилетал ко мне из лунного озера. — Тогда вон какой счастливый был, что есть у тебя тополиная рубашка...»

«А ведь правда», — подумал я. И понял, что за прежние радости надо платить. Добром за добро. Такой закон у сказки и у жизни. Иначе ты будешь не человек, а последняя ржавая лягушка. Я это понял смутно, без слов, но сделалось спокойнее. И смелости стало побольше. Словно я наконец-то превратился в того ясного и храброго мальчишку...

И когда я увидел с высоты треугольную поляну, я уже твердо знал, что все сделаю как надо...

Я, пока летел, думал, что дом Хозяина — это громадный железный замок, опутанный колючей проволокой, и что мне придется пробираться по ржавым переходам и гулким лестницам.

А на поляне стоял мятый троллейбус без колес. Я сразу понял, что это троллейбус, хотя никогда их наяву не видел (разве что в кино). Над обшарпанным фургоном торчали длинные погнутые «усы». Краска на троллейбусе облупилась, темнели ржавые пятна, однако окна почти все были целые.

Поляну покрывала аккуратная трава. Ее заливал ровный голубой свет, она искрилась (роса на ней, что ли?). Было пусто — ни кустика, ни холмика. Негде спрятаться. Только от троллейбуса падала короткая, очень черная тень. В эту тень я и приземлился на полной скорости — почти упал. Посидел на корточках в траве — она оказалась сырой и холодной. Подождал, когда перестанет прыгать сердце. Оглядел ряд троллейбусных окон. В стеклах отражалось светлое небо, и лишь одно окно было черным и пустым.

На четвереньках я подобрался к окну. Встал, ухватился за край. Царапая коленками железо, подтянулся, заглянул в ржавую пустоту... И сразу в локти мне впились железные колючки, меня дернули в сторону, я услышал проволочный скрежет...

Меня держали за руки два чудовища. Две косматые железные куклы ростом со взрослого дядьку. Они состояли из клубков колючей проволоки. Вместо головы — комок ржавого железа, ни лица, ни глаз. Понятно было, что нисколько они не живые, а вроде заводных.

Я подумал, что все пропало, но — удивительное дело — в тот момент ничуть не испугался. Потом я узнал, что такое состояние называется по-научному «защитная реакция организма». Ну вот, из-за этой реакции я и вел себя спокойно. Проволока въедалась в голые руки, и я сказал:

— Пустите вы, болваны, больно ведь.

Но колючие болваны покачивались с легким скрежетом и не пускали.

Они не очень крепко держали, я мог бы вырваться, но понимал, что ржавыми шипами издеру кожу.

Сзади, противно скрипя, подошло третье чудовище, ткнуло колючим кулаком в мою спину, и меня повели к передней части троллейбуса. Мокрая трава щекотала босые ноги, и ее холодные касания казались мне теперь такими приятными по сравнению с царапающей хваткой железных кукол...



Дверь кабины со скрежетом раздвинулась, и я увидел Хозяина.

Я думал, что Хозяин — это страшный колдун, вроде Кощея, а оказалось, что это низкорослый мужичок с круглым животиком, лысоватый, с дряблыми щеками. У него были заплывшие глазки и мясистый нос. И одежда совсем не колдунская — старые галифе, из-под которых спускались завязки кальсон, стоптанные чуваки и мятый черный пиджак, под которым, кажется, ничего не было. В общем, никакой не злой волшебник, а хозяин частного огорода, который спекулирует овощами. Или жулик-завхоз с мелкого склада.

Но я сразу понял, что это Хозяин. Потому что в вырезе пиджака на волосатой груди его светился ключик из блестящей нержавеющей стали. Маленький ключик, вроде чемоданного. На шнурке.

Хозяин деловито вытер о галифе ладони, шагнул в траву, глянул на меня и хихикнул:

— Привели голубчика? Ну-ну...

Я все еще не боялся.

— Чего они вцепились? Скажите, чтоб отпустили! — сердито потребовал я.

— Отпустят, отпустят, — пообещал Хозяин. — Конечно. Только маленько опосля... Хе-хе... Как все дела оформим, так и отпустят.

— Какие еще дела?

— Документик надо составить. Как, значит, полагается. Что попытка воровства. То есть хищения...

— Врете вы все! Я у вас ничего не брал!

— А ключик-то кто хотел стащить? А? Мы тебя давно проследили, не отопреешься.

— Врете вы всё, — опять сказал я. И глупо проговорился: — Не могли вы за мной следить, у меня ничего железного нет.

— Хе-хе... Как это нет? Да ты от своего компаса весь промагниченный. И еще есть железное, только ты сам не знал. Эта самая... железная решимость, чтобы, значит, ключик чужой украсть и колечко не свое отпереть. Это мы нашим уловителем сразу определили. Не выйдет у тебя, нет... Освободитель нашелся! Сейчас мы на освободителя актик составим, а потом в суд. Все по закону...

«При чем тут суд? Псих какой-то», — подумал я. И все смотрел на блестящий ключик. И еще пытался разглядеть под рукавом пиджака браслет, но не видел.

Хозяин сел на ступеньку в двери троллейбуса, достал из-за пазухи большущий блокнот и ручку-самописку. Зачем-то лизнул у ручки перо, добродушно посопел и поднял на меня глазки.

— Ну дак, значит, как фамилия, имя-отчество, год рождения и место-проживание?..

— Фиг вам, — сказал я.

Мои проволочные конвоиры сердито заскрежетали и сильнее вдавили колючки. А Хозяин ничуть не разозлился.

— Ну и ладно. Мы и так знаем... Хе-хе. Пяткин-то Лев Эдуардович про тебя все данные сообщил. Вот так, хороший ты мой...

Вот оно что!

— Гад он, ваш Пяткин, — искренне сказал я. — Пьяница проклятая, всю совесть за бутылку продал. Шпион...

— Хе-хе, кому шпион, а кому надежный помощничек. Он у меня на тебе премию заработал, так что не отпирайся.

Я кипел от злой обиды и молчал.

— Ну и молчи, — покладисто проговорил Хозяин. — Все одно судить будем. Степа, давай принадлежности.

Колючий болван, который стоял в сторонке, со скрежетом полез в заднюю дверь троллейбуса и оттуда вывалил железную бочку. Подкатил, поставил перед Хозяином, как стол. Потом... потом приволок и положил на бочку громадный, как у палача, топор! С полукруглым зазубренным лезвием и кривым топорщиком.

Вот тут я перепугался. Весь ослабел даже. И дышать перестал.

— Хе-хе, — обрадовался Хозяин. — Поржавела железная решимость-то, а?

— Ничего не поржавела... — слабо сказал я.

— Да ты не боись, — утешил он. — Топор-то, он так, для авторитету. Голову я тебе рубить не буду, что я, зверь кровожадный какой-нибудь? А вот постегать тебя придется, железной крапивой. — Он опять ржало и отвратительно хихикнул. — Такой сорт специальный, очень для воспитания подходящий.

— У вас у всех одно и то же на уме, — бесильно огрызнулся я, вспомнив тетю Тасю.

— Хе-хе, — обрадованно отозвался Хозяин. — А уж опосля того дела браслет тебе для послушания... Степа, давай-ка.

Безобразный Степа, переваливаясь, побежал к темной опушке и вернулся с чем-то черным, длинным и колючим в лапе.

И тогда я рванулся!

Я боялся унижения не меньше, чем топора, и отчаянно дернулся из ржавых когтей. Они разодрали мне руки от плеч до кистей, но я взмыл над поляной и с высоты, не чуя боли, радостно и освобожденно заорал:

— Эй ты, ржавая кадушка! Взят, да?! Фашист паршивый! Прыгни сюда, я оборву тебе завязки на подштанниках!

Он и правда запрыгал! Забежал по поляне, хлопая чуваками, и несколько раз подскокил.



Я снизился метров до трех и плюнул ему на макушку. И попал! Он завизжал, замахал кулаками, заорал:

— Хулиган! Спускайся, а то хуже будет!

Я захохотал. Знал, что хуже не будет.

Но... ведь и лучше не будет. Ключик-то у Хозяина. И заперты наглухо все ржавые браслеты... Хозяин все бегал по кругу, ключик серебрястой искоркой вздрагивал у него на груди.

И еще что-то сильно сверкало внизу. В траве. У передней стенки троллейбуса. Может, еще один ключик?

Мысль была, конечно, совершенно глупая, но я все же спикировал к земле. Хозяин со злорадным воплем кинулся на меня и, конечно, не успел: я взвился опять. Однако за секунду мне удалось разглядеть, что блестит среди травяных стеблей осколок стекла. Наверно, от разбитой фары.

У расколотых стекол всегда острые края...

А шнурок у ключика совсем тонкий.

Ну, давай, Славка, думай. Решайся...

Конечно, отпереть браслет на Хозяине я не сумею. Он со своими ржавыми дураками десять раз успеет меня скрутить. Но есть же другие браслеты! На Насте, на Глафире, на Степаниде. Был бы ключик!

— Спускайся лучше добром! — опять заво-

пил Хозяин. Он стоял, задрал голову, и все тер ладонью лысую макушку.

Я сказал ненатурально и плаксиво:

— Ага, «спускайся». Чтобы вы меня отлупили, да?

Он сразу учуял новые нотки в моем голосе. Торопливо пообещал:

— Не буду, не буду! Да что ты! Пошутил это я... Ты спускайся, поговорим, обсудим все. По хорошему, значит...

— Мне ваш ключик вовсе и не нужен, — обиженно сообщил я с высоты. — Пяткин вам наболтал, а вы этому пьянице и поверили... А я и не за ключиком прилетел, я хотел у вас колдовать научиться, вот...

— Ну и хорошо, ну и давай! — суетился он. — Я ведь чего... Я, конечно... это... научим! Ты давай, лети вниз-то... А? Ну, не бойсь.

— Ага, «не бойсь»... А эти дураки опять полезут. И так всего исцарапали!

— Степа, Федот, Кузя! Брысь! — гаркнул Хозяин, и прислужники торопливо полезли в троллейбус. Хозяин опять задрал голову.

— Ладно... — сказал я. И почти со скоростью падения опустился перед троллейбусной кабиной. Сел. Правой ладонью быстро накрыл стеклянный осколок, а левой вцепился в согнутую коленку и громко ойкнул.

Хозяин быстро засеменял ко мне.

— Ой,— опять сказал я.— Кажется, ногу повернул. И в пятке колючка. Посмотрите, пожалуйста.

Хозяин сокрушенно закачал головой и наклонился надо мной, как добрый дядюшка. Ключик закачался у меня перед глазами. Я вцепился в него, потянул, а краем стекла полоснул по шнурку. И с добычей в кулаке рванулся вверх!

Хозяин страшно, нечеловечески завизжал. Запрыгал. Проволочные болваны стремительно выкатились из троллейбуса.

Но я уже летел к опушке леса! Мчался изо всех сил!

Только... Что это? Непонятная тяжесть перевернула меня вниз головой. Я задрогал ногами и брякнулся в траву у железных уродливых кустов.

Почему? Ох, балда, это же ключик! Я забыл, что с посторонними вещами летать нельзя, даже с самыми маленькими. Ключик — совсем крошечный, а для меня все равно что якорь.

Но не мог же я его бросить!

А Хозяин и его колючие балбесы уже подбежали. Хозяин визжал:

— Шпана! Ворюга! В лапшу искрошу, сопляк паршивый!

И я по земле, бегом, ринулся в чащу ржавого леса...

Ну, как про это написать? Если бы мне кто-нибудь раньше сказал, я и сам бы не поверил, что смогу пробиваться сквозь такую режущую, колющую жуть. Но я пробивался. Гнилое железное полосоvalo меня острыми краями. Лианы из колючей проволоки раздирали рубашку и кожу. Трухлявая железная чешуя прилипла к лицу и сыпалась за ворот. Но я не останавливался. Потому что за мной, не догоняя, но и не отставая, ломились через лес Хозяин и его слуги. Хозяин уже ничего не кричал. Я слышал только сиплые выдохи и скрежет.

Я телом пробивал в ржавых зарослях просеку. Как тяжелый пушечный снаряд. Я так и твердил себе: «Я снаряд, я из стали, мне ничего не страшно, мне ничуть не больно, вперед!» Я заставлял себя думать об этом без передышки. Потому что если бы я подумал о другом: о том, что тяжело дышать, и о том, какой длинный путь, и о том, сколько у меня царапин и порезов, из которых брызжет кровь, тогда я сразу упал бы. Но я снаряд! Мне никем нельзя больше быть! Снаряду — не больно! Снаряду — вперед!..

Не знаю, случайно ли я выбрал тогда путь... То есть знаю, что не случайно. Потому что сквозь

боль, сквозь ржавый бред несколько раз пробивалось воспоминание о дяди Боринем компасе. Белый наконечник стрелки словно вспыхивал впереди, и я, не размышляя, мчался именно к нему. А может быть, это мне уже потом казалось, когда вспоминал?

Так или иначе, я вылетел прямо к железной свалке. Вернее, на лужайку, что отделяла свалку от ржавого леса. И тут, когда пробиваться уже стало не надо, силы у меня кончились.

Нужно было еще пробежать по логу, вскарабкаться по заросшему откосу, добраться до баньки, отпереть один браслет. Лучше всего Настин. А я стоял и двинуться не мог. Отчаянно болели порезы, и с пальцев капала на босые ноги теплая кровь.

Из черной ржавой чащи выскочил Хозяин. За ним с дребезжаньем продрались проволочные слуги. Хозяин семенял ко мне, размахивая кулаками, и что-то кричал блеющим голосом. А слуги скрипуче переваливались.

Я глядел на них беспомощно и даже без злости. Но потом злость все же колыхнулась во мне и подтолкнула. Я посмотрел: чем бы в этих гадов бросить? Увидел у ног в траве бутылку с разбитым горлышком. Поднял ее, скользкую и тяжелую, кинул в Хозяина. Вместе с бутылкой сорвался с пальцев темные шарики крови.

Взмах у меня оказался слабый, бутылка упала в пяти шагах. Я заплакал от досады и беспомощности.

А Хозяин вдруг остановился. И его дураки — тоже.

Хозяин заругался. Он испугался чего-то. И я увидел, чего! Между нами стремительно выросли и разворачивали острые листья несколько топольков. Они поднялись двухметровые, тонкие, трепещущие под луной.

Я не удивился. Слишком я был измучен. В моих скачущих, раздерганных мыслях вставшие топольки как-то увязались с упавшими на землю каплями крови. И я опять махнул рукой.

И еще несколько тополя взметнулись между мной и врагами!

Тогда я засмеялся сквозь слезы. И еще раз бросил в землю теплые брызги тополиной крови. И тоненькие деревца встали четкой шеренгой.

Хозяин мелко бегал вдоль этой шеренги, верещал, но, видимо, не смел пересечь волшебную линию.

Я повернулся и медленно побрел по мокрой траве. У железной сторожки горела яркая лампочка. Я обрадовался. Не надо спешить к ведьмам. До них, до ведьм-то, еще долго добираться, а кто знает, сколько времени удержит Хозяина строй тоненьких тополя?

— Дедушка...— позвал я слабым голосом.

Старик с проволочной бородкой появился сразу. Тонко вскрикнул, заохал, увидев меня, но я сказал:

— Где кольцо-то, дедушка?— И разжал левый кулак. И сверкнул в лунном луче ключик. Старик опять тонко вскрикнул и, кажется, заплакал.

У меня в голове гудело от усталости и боли. Я из последних сил улыбнулся и проговорил:

— Вот... Где тут щелка?

Щелка-скважина сразу нашлась, ключик повернулся легко и моментально рассыпался в порошок. («А еще нержавейка»,— подумал я).

Тяжелое кольцо упало и больно стукнуло меня по ноге.

— Сыночек ты мой,— тихо сказал старик.

А позади, где остался Хозяин, я услышал тоскливый затихающий вой...

Старик легко поднял меня. На траву упало несколько лоскутков — остатки моей тополиной рубашки...

— Куда же тебя, родной ты мой? К доктору надо бы, а как среди ночи...

— К Насте,— пробормотал я.— Она вылечит...

Потом помню только Настины теплые пальцы и сиплый шепот Глафиры:

— Ты, само главное, кровь останови. В ём и так кровушки-то всего как в пташке...

И бубнящий голос Степаниды:

— Я лунную травку замешала, чтоб зараза никакая в его не попала, микробы всякие...

Боль поутихла, но совсем не прошла. До конца вылечить меня так быстро не могло, видно, никакое колдовство. А может, как порвалась ржавая цепь Хозяина, так ведьмы потеряли волшебную силу?

И уже дома, в постели, я сквозь сон ощущал, как ноют мои ссадины и порезы...

## ПОСЛЕ СКАЗКИ

Мама утром увидела, во что превратился мой костюм, и взялась за голову. Она даже не ругала меня, а только повторяла:

— Это не ребенок, а ужас. Это где же так надо носиться, чтобы изодрать все в клочья? Уму непостижимо...

Я лежал под натянутым до носа одеялом и виновато бубнил, что мы с ребятами лазали на свалке, и я застрял в колючей проволоке.

— Неужели свалка — подходящее место для игр?— печально спросила мама.— Ты ведь не

только одежду мог изорвать, но и сам исцарапаться. Ты цел? Ну-ка...

Она дернула с меня одеяло и опять взялась за голову.

Потом она мазала меня тройным одеколоном и бинтовала. Я терпел, только шипел сквозь сжатые зубы. Наконец лечение кончилось, и мама велела мне весь день сидеть дома. Не в назначенье, а просто другого ничего не оставалось: куда я пойду такой изодранный и запеленатый, как мумия?

Что же, я сидел и вспоминал ночные приключения. И разные были во мне чувства. Гордость была, потому что я победил Хозяина. Радость была, потому что ржавые люди теперь все расколдованы и могут жить по-человечески. И грустно было, что летать больше не смогу. Неужели никогда не смогу?

А может быть, ведьмы что-то придумают и помогут мне?

Но тополиного пуха для пряжи теперь нет и не будет до нового июня. Целый год ждать! Да к тому же я догадывался, что Настя, Глафира и Степанида уже не ведьмы. От ржавой неволи избавились, но и волшебство, наверно, потеряли...

Ладно. Все равно их надо навестить. Узнать, как идет их вольная жизнь. Спасибо скажут — и то хорошо. А может, хотя бы их мазь для царапин сохранила волшебную силу?

Кое-как я дождался полуночи. Выбрался в окно и двинулся по огороду. Шел я без опаски, потому что привык: в это время все крепко спят. И, я ужасно перепугался, когда за кустами смородины кто-то заверещал и кинулся от меня напрямик через гряды.

Я упал на четвереньки в ботву и лишь спустя минуту догадался, что это была Нюра. По визгу догадался. Она, видимо, шла от уборной, увидела меня в бинтах и решила, что это мертвец или привидение.

Теперь своими воплями она перебудит весь дом! Пришлось возвращаться через окно в постель.

Нюра, однако, никого не разбудила. С полчаса я слышал сквозь заколоченную дверь, как она постанывает и стучит зубами на своей лежанке, потом опять стало тихо. Я поднялся...

На этот раз я добрался до бани без приключений. Оконце не светилось. В бане было пусто. Исчез дощатый стол, исчезли прялки, ткацкий станок, швейная машина. Это я определил на ощупь, потому что стояла темнота. Луна пряталась за тучами, а лампочка не зажглась, сколько я ни щелкал выключателем.

На мой робкий оклик никто не отозвался.





Сразу, отчетливо и полностью, понял я, что сказка кончилась. И даже показалось, что ничего не было: ни ведьм, ни тополиной рубашки, ни Хозяина. Может, я все придумал, а теперь просто так пришел сюда? Я готов был поверить в это, да только откуда бинты и ноющие царапины?

Впрочем, к утру царапины перестали болеть и засохли. Бинты я размотал. Правда, пришлось натянуть длинные штаны и раскатать рукава у ковбойки, потому что выглядел я все-таки ужасно ободранно. Маму я убедил, что совершенно здоров, и помчался к друзьям на улицу Герцена.

Там, во дворе, я увидел Вовку Покрасова, Тольку Петрова, Амира и еще нескольких ребят. Был среди них и Лешка Шалимов. Оказалось, что его пригласили, чтобы он помог решить сложный вопрос: как достать из развилки тополя Вовкин самолет. Вовка соорудил модель из дранок, бумаги и резины, и они с Толькой пустили эту штуку из окна Толькиной квартиры, со второго этажа. Самолет сделал вокруг тополя вираж и застрял в разветвлении ствола. В таком месте, куда никому не удавалось добраться.

Когда я подошел, все обрадовались:

— Ура! Славка достанет!

Лешка хлопнул меня по спине и сказал:

— Давай, проявляй свои способности.

Я покачал головой:

— Не могу.

Только Петров сразу разозлился:

— Почему не можешь? Надорвешься, что ли? Я понимал, что хитрить бесполезно. И сказал сразу:

— Все, ребята. Отлетался я. Больше уж никогда не смогу.

Они сразу поняли, что это всерьез.

— А что так? — сочувственно спросил Вовка Покрасов.

Ответить я не сумел, потому что заскребло в горле и защипало в глазах. Чтобы этого не заметили, я запрокинул лицо и стал смотреть на застрявшую модель. Ее растрепанный хвост косо торчал из развилки. А на тополе трепетали и тихонько лопотали о чем-то листья... А может, они мне что-то лопотали? Может, сказать хотели что-то, утешить? Наверно, так и было! Это же мой тополь, в моей крови капелька его сока! Значит, он меня понимает...

— Подождите, парни, — сипловато от подступивших слез сказал я. — Отойдите пока... Я попробую...

Они, конечно, ничего не поняли, но послушно отступили от меня и от тополя, а я шагнул к ство-

лу, погладил бугристую кору. Даже щекой к ней прижался. И прошептал:

— Ну зачем тебе этот самолет? Отдай... Вовка с Толькой делали, старались... Ну, пожалуйста...

Может, и правда тополь услышал и встряхнулся. А может, ветер дунул покрепче. Похожая на крылатую табуретку модель вывалилась из развилки и с треском приземлилась у крыльца.

— Ну и дрова,— сказал Лешка Шалимов.— Стоило из-за такой развалины шум подымать...

Вовка и Толька ответили, что им и такая модель хороша, а кому не нравится, пускай делает сам. Дровами обзывать каждый может, а вот смастерить что-нибудь...

Они понесли свою летающую табуретку ремонтировать, почти все ребята пошли за ними, а Лешка и я сели на крыльцо.

Лешка спросил осторожно:

— Так что с летаньем-то твоим? Разучился?

— Не в том дело, что разучился. Просто рубашка изорвалась. Ну, та, с листиками. А я только в ней мог...

— И починить нельзя?

Я помотал головой.

— Ну, ничего. Все же ты кое-что успел,— сказал Лешка. Он был мудрый человек.— Другие всю жизнь проживут, а взлететь ни единого разика не могут. А ты вон сколько летал. Что было — то было...

И мне стало гораздо легче. Даже веселее. В самом деле, подумал я, мне повезло. Я летал. Это было, и эту частичку жизни, эту сказку у меня никто не отнимет, потому что я всегда ее буду помнить... Конечно, я не так четко это думал, как пишу сейчас. Но все равно, я это чувствовал.

«А может быть, и еще когда-нибудь удастся полетать»,— сказал я себе в утешение.

— А может, и еще когда-нибудь полетаешь,— сказал Лешка. И я был ему благодарен.

Жизнь побежала, как прежде. Обычная летняя мальчишечья жизнь: с купаньем, с футболом, с вечерними играми в мушкетеров и сыщиков-разбойников. Приходилось, конечно, и в магазинных очередях стоять, и на рынок ходить за картошкой, и с Леськой нянчиться (а он вредный такой рос, паршивец). Но все-таки свободы мне хватало. Как убегу в середине дня в дяди Борин двор под тополем, так и живу там до сумерек.

Правда, сумерки теперь наступали раньше: незаметно подобрался август. Был он не жаркий, но солнечный, с ласковым теплом, с паутинками в тихом воздухе. Листья тополя начали кое-где желтеть и подсыхать по краям. Но это было еще лето!

В один из таких дней к нам в город приехал театр из Тобольска. Для ребят он показывал «Снежную королеву». Спектакли шли в летнем павильоне, в саду напротив городской библиотеки.

Я у мамы выпросил трешку, но билеты в кассе оказались распроданы. Мы с Вовкой, Толькой и Амиром грустно сидели на лавочке под березами и смотрели на счастливых, которые показывали контролерше синие билетки.

— Может, попробуем «на протырку»? — предложил Амир.

— Ага, попробуй,— сказал Вовка.— Вон какая ведьма сидит...

Контролерша была хмурая, толстая, в очках и надвинутом на лоб платке. При слове «ведьма» меня будто подтолкнули. Я пригляделся. На мясистом лице контролерши торчали коричневые волосатые бородавки. Сердце у меня стукнуло.

Я поднялся и начал прохаживаться у входа в театр.

Конечно, я ни в чем не был уверен. Ведь я ни разу не видел ржавых ведьм при свете дня и сейчас вполне мог ошибиться. Тем более что старуха не обращала на меня внимания.

И чего я тут топчусь? Глупо. И ребята уже смотрят на меня с ухмылками...

В дощатом павильоне протренировал второй звонок. К входу пробежали две опоздавшие девочки с бантами, и контролерша осталась одна. Грузной своей фигурой она полностью загородила дверь. Я тихонько плюнул с досады и пошел к ребятам... И услышал за спиной бубнящий голос:

— Ну-к, ты чё пошел-то? Подь сюда...

Я подскочил. Бабка глядела булавочными глазами сквозь очки. Степанида или нет? Она кивнула в темную глубь павильона:

— Иди. Да только тихо там, в уголке сядь...

— Не...— вздохнул я и оглянулся на скамью.— Без ребят я не могу.

— У, шалопуты. Ну дак зови быстро, чё стоишь...

Я возликовал и махнул Тольке, Вовке и Амиру. Их сдуло со скамьи...

И еще была встреча.

На углу Первомайской и Герцена, рядом с городским театром, продавали мороженое. Замечательное мороженое, сейчас такого не делают. Его черпали ложкой из жестяного бачка, обложенного кусками льда, набивали в формочку, где лежала вафля, накрывали другой вафлей (тоненькой и хрустящей) и выдавливали из формы плоский снежно сверкающий цилиндрок. Идешь

по улице, лижешь его молочные, льдисто-сахарные бока, и весь белый свет кажется прекрасным...

У меня было три рубля, а маленькая порция стоила как раз трешку. Я стоял и терзался: купить мороженое или оставить деньги на кино? В «Темпе» шла прекрасная комедия «Цирк».

Наконец я трезво рассудил, что кино — это почти два часа удовольствия, а мороженое — не больше, чем на десять минут. И решил, что лучше попрошу у продавщицы бесплатно кусочек льда. Его можно бегом донести до двора, а там сунуть за шиворот Вовке или Амиру (рыжему Тольке не надо — он лишен чувства юмора). Если продавщица — тетка не сердитая, лед она даст...

Я подошел. Продавщица была молодая. Высокая, с круглым лицом и... с глазами Насти. Только у Насти под глазами всегда были тени и морщинки, а у этой — ничего подобного. Я растерянно остановился. Мы встретились взглядами. Она смотрела весело, но непонятно.

Настя или нет?

А если Настя, узнала ли меня?

Она улыбнулась:

— Ну, чего встал-то? Иди сюда.

Я смутился. Подошел, неловко царапая сандалиями асфальт.

— Дай-ка я тебя угощу, — сказала она полупрошептом. И это был такой знакомый полупрошепот...

— Да не... зачем... — пробормотал я.

Но она сделала мне шестирублевую порцию.

— Бери, бери...

«Ну, скажи «Тополенок», — мысленно попросил я. — Скажи, а?»

Только она не сказала. Просто смотрела и улыбалась. Я взял мороженое, пробормотал «спасибо». Хотел пойти. Но она опять заговорила громким шепотом:

— Слышь-ка, сделай одно дело, а? Вон туда, за угол, краснофлотец прошел, он у меня сейчас порцию купил, а сдачу забыл. Скажи, чтоб вернулся и взял. Догонишь?

Я кивнул и побежал. Конечно, я должен был помочь, да и моряка хотелось посмотреть: не так уж часто они бывали в нашем городе.

Высокого флотского старшину в белой форме и белой фуражке я догнал на углу Первомайской и Ялуторовской. Он шагал чуть покачиваясь и мороженое лизал как-то особенно лихо. По-морскому!

Я забежал спереди и выдохнул:

— Товарищ моряк! Вы деньги забыли взять!

Он остановился, глянул из-под козырька.

— Не понял вас...

— Ну там, у продавщицы с мороженым. Она говорит, вы сдачу не взяли.

Он шевельнул бровями, подумал секунду.

— Да нет, взял я сдачу.

Тогда я настойчиво сказал:

— Все-таки вы вернитесь. Для выяснения. Она просила.

Он опять пошевелил бровями, постоял. Круто повернулся и зашагал назад. Оглянулся, подмигнул мне и опять зашагал.

Я постоял и вдоль забора осторожно двинулся следом. Потом спрятался за колонной у театрального подъезда и стал смотреть. Старшина подошел к продавщице, они о чем-то поговорили, затем стали смеяться. И мне тоже стало весело. И я все смотрел на них и думал: «Ну вот, все хорошо...»

Мороженое таяло у меня на пальцах, молочной стружкой бежало по голой руке и белыми звездочками падало на сандалии...

Вот и вся история. Все, что было потом, отношения к ней не имеет. Глафиру или кого-то на нее похожую я не встречал. И Льва Эдуардовича Пяткина не встречал. Да и наплевать на него, на предателя! Если бы встретил, кинул бы в него пустым подсолнухом или еще чем-нибудь...

Скоро наступила осень, но я все равно ходил к друзьям на улицу Герцена, и мы по-прежнему играли во дворе, если не было дождя.

Тополь стоял золотой, и листья его засыпали двор.

Иногда я оставался ночевать у дяди Бори. По вечерам он в кухне варил на таганке картошку, и мы с ребятами сидели у огонька и разговаривали.

Однажды, когда разговор шел о всяких таинственных делах, я рассказал всю историю про ржавых ведьм и Хозяина. Все слушали внимательно, однако в конце Толька Петров сказал:

— Все это брехня.

— Не брехня, а выдумка, — заступился Вовка Покрасов. — Нельзя, что ли, придумывать? Жюль Верн тоже придумывал.

— А вот и не выдумка, — заспорил я. — Если я все выдумал, тогда почему я летал?

— Подумаешь, летал, — хмыкнул Толька. — Если потренироваться, то каждый сможет... А никакого Хозяина не было.

Я хотел задрать рубашку и показать на животе следы от старых царапин: еще сохранились розовые полоски на загаре. Но подумал: кого удивишь царапинами?

Амир сказал:

— Придумал, не придумал — какая разница? Главное, что интересно.

Дядя Боря молчал и улыбался.

# ФАНТАСТИКА И ЧИТАТЕЛЬ

Роман АРБИТМАН



Лешка Шалимов тоже сидел здесь и тоже улыбался. Он был почти взрослый.

Я повернулся к нему:

— Лешка, скажи им!

— Да чего говорить,— отозвался он.— Пусть не верят. Ты-то знаешь, что было, а чего не было...

Я немножко обиделся. Но самую капельку. Обижаться всерьез не хотелось. На кухне в сумерках было хорошо, трещал огонек, тополь шумел за окном по-осеннему. В такие минуты нет настроения ссориться.

А кроме того, я и сам понимал, что сказка — это сказка.

Кое-что мне, наверно, приснилось, а кое-что я, кажется, выдумал, потому что не мог жить без фантазий.

Впрочем, сама жизнь этим фантазиям помогала. В октябре к нам в школу пришла новая вожатая и объявила, что все пионеры должны заниматься важной работой: собирать старое железо. Нашим заводам нужен металл. Я вспомнил про свалку в логу и подумал: железа там столько, что наш отряд сразу займет первое место.

Но, может, никакой свалки там нет? Может, она мне тоже приснилась?

Я отыскал в логу тупик с покрытыми сухим бурьяном откосами. Железо там было, несколько груд. Видимо, они лежали здесь давно, потому что сквозь ржавые листы и проволоку проросли тонкие топольки... Давно ли? А может быть, этим летом?

Мы долго таскали металлолом на школьный двор и в самом деле заняли первое место. Даже грамоту получили.

...И вот еще что было по правде! Тополиная рубашка! Ну, может, не тополиная, но белая, с красными вышитыми листиками на широком вороте. Лоскутки от нее я сберег до следующей весны и в марте сшил из них паруса для основного кораблика. Хорошие получились паруса, кораблик бегал быстрее всех по луже, которая разлилась у подножия старого тополя. Когда мой кораблик далеко обогнал Толькину яхту с непромокаемым парусом из бересты, я сказал Тольке:

— Вот! А ты не верил!

Он ничего не понял, но на всякий случай надулся. Но не надолго. День был хороший, дул теплый ветерок, и солнце рассыпало по луже праздничные вспышки. Оно прошивало прямыми лучами ветки тополя, на котором уже начали набухать почки.

Помните основной конфликт повести А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике»? Руководитель КОМКОНа-2 Рудольф Сикорски, по прозвищу Экселенц, оказывается, ответствен за судьбы всех людей, всего человечества. Как в безвыходном, казалось бы, положении остаться человеком, не потерять гуманистических ориентиров, какой сделать выбор?..

Автор этих строк проводил в школьном литературном кружке сочинение по повести «Жук в муравейнике». Семиклассники, ученики сельской школы, должны были оценить поведение Сикорски и решить, как бы сами поступили на его месте. Конечно, в ответах ребят немало наивного, детского, — предлагалось, например, несколько остроумных способов спасения Льва Абалкина, которого Рудольф Сикорски убивает, считая враждебным «автоматом» инопланетной цивилизации Странников. Но, раздвоя тревогу Сикорски (в связи с непредсказуемостью для людей поступков Странников) или считая опасность мнимой (кроме прочего, обращалось внимание и на авторскую интонацию при описании событий, и на заглавие: все-таки «Жук в муравейнике», а, скажем, не «Хорек в курятнике»), почти никто не оправдывал его поступка. «На плечах Экселенца была вся планета, и рисковать, кажется, было нельзя. Но мне жаль Льва Абалкина» (Саша И.). «Я считаю, что Экселенц поступил неправильно, убив Абалкина. Я бы на его месте ни за что так не сделала» (Марина Р.). «Ясно, что Экселенц должен был быть злым и беспощадным к этим Странникам, которые сломали всю его жизнь, он должен был ненавидеть их. Но я бы ни в коем случае не застрелил Абалкина...» (Володя Т.). Ребята единодушны: убийство, даже если оно продиктовано «высшими» соображениями, остается аморальным; самая высокая цель не может оправдать недостойные средства.

Теоретики и критики НФ, подчас переоценивая одни, недооценивая другие ее особенности и взаимно упрекая друг друга в субъективности взглядов, сходятся в главном — в признании высокого этического потенциала фантастики, активного воздействия ее на сознание читателей. По мере эволюции НФ основная сверхзадача жанра постепенно сместилась: от «полезной» популяризации науки и техники — в область серьезных нравственных коллизий. Именно поэтому фантастика ушла-таки из «золушек» и стала по-настоящему полноправной частью литературы.

Говоря об особенностях современной НФ, следует в первую очередь определить своеобразие ее нравственных уроков.

Прежде всего совершенно непредставима ее популярность, особенно среди молодежи. Социологам еще пред-



стоит разобраться в этом феномене, в его положительных (а не исключено, и негативных) сторонах. Но, так или иначе, фантастическая литература сегодня активно участвует в формировании мировоззрения, порою для целых групп читателей выдвигаясь на первый план.

Это внешняя сторона дела. Есть и внутренняя.

Жанровое преимущество НФ состоит в том, что в ней допустима большая мера условности, налицо своеобразная победа над временем, позволяющая исследовать этический идеал в его непрерывном историческом развитии. В самом широком плане — фантастике дано право «забегать вперед», строить гипотетические модели, в любых ракурсах затрагивая интересующие писателей проблемы, как бы сложны они ни были. Вот почему НФ — один из злободневных жанров литературы: фантастическая форма позволяет острее, четче проявить для читателя любой из «больных вопросов» современности.

Невиданное ранее ускорение научно-технического прогресса оказывает сейчас огромное влияние на общественную жизнь, и не случайно писатели все чаще обращаются к теме возможных последствий прогресса науки. В такой же мере, как культура в целом, этот прогресс немыслим без определенных нравственных условий (запретов): человечество уже сейчас накопило достаточно средств, чтобы при малейшей неосторожности причинить себе непоправимый вред. Предотвращение ядерного конфликта, сохранение экологического равновесия, демографический кризис, проблема сбережения моральных ценностей в век НТР — об этом и о многом другом с тревогой, чередом с публицистической обнаженностью пишут советские и прогрессивные зарубежные фантасты. Лучшие произведения Стругацких и Брэдли, Биленкина и Азимова, Булычева и Лема исследуют, в первую очередь, нравственные аспекты этих непростых тем. Ведь фантастика, как и любой другой вид литературы, стремится воздействовать на эмоциональный мир человека, используя для этого все богатство изобразительных средств, которыми располагают писатели. При этом она позволяет без излишней усложненных мотивировок воссоздать экстремальные, «пограничные» ситуации, требующие от героев раскрытия истинной их сущности. Разумеется, и в реалистической прозе герои нередко оказываются «на грани»: на грани жизни и смерти, благородства и низости, озарения и помешательства — например, в романах Достоевского. Но в фантастике сходные задачи могут быть «технически» решены много проще, поскольку писатели во всех отношениях являются творцами изображаемого ими мира.

Ситуация нравственного выбора героев, пожалуй, наиболее отчетливо определена в произведениях А. и Б. Стругацких. Так, в повести «За миллиард лет до конца света» фантастическое допущение (вмешательство Мироздания — неконтролируемых и могучих сил природы) позволяет авторам «отделить» от мира и исследовать поступки членов микросоциума, которым в данных обстоятельствах не может помочь никто — «ни академики, ни даже все прогрессивное человечество». Каждый из героев должен самостоятельно принять решение. В финале повести один — «раздавлен», предал в себе ученого, другой ищет компромиссов, третий находит в себе мужество не сдаваться, хотя под угрозой не только ученая карьера, но и жизнь. Психологически достоверно выписаны в повести характеры персонажей, а неожиданная смена ракурсов (чередование первого и третьего лица) вдруг приобщает читателя ко всем событиям повести, делает его участником, заставляет обратить все вопросы, которыми мучаются герои, к самому себе. «А как бы я поступил в этой ситуации?» — такой вопрос не дает покоя и после прочтения каждой повести Стругацких. Тема моральной ответственности за свои поступки — не только перед са-

мым собой и своей совестью, но и перед всем Человечеством, — сквозная для большинства их книг.

Оставаясь частью «большой» литературы, НФ сущим ей своеобразием выявляет те основные принципы, что образуют моральный фундамент человечества, закономерности его развития, пути достижения идеала. Не менее важной стороной этих вопросов становится и проблема нравственной ответственности самого писателя-фантаста, которая имеет несколько граней.

Надо трезво отдавать себе отчет, что далеко не каждое произведение НФ обладает позитивным нравственным потенциалом. Но плохая фантастика далеко не безобидна! Еще Белинский писал о том, что в искусстве нехудожественное не может быть нравственно. И хотя связь между эстетическими качествами произведения и мерой его позитивного воздействия не может быть выражена прямолинейно, тем не менее банальные, художественно неполноценные, насыщенные штампами книги не только дискредитируют сам жанр в глазах читателей, нередко лишь с подобными сочинениями и знакомых. Ведь именно они обычно попадают на глаза, хорошая-то фантастика не залеживается и в библиотеках.

Вольно или невольно эти сочинения опошляют, компрометируют и те серьезные проблемы, за постановку которых берется автор.

Безусловно, в нашу фантастику практически не проникают растлевающие читателей идеалы «общества потребления», культ жестокости и силы, упоение иллюзорными «свободами» буржуазного мира или тотальный пессимизм, характерные в целом для западной НФ. Но иногда и в произведениях отечественных фантастов вдруг проскальзывают нотки некоего фатализма, упования на «высшие», космические силы, которые помогут «навести порядок» на нашей планете. Конечно, положение во многих районах Земли, мягко говоря, далеко от совершенства. Однако люди сами — без подсказок свыше — рано или поздно найдут в себе силу и энергию справиться в конце концов со своими проблемами. А вот чему может научить, к примеру, повесть, где инициатива «наказания» милитаристов, испытавших на мирных жителях одной из стран новое оружие, исходит... от высокочудрых инопланетян, чья «чаша терпения» переполнилась? Довольно странные «уроки» извлечет читатель из такого произведения....

Говоря об уроках НФ, следует сказать еще об одной тенденции.

Уже неоднократно отмечалось, сколь важное значение (особенно для читающей молодежи) имеет положительный герой современной литературы. Это относится и к фантастике. Герои «Туманности Андромеды» И. Ефремова — совершенные во всех отношениях люди далекого будущего — заставили говорить о себе, спорить, полемизировать. Герои повестей Стругацких «Стажеры», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Далекая Радуга» и многих других ближе к нам во времени, они вобрали в себя лучшие черты наших современников, что помогло им не стать безжизненно-идеальными. Эти герои тоже завоевали популярность среди читателей НФ, открыли новую страницу в галерее художественных образов фантастики.

Тем удивительнее представляются попытки иных авторов строить свои произведения на противопоставлении «слабым», «жалким», «неврастеничным» современным интеллигентам — «сильных», «цельных», живущих в гармонии с природой и со своим трудом «представителей» далеких эпох, главным образом — родоплеменного или феодального строя. Подобный доморощенный руссоизм начисто игнорирует особенности и специфику конкретного исторического времени, его неизбежные противоречия и конфликты. Идеализация патриархальных от-

ношений заведомо антиисторична, а значит, и безнравственна, ибо подменяет реальную историю выдуманной, сознательно искаженной в угоду концепции. Границы художественного вымысла в НФ подчиняются общелитературным законам, придуманное должно вытекать из логики исторического развития и психологической достоверности. Писатель имеет право фантазировать, но он не имеет права лгать. Реальная история человечества не нуждается в «улучшении», она и в НФ не должна служить плацдармом для утверждения сомнительных гипотез — вроде участия славян (да-да, славян, возглавляемых «россом» Ахиллесом) в Троянской войне... Примеры подобных «игр» с историей в современной фантастике, увы, не так уж редки.

Однако проблема «читатель — книга» имеет и другую сторону. К сожалению, далеко не каждый читающий является Читателем. Потребительский взгляд на литературу (как тут не вспомнить Маяковского: «Сделайте нам красиво!») способен низвести и лучшие образцы НФ до уровня неприязательной развлекательности. «Потребитель» литературы и искусства оценивает произведения с позиций своего ограниченного мировосприятия, и тогда та самая Венера Милосская, которая «выпрямила» героя знаменитого рассказа Г. Успенского, осуждается за непристойность: как же, обнаженная женщина! И тогда, к примеру, в повести Стругацких «Трудно быть богом» — книге о любви и ненависти, о драматическом несоответствии между долгом и чувством, между профессиональной этикой и совестью — усматриваются только «сцены оргий и сомнительных похаживаний», от которых необходимо «защитить» юных читателей, а в трагедии двух героев прозрачной «Сказки королей» О. Ларионовой, любовь которых умерла, не успев родиться, видится чуть ли не порнография... Бездуховность и читательская глухота — вот что является основной преградой на пути к полноценному восприятию художественного произведения.

Опасность бездуховности в современном мире тоже одними из первых разглядели писатели-фантасты. В своих книгах они убедительно показывали, что мещанин, Массовый Сытый Невоспитанный Человек (термин А. и Б. Стругацких), порожденный материальными благами прогресса, — серьезная угроза будущему, ибо мещанин равнодушен ко всему, что выходит за пределы замкнутой сферы его личных интересов, то есть, в конечном счете, равнодушен к судьбе человечества. А в современном мире это особенно опасно. Герой чеховского рассказа мечтал о том, чтобы за спиной каждого довольного, самоуспокоенного, погруженного в мелкие житейские заботы человека непременно стоял кто-то с молоточком, напоминая, что вокруг есть другая жизнь, от которой нельзя отмахиваться. Именно такова функция фантастики: она не дает человеку успокоиться, замкнуться в собственном герметическом мирке, она раскрывает перед читателем весь мир — с его красотой, но и с его тревогами, с его безграничной сложностью. Человеку юному, с ее помощью вырабатывающему свои представления о будущем (а значит — и о своем месте в этом будущем), она помогает утвердиться на позициях активного отношения к жизни.

Сила настоящей НФ литературы заключается не в способности «перестраивать» действительность, исходя из гипотетического «знания будущего». Ее задача, как и задача литературы в целом, сводится — по справедливому замечанию того же Чехова — не к решению, а к правильной постановке вопросов. Добавим: в том числе и нравственных. Есть смысл подчеркнуть — главным образом, нравственных. Крупный современный художник на вопрос: «Можно ли преобразовать мир с помощью искусства?» — ответил: «Нет. Но без искусства его преобразовать невозможно».

## Нам пишут...

ПУБЛИКУЕМЫЕ НИЖЕ ФРАЗЫ ВЗЯТЫ НАМИ ИЗ РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ НАЧИНАЮЩИХ ФАНТАСТОВ. ДЕНЬ НА ДЕНЬ НЕ ПРИХОДИТСЯ, НО В СРЕДНЕМ ОТДЕЛ НФ ПОЛУЧАЕТ 40—50 ТАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНО...

ЯВНО НЕОРДИНАРНЫЕ ФРАЗЫ ЭТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ НАМИ ДОСЛОВНО — МЫ ЛИШЬ РАСТАВИЛИ ЗАПЯТЫЕ И ВЫПРАВИЛИ ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ.

*Его обнаружили в воздухе средства обнаружения.*

*Большая громадина с усами, папа, ввалилась в комнату и захохотала.*

*Джек зафиксировал давление атмосферы в вакууме.*

*У него был зуд большой учености, бесполезный для сельского хозяйства.*

*В организме человека находится акустический биогенератор и еще ряд приборов.*

*Пошли этот метеорит в метеорологический институт.*

*Вывернутые цифры наизнанку и порядок чередования их открыли в вакуум-пространстве огромную брешь, куда чуть не затянуло нашу планету.*

*Червяки всем телом намекали на то, что в море есть остров, а на острове большой город.*

*Не замечая некоторых сторон жизни, находясь в своей идиллии, некоторые частности против его воли записывались на его память.*

*Вошел человек в черной одежде. Только теперь он был одет в светлую одежду.*

*Гном доставал мне до локтя, но был не в пример мудрее.*

*В математике не существует такой цифры, которая могла бы выразить это расстояние.*

*Снова выйдя из-под корабля, меня сразу привлекли дыры.*

*Команда поражалась нечеловеческому терпению робота. Слабый поток вентилируемого воздуха ужасно противоречив свежему порывчатому ветерку.*

*Я нащупывал ниточку через третьи руки.*

*Передо мной стоял рептилий.*

*Смешавшись с толпой, мы старались узнать как можно больше из газет, радио и телевидения о стране.*

*Высокий лоб еще более приподнялся.*

*Зубы крепко сжали руку в своих объятиях.*

*Искусственная черная дыра была направлена прямо, слева вверх.*

*С той стороны был выход из солнечной системы.*

В ЭТИХ ФРАЗАХ И ВПРЯМЬ НЕМАЛО ФАНТАСТИЧЕСКОГО, НЕ ПРАВДА ЛИ?

В ОДНОМ ИЗ БЛИЖАЙШИХ НОМЕРОВ МЫ НАПЕЧАТАЕМ «ЗАМЕТКИ РЕЦЕНЗЕНТА НФ» СЕРГЕЯ ДРУГАЛЯ. АДРЕСОВАНЫ ОНИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО — НАЧИНАЮЩИМ ФАНТАСТАМ.



# МАТЬ ГОРОДОВ СИБИРСКИХ

Виталий КЛЕПИКОВ

Рисунки О. Шапкина



Четыре всадника на крутом берегу машут призывно:

— Сюды, сюды!

Лодья за лодьей, струт за стругом тычутся носами в глинистый берег, спрыгивают люди, ставят сходни, бережно сводят коней, тянут их в поводу на кручу мимо обвалившихся вместе с землею сосен.

Один из четверки, Иван Мясной, младший воевода, спешился, пошел навстречу Василию Сукину. Данило Чулков крикнул на струги с берега:

— Погоди тамо! Погоди, слово будет! — И пошел к сотоварищам.

— Ну что, Иван? — коротко спросил Сукин.

— А вот гляди. Хватит, поди, искать место. Ермаковы люди нас не дурней были, а зимовку здесь делали. Да и татарове свою Чимги-Туру не зря тут держали.

Следы Ермака и верно были еще свежи в нынешнем 7093 «от сотворения мира» году<sup>1</sup>. Крепки еще были пни — всего-то пять лет минуло с той поры. В сотне шагов от обрыва виднелось врытое в землю зимовье — пять венцов наружу. Слева торчал трухлявый сруб какого-то татарского строения, наскоро крытого плахами казачьей работы, посвежее. Часть ермакова воинства тут, верно, зимовала.

— А далеко ли вниз по реке глядели? — спросил Чулков.

— Да верст на двадцать прошли. Нет, лучше места не сыскать. Вниз, что и вверх, — гиблые места, болотины, берега низки, комарье — страсть! А тут чисто, ветрено, сухо. Да лес каков — корабельная ведь сосна. Да и Майтмас вот толкует — хорошее место.

Низенький, широкоплечий татарин, услышав свое имя, обернулся к толмачу Яшке Козырю — чего, дескать? Яшка перевел, выслушал мурузу, присягнувшего еще Ермаку, сказал:

— Муруза говорит, лучше не надо. Есть, мол, на восход у Тобола место Явлу-Тур, да далеко, и татар тамошних снова воевать надо.

— Старшой, чего молчишь? — обратился письменный голова к воеводе.

Василий глядел на реку — простор был перед глазами неоглядный. Топкий левый берег переходил в широченную луговину с частым кустарником, верстах в трех справа темнел сосновый бор. Кивнул туда:

— Эвон сосна не хуже, видать. Сухое, должно, место.

— Топкий там берег, пристать негде. И заливаает тот бор, хотя и не каждый год. Были. Скажи, Петро.

Казак, глядя на далекий бор, ответил:

— Золотой тот бор. А острог тут надо ставить, здесь, где стоим. Там дороже выйдет, ровное место. Набегут ногайцы аль татарва — не увидишь как. А здесь круча под нами, слева воп речка в Туру бежит, опять круча. И погибает та речка с полудня на восход. От нее там, подалье, ров да тын к Туре изладить — незваным никто не придет.

— Ладно ли казак говорит? — спросил воевода.

— Ладно. Вместе оглядывали. А он тут с Ермаком еще был.

— Ну, коли ладно — с богом! — Василий Борисович Сукин зычно рывкнул вниз: — Выгружайся, казак, жить здесь будем!

<sup>1</sup> 1586 год



Лето было на исходе. Три сотни казаков готовились и зимовать и весну встречать — ладить жизнь на новом месте, в Сибири, в дальней дали от родных мест.

А у Даниила Чулкова на будущее лето была задача из задач — идти к Искеру, где побил Ермак кучумово войско, и поставить там еще один град — в устье Тобола, на великом Иртыше.

Провожая, наказывал в Москве Годунов-боярин:

«Не зря Кучум-хан сидел престолом в устье Тобола. Одна по тем края дорога — река. Вот поставим Тоболеск, тогда Сибирь воистину наша будет. Зачнете град на Туре — ворота в Сибирь поставите. А надобно крепких острогов по Иртышу, по Оби занять, с тем станем володеть Сибирью на восход и на полуночную сторону беспредельно».

Годунов входил в силу тишком да крепко, хитростью переселивал Бельских и Шуйских.

В год, когда Ермак воевал Кучума, царь Иван, облезлый великими в Ливонской войне неудачами, ударил жезлом «поперешного» царевича, а тот на пятый день и помер. После и сам Грозный отошел в мир иной, оставив царство на слабоумного сына Федора. Именно Федора отправил Годунов по Ермаковым следам, по «скаскам» Ивана Кольца, три сотни казаков.

Устраивались казаки в Тюмени, которой еще не было. Укрывались в полах-шатрах, в стругах, затасанных в Тюменку-реку... Валился лес, подымалась церковка, рядом

того скорей встала съезжая изба, около — амбар крепкий. Вологодские да устюжские, вятские, чердынские да рязанские мужики-казаки ставили дома воеводам, есаулам, себе. «Окали» и «акали», «цокали» и «щелкали», посмеивались соседскому говору, а понимали друг друга хорошо — русский люд.

Не всё успели. С холодами залезли кто в избы, кто в старые зимовья. Да и где успеть! От развалин татарского Царева Городища до самого берега Туры копали глубокий оборонный ров, ставили вдоль него тыном пятисаженные заостренные бревна. Корчевали пни да выжигали под пашню землю. Не просто было успеть...

Поп не горд был, однако настырен:

— Избу себе сам срублю, воеводы, а с храмом поспешать бы надо, к Покрову бы маковку. Крест у меня золоченый припасен, кропленный у Троицы московской.

Воеводы только кряхтели — и без церкви дел полно! Сами топоры из рук не выпускали, а церкву торопить — лучших мастеров занимать, «божью» работу не всяк умеет. Шестигранные проезжие башни начали рубить. Не на год ведь, не на два — навсегда осели... Но и попу не отказать — храм... Письменный голова волновался не одной Тюменью. И лес валит со всеми, и тесал бревна, а дума была впереди: с кем и как придется Тоболеск ставить? Не вынудят ли татары сызнова воевать? Приглядывался к казакам, отбирал.

Из ермаковой дружины троих он сразу приметил — Гаврилу Ильина, Гаврилу же Иванова да Петруху

Козлова. С этим подолгу толковал. Был Козлов и умен, и силен, и ловок в любой работе. Ходил от Ермака к царю Ивану с атаманом Кольцом «челом бить и новою землицей Сибирью». Ходил и во втором посольстве от Ермака в Москву — с ответом на царский привет, да не поспел ни к Ивану Грозному, ни назад к атаману — умер царь в 1584 году, а на другой год и Ермак погиб. Вспоминал Петро, как принимал ермаковых посланников в московских своих хоромах боярин Годунов, как дотошно выспрашивал про сибирских людей, про реки и землю, про погоду и зверей, как радовался, слыша, что Ермаку присягу принесли и с Туры, и с Тавды, и с самой Оби многие князьки остяцкие и вогульские.

Крепко сошлись Козлов с Чулковым, хотя Петро был лет на десять постарше Даниила.

— Щастлив ты, Данило, грамоту разумеешь, — сидя в съезжей избе, вздыхал Козлов.

— Давай, Петро, выбирай товарищай, — перебивал его голова. — Кто люб, говори, наш будет.

Петро называл, Данила пополнял свой список, показывал потом Сукину, а тот всякий раз всплескивал руками:

— Сажин? Мехонин? Помилуй ты нас! Энти мужики вдвоем всех мясом кормят, зверя добывают! Одного оставь.

— Иных назначишь. И поа весной возьму, проси себе нового.

— Чем этот-то тебе люб?

— Есть у поа надобный мне дар — баско поет!

— Но! Тебе и это надо, чтобы Сибирь дале воевать?



— Надо, сгодится. Да и земляк, вологодские мы, он сам просится.

Град — за городьбою, за оградю. К зиме Тюмень огородилась крепкою стеной с башнями. Западную назвали Спасской, по-московски. Близ нее и караульную избу повыше срубили, попросторнее.

Воротами Спасскими глядела Тюмень на Москву: помнит ли стольный град о нас? Москва помнила, Москва требовала ответу: сколь отправлено мягкою рухляди государевой? Сколь думают в Тюмени брать пушнины в зиму? Пошто пять сороков худова соболя у татар взяли? Менялись гонцы государевы в Вятке, в Чердыни, а повеления и слухи московские до Тюмени довозили исправно.

Не забывала Москва казаков. Четыре струга с припасами пришли по Туре вместе с первым ледком. Добро, что поспели: только перетаскали соль да муку, свинец да кожи, крупы, толокно, железо разное да колокол церковный — встала река.

Солнце на лето — зима на мороз! Приехала казаков сибирская зима так, что вся работа остановилась. Шесть бань зато нажаривали каждый день, воз великов исхлестали. Бураны принесли оттепель. Привыкли опять за ясак, отправили на Москву два обоза с рухлядью, стучали топорами на срубках, чинили лодьи да новых заложили полдюжины, чтоб весной на воду пустить. Приняли из Чердыни новую полусотню казаков. Росли, одно слово!

Отметелил февраль, пришел с ясным солнышком март. Уходили и возвращались ясачные сборщики, приносили вести с Тобола, с Тавды и Исети. Приезжали на оленях гости дальние, северные, вспоминали, что Ермаку присягу давали, били челом и лучшими соболями. Встречали в Тюмени их ласково, но и не без строгости, дабы место свое князья северные понимали. Мутил по дальней округе татар молодой

князек Алей, кучумово отродье, портил дела ясачные, зловредничал, подбивая улусы дань не давать, а уходить в иные места, подалее от русской Тюмени. Кто и уходил, а другие супротив — наоборот, к Тюмени поближе ехали, под казачью защиту от бешеного и жадного Алея. Мурза Каскар всю деревню свою чуть ли не под самые тюменские стены перевез, присягнул еще раз, а тюменским воеводам в службу своих парней отдал.

Вроде как тайно — а какая тайна улежит при остроге в триста душ! — но тайно все же двадцать три казака, из тридцати провожавших последний обоз, привезли себе баб из Чердыни да из Чусовских Городков. Не посмели бы, кабы сам полусотник Семен Лапотников не решился в Тюмень вернуться с женою.

Шум пошел великий! Казаки в завидки и обиду ударились, воеводы огневались, велели Лапотникову двадцать три же плети дать и после позору этого спрашивали:

— Как ты, есаул, удумал тако? Неладно удумал. Пошто не спросился у нас? Должон был сам разуместь, какова смута настанет, когда баб в Тюмень навезешь? Должон был? Ответствуй!

— Должон, — понурился есаул, стоя перед воеводами да Чулковым. — Да я, вить, не собирался жениться-то... Думалось, блудом обойдусь. А таково жаль сделалось девку!..

— Блудом! А подумал ли, что блуд в Тюмень везешь? С Ермаком ты не ходил, а спроси-ка вон Гаврилу Ильина — Ермак за блуд и нетоварищество тебя бы в мешок да в пролубь! — сурово выговаривал Чулков. — Здесь-то што будет, понимаешь, нет? Вот скоро на масляной выпьют казаки, а? И блуд тебе станет, и драка! Ладно, иди. Смертию тебя не казним, а думать станем. Иди. Стой! Повенчались там которые?

— Один я повенчался в Чусовских. А казаки на нашего поща уповают.

— Уповают, штоб ты разорвало! — трахнул о стол кулаком Сукин. — Иди!

Крутили головами воеводы, круто бранили и баб, и казаков, думали, что с ними делать теперь. Придумали: ближе к теллу выселить женатых за тын, за ров. Не чаяли скоро посадом обзаводиться, а само пришло. Письменный голова улыбнулся:

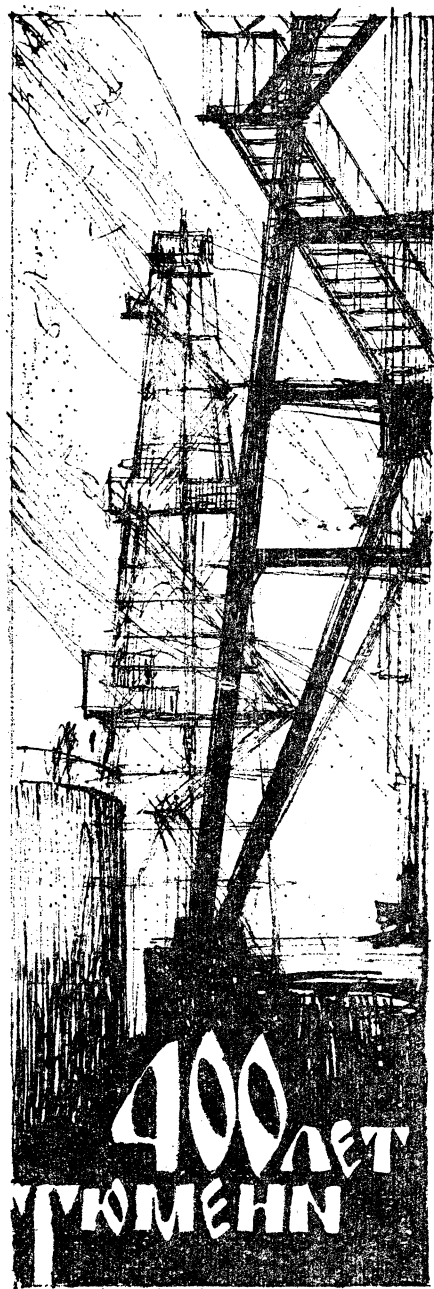
— И ладно, други. Не воротитишь баб по домам — дорожке выйдет. А какой город без посаду? Острог! Выходит, быть Тюмени городом.

Первый русский город в Сибири получили вскоре славу «матери городов сибирских» и «столицы деревень». Справедливы оба названия: Тюмень рождала другие сибирские города. Уже через год Данило Чулков с отрядом, присланным по велению Москвы, отправился ставить «град Тоболеск». Из Тюмени уходили основатели Сургута, Обдорска, Тары, Березова, Верхотурья, Туринска, Пельыма, Маггазеи... Действительно — мать: к началу XVII века эти города поднялись на громадных пространствах Обь-Иртышья.

«Столица деревень» — тоже верно. И этим званием Тюмень вправе гордиться: не огню и мечу покорялась Сибирь, а труду земледельца, пахаря. И обрастал город деревнями тоже быстро — Гилево, Войновка, Антипино, Парфеново, входящие сегодня в состав города, существовали уже в начале XVII века. Да и более отдаленные — тоже: Падерино, Первалово, Успенка, Кулаково, Речкина, Криводанова... Во все стороны от себя отводила «столица деревень» земли под пашни, покосы и пастбища. Да и сама долгое время была большим крестьянским селом, развиваясь медленно, «естественным путем», как писал сибирский историк Д. Ядринцев.

# ОТКРЫТИЕ ВЕКА

Дмитрий КОПЫЛОВ,  
Владимир РЕТУНСКИЙ



Первое упоминание о тюменской нефти, по известным нам документам, относится к 1903 году. Видимо, были и другие документы, иначе как объяснить, что «министр земледелия и государственных имуществ, по докладу Горного департамента... позволил установить... десятичную плату на 1903 год за разведки на нефть», в том числе в Тобольской губернии.

В 1911 году Тобольское управление государственными имуществами объявляет, что товариществу «Пономаренко и К<sup>о</sup>» выдано «договорное свидетельство на право производства в течение двух лет... разведок нефти». Обозначен район поиска: Тобольский уезд, Нарымская волость, Кондинская V разряда дача, на Летнем бору, «отстоящем от юрт Цингалинских приблизительно в 10 верстах».

Чем закончились эти разведки, мы не знаем. Тем не менее заметим: нефть была близко. Знаменитое сейчас Среднее Приобье вот оно, рядом...

Выступая на Урало-Кузбасской сессии Академии наук СССР, проходившей в Свердловске в июне 1932 года, академик И. М. Губкин сказал: «Сейчас надо поставить вопрос о поисках нефти на восточном склоне Урала...» Через несколько дней в интервью «Правде» он еще раз подчеркнул: «Пора начать систематические поиски нефти на восточном склоне Урала». И там же: «Мне думается, что эта разведка может увенчаться успехом. Перспективы и значение разработки нефти в этих районах огромны. Добыча... может обеспечить не только потребности Урало-Кузнецкого комбината, но и всего народного хозяйства СССР».

Академик обосновал свои предположения геологическими выкладками. В специальном журнале «Нефть» геолог М. М. Чарыгин выступил со статьей «Почему нужно искать нефть за Уралом». Краевед П. А. Россомахин писал секретарю Обско-Иртышского обкома ВКП(б) В. К. Фомину: «О нефти до германской войны и во время ее писали, помню, в газетах о том,

что в бывшем Тобольском уезде нашли, кажется на р. Конде, нефть. Сведения более точные можно получить в Тобольском музее».

В мае 1934 года секретарь Октябрьско-Вогульского окружкома партии А. Я. Сирсон телеграфировал редактору областной газеты «Советский Север» Б. Н. Назаровскому: «Имею серьезные основания ставить вопрос изыскания нефти в... округе. Перед империалистической войной около деревни Цингалы Самаровского района приезжий бакинский инженер начал бурение на нефть. С началом войны бурение было прервано. Еще в 1932 году на воде отмечались масляные пятна. Необходима проверка. Округ инструментов и специалистов не имеет. Более подробные данные имеются о нефти около поселка Юган. В этом месте со дна реки регулярно, каждые 15 минут, вырывалось подобие полушария — жирное вещество расплывалось по воде, на расстоянии сорока метров также выкатывались жировые пятна, в ста метрах еще. Имеются очевидцы, могущие указать места. Дальнейшее промедление с изыскательными работами недопустимо».

Эта телеграмма стала одним из важных поводов к принятию постановления бюро обкома ВКП(б) «О геологоразведочных и поисковых работах» 11 июня 1934 года:

«...Считать необходимым, чтобы Уральский ГГТ<sup>1</sup> не позднее 20 июня создал в Тюмени постоянную комплексную партию (базу) для работ на территории области.

...Проверить и тщательно опробовать месторождения золота в Тюменском районе, а также проверить сведения о рождении нефти в Самаровском и Березовском районах».

20 июля (?) 1934 года геолог треста Восгокнефть, базировавшегося в Уфе, В. Г. Васильев телеграфировал из Сургута в редакцию «Советского Севера»: «Указание о выходе нефти на Югане подтвердилось. Необходимы детальные геологоразведочные работы».

В наркомат нефти, в геологи-

<sup>1</sup> Горно-геологический трест.

ческие организации, в редакции газет поступали десятки писем с просьбой проверить тот или иной район на нефтеносность. В 1936 году на юге Западной Сибири, в полосе железных дорог, работала экспедиция нефтяного геолого-разведочного института. В 1939 году наркомат топливной промышленности принимает решение о расширении поисков. Главгеология организует большую геофизическую экспедицию, чтобы подготовить в Западной Сибири точки для глубокого бурения. В следующем году создается Западно-Сибирский геологоразведочный трест.

Развернуть поиски в тех масштабах, которые планировались, помешала война. Поиск, однако, продолжался: нефть — сырье стратегическое. Тем не менее в 1943 году работы свертываются: нет сил...

**«Срочная. Тюмень. Нефтегеология. Шиленко.**

Выброс при подъеме инструмента. Давление на устье 75 атмосфер. Срочно ждем самолет. Сурков»<sup>1</sup>.

Авария. Одна из самых опасных, что может произойти на буровой, произошла 21 сентября 1953 года в 21 час 30 минут на скважине Р-1 Березовской буровой партии при подъеме инструмента, после разбуривания пеметных пробок. Из скважины выброшено 200 метров пятидюймовых труб и пикообразное долото.

Но эту аварию встретили радостно. Потому что из устья скважины ударил газовый фонтан. Люди ликовали. Высота фонтана достигла 50 метров. Значит, много газа! Потом подсчитали — до миллиона кубометров в сутки. Значит, месторождение. Богатое месторождение.

Его рев слышен был на десятках верст окрест. Гул с берега речки Вогулки донесся до Москвы.

Собственно, еще в январе 1948 года министр геологии СССР И. И. Малышев издал приказ об организации в Тюмени нефтеразведочной экспедиции. Была пробурена опорная скважина на окраине города, рядом с кладбищем. Но она дала только минерализованную воду со значительным количеством растворенного в ней болотного газа метана.

В то время представления о строении Западно-Сибирской низ-

менности все еще базировались на догадках. А перспективы открытий связывались прежде всего с южными районами, с «культурной полосой» региона. Заманчиво, конечно, было найти нефть там: и дороги есть, и удобства...

Работы на Севере проводились без особой надежды на успех. Упор на юг привел к тому, что Министерство нефтяной промышленности в 1953 году начало свертывать поиск в высоких широтах. И если бы не березовский фонтан...

В принципе его можно представить как конечное звено цепи случайностей. Эта опорная скважина должна была буриться не в Березове, а на Казыме, правом притоке Оби. Но летом речка обмелела, а маломерного флота, чтобы доставить оборудование на Казымскую культузу, у Тюменской экспедиции не было. Остановились на Березове. Далее еще одна случайность. Начальник партии А. Г. Быстрицкий выбрал место для бурения, где удобнее было принимать оборудование, — транспорт у партии был весьма слабосилен. За перенос места он получил выговор. Кстати, если бы пробурили опорную по плану, она дала бы только воду — точка оказалась за пределами месторождения.

Но фонтан поставил почти все на свои места.

**Открытие века!** Эти слова принадлежат блистательному советскому ученому и организатору науки М. В. Келдышу.

Но вначале была Р-6.

Летом 1959 года начальник геологического управления Юрий Георгиевич Эрвье вызвал в Тюмень бурового мастера, или еще, как говорили тогда, начальника буровой, Семена Никитича Урусова, предложил ему ехать на Север: «Сейсморазведка обнаружила перспективные структуры в верховьях Конды. А ваша бригада — одна из лучших в управлении».

Поехали вдесятером. Палатку

поставили, общую, брезентовую. Река, высоченные сосны, паут да комар...

Забурились. Скважина — Р-2. Глубина проектная 1405 метров. Прошли. Начались испытания. И вдруг какие-то пузырьки — черные, блестящие. И все больше, больше. А потом целый ручеек.

И Семен не выдержал. Закричал что есть духу:

— Нефть! Нефть!

Геолог Завьялов запрыгал, заплясал... Потом в пригоршню набрал, вымазал лицо и говорит:

— Мажьтесь, ребята, удача будет. Обычай такой.

«Тюменская правда» 4 октября 1959 года писала:

«Суточный дебит... свыше одной тонны легкой нефти».

Ах как мало. Нефть, конечно, это. И... не нефть еще.

Р-7 прошли на одном дыхании. Управление докладывало в обком партии: «Из скважины Р-7 Мульминской площади 25 апреля 1960 года впервые в Тюменской области получена промышленная нефть. Суточный дебит нефти составляет 10—12 тонн».

Нет, это еще не «открытие века». Но близко...

Р-6 была почти на берегу Конды. Забурились после Р-7, не мешкая, уже в мае.

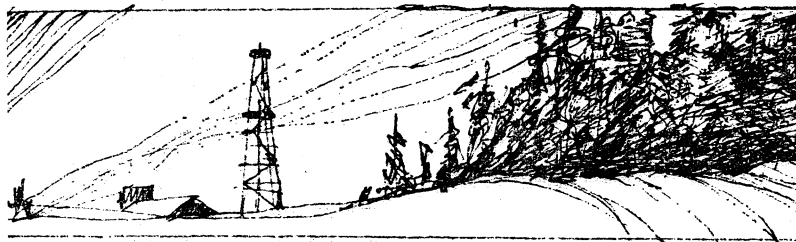
Долото идет все глубже, глубже... Дошли до проектной — 1523 метра — за 18 дней. Начали свое дело испытатели. Долго что-то, долго...

И вдруг — шум какой-то. Фонтан!

Каждый тюмонец должен знать эту дату: 21 июня 1960 года.

Начальник экспедиции М. В. Шалавин передал в Тюмень радиogramму, в которой были непонятные слова — «ики юз али-уч юз». Он нефтяник, Михаил Владимирович, а какой нефтяник не знал тогда азербайджанского. Но зачем конспирация? А чтоб не пугать цифрами. Ведь означало это: дебит 250—300 тонн в сутки!

С этого и началось открытие века!



<sup>1</sup> А. К. Шиленко — управляющий трестом Тюменьнефтегеология, Г. Д. Сурков — начальник Березовской буровой партии.

# ОДНОЗВУЧНО ГРЕМИТ КОЛОКОЛЬЧИК...

Владимир ЕФРЕМОВ



Через 15 лет после основания первого русского города Сибири в нем был устроен ям (место, где меняли лошадей) с пятьюдесятью ямщиками, присланными из европейской России. Вначале ямщиков поселили в самом остроге, но они обратились в Москву с челобитной, прося разрешения поставить свои дворы рядом с отведенными им пашней и покосами, которые находились за речкой Тюменкой. В 1605 году такое разрешение было получено, в Тюмени возникла первая в Сибири Ямская слобода в 26 дворов.

В 20-х годах XVII века правительство вдвое уменьшило жалованье и совсем отказалось давать хлеб ямщикам, мотивируя решение тем, что они сами получают много зерна со своих пашен. Результат не замедлил сказаться — ямщики стали разбегаться. К 1622 году оставшиеся ямщики совсем обнищали и были обращены в папешных крестьян. Ямская гоньба была возложена на инородцев из Тюменского уезда. Однако «татарская гоньба» не оправдала себя, и в 1630 году русский ям был восстановлен. На этот раз распоряжение гласило:

«Прибрать на Тюмени в новые ямские охотники из посадских, из оставленных ямщиков, из захребетных и прихожих гулящих людей».

Охотников оказалось мало, тогда воевода велел писать в ямщики насильно.

Ямщики получили ряд льгот, и число их стало расти год от года. К 1630 году в Тюмени ям состоял из 88 дворов, в которых проживало 171 человек с детьми и братией. Из «гонимых книг 1633 года» явствует, что тюменский ям предоставлял для перевозки служилых людей, колодников, сборщиков ясака, а также пушнины, хлеба и других товаров «1476 подвод по всем дорогам сухим и водным путем».

В 1741 году в Тюмени, кроме общественных зданий, насчитывалось 500 других дворов, а в Ямской слободе — 247 дворов.

В 1750 году в Тюмени проживало 1710 человек, из них 700 были ямщиками.

Ямщики кроме гоньбы, то есть перевозки пассажиров, занимались извозом, то есть перевозкой товаров, а также дворничеством — содержанием постоянных дворов, где можно было поесть, получить ночлег, купить овса и сена для лошадей.

Ямская слобода с ее обитателями давала работу и помогала кормиться многим ремесленникам и крестьянам Тюмени и уезда. Десятки кожевенных и шорных мастеровских, кузниц работали на ямщиков. Много дел было и у мастеров по дереву: коробки и повозки, сани и телеги.

Невозможно представить русскую тройку без поддужных колокольчиков. В «Дозорной книге» за 1700 год говорится о родоначальнике колокольного дела в Тюмени: «У него (Ивана Колокольникова) дети: Андреян, Елизар, Федька, Гришка, Васька, Савка. Промышляет он, Иван с детьми, льет колокола и продает. Которые разбитые, переливает... и делает на продажу всякую мелочь и оловянную посуду».

Очевидно, Колокольниковы же занимались и литьем дорожных колокольчиков, так как никто другой в городе не держал такого промысла.

Позднее историк И. Завалишин отмечал: «Что Валдай для России, то Тюмень для Сибири — мать всех колокольцев. Здесь на каждую почтовую дугу привязывают по два колокольца, всегда подобранные в тон, и поют они согласно свою немолчную песню».

В Тюмени отливались так называемые сибирские парные колокольчики. Большой колокольчик пары обладал более низким звучанием и назывался «мужигом», а меньший — «бабой». Они были созвучны друг другу. Вначале их отливали без надписей. Первый известный датированный колокольчик Тюмени отмечен 1807 годом. Так, на одном из них начертано: «Лит в Тюмени 1820 год Прок. Гилев», на другом: «Купи не скупись, езжай веселись», на третьем: «На память тму. хто купит. Тюмень 1837 год».



В XIX — начале XX столетия колокола и колокольчики выпускались на заводах братьев Шмотиных, Гилевых, Котельникова.

«Лошади крупной рысью, дружно несутся вперед, мотая головами и похрапывая. Колокольчик под дугой гудит переливами тонов и замирает, теряясь в морозном, тихом воздухе. Ямщик встрепенется: ловким жестом головы сдвинет шапку набекрень и крикнет ласково на тройку:

— Эй вы, родимые!

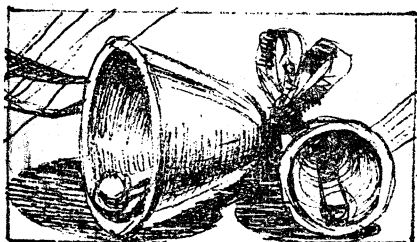
И затынет одну из тех песен русского народа, как бы вторя окружающему, которая сладко и в то же время до болезненности жутко отдается в душе вашей».

Прочитаешь этот отрывок из книги Н. Чукмалдина — уроженца деревни Кулаково, что близ Тюмени, впоследствии крупного предпринимателя, миллионера и мецената — «Мои воспоминания», и зазвучит отсылавшая в недрах нашей памяти тоскливая песня ямщика:

Однозвучно гремит колокольчик,  
И поэмка дымится слегка,  
И уныло по снежному полю  
Разливается песнь ямщика...

Кто знает, может быть, написана она в Тюмени, ведь ее автор, Иван Иванович Макаров, еще будучи ребенком, ездил с отцом по делам в Ирбит, Екатеринбург, Уфу и другие города и села до Тюмени. После того как отец замерз в пути он уже сам неоднократно свершал эти поездки. В 1843 году Ивана Макарова за сочинительство стихов сдают в солдаты, затем приписывают ямщиком пермской конвойной роты. Он сопровождает конвой заключенных до Тюмени. Вот на этом тысячекилометровом пути, наверное, и родилась бессмертная песня — «Однозвучно гремит колокольчик».

...Им по 100 и более лет, они постарели и потемнели, но только тронь колоколец — услышишь залихватистые трели, увидишь русскую тройку и удалого ямщика — то, что так давно минуло, но до сих пор дорого нашему сердцу...



## ТЮМЕНСКИЕ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛИ

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Сегодняшнюю Тюменщину невозможно представить без самолетов или вертолетов, они прочно вошли в повседневную жизнь геологов и нефтяников, рыбаков и охотников, лесорубов.

Тюменское управление гражданской авиации выполняет теперь шестую часть грузоперевозок Аэрофлота страны.

Первым, у кого возникла мысль совершить полет по воздуху в Сибири, был некий Федор Мелес «...рождением малороссийский... местечка Золотоноши». В 1749 году он был пострижен и стал иноком Софийского монастыря, затем, благодаря пылливому уму, был определен для обучения «школьной латинской науке» в Московскую академию. Получив чин иеромонаха, был послан в Гольштицию, «во дворец государев и был в оном года с три».

Вскоре, однако, Федор Мелес снял с себя монашескую рясу, и это не прошло для него безнаказанно. По указу императрицы святейший Синод приказал: «...послать скवानо под караулом в Успенский Далматов монастырь, в коем и содержать его, Мелеса, под крепчайшим присмотром и караулом, чтобы он утечки и никаких непристойностей и дерзостей не чинил».

Восемь лет Мелес провел в ссылке, пытался бежать, но вновь — плети, сырые подвалы.

В 1762 году у Мелеса возникает мысль о полете с помощью крыльев. Разбив ножные кандалы, он бежал, захватив с собой нож, шесть хлебных мешков вместо холста, веревку. Двое суток на одном из островов Тобола с помощью таловых прутьев «делал себе для летания из унесенных мешков крылья». Вскоре они были готовы, но Федор обморозил себе руки и пришел расказать обо всем губернатору.

Началось следствие, допросы. Выяснилось, что на сделанных крыльях, при помощи попугая ветра, он навещал бы не только родные места, но и «царствующий город Москву и прочие великорусские города». Судьи пытались выяснить: где бы он ночевал и питался во время полетов, кто научил его такому способу летания?

Мелес отвечал:

«Зделанный им к летанию способ кому будет он показывать, и за

то видящие имеют его Мелеса охотно принимать и как ночлегом, так и пищею во всем не оставлять. Ко оному летанию такую практику знающих и летающих других никого нигде не видел и не знает и ни от кого не слышал, а оный к летанию способ употребить вознамерился он Мелес со своего рассуждения по науке философической».

Наказание за попытку летать с помощью крыльев было тяжелым: «...в пяток всякия недели по сорок ударов плетью или лозами отсчитывать ему, вместо поклонений земных, которых он нести не охотник».

Огромный вклад в дело развития воздухоплавания и метеорологии внес великий русский ученый, уроженец Тобольска Д. И. Менделеев. В 1887 году пятидесятилетный ученый принял участие в наблюдении солнечного затмения в Московской губернии. «Не надеясь увидеть корону Солнца на Земле, он решил взлететь на воздушном шаре выше облаков...»

Перед полетом Д. И. Менделеев сказал профессору физики Е. А. Роговскому: «Я не боюсь летать, а боюсь того, что при спуске мужики примут меня за черта и убьют».

Шар поднялся. За полчаса ученый достиг высоты 3500 метров. Пролетев 2 часа 20 минут, аэростат благополучно приземлился в Тверской губернии.

В 1897 году псковский аэронавт Соломон Август Андрэ вылетел на воздушном шаре «Орел» «открывать Северный полюс» и пропал в безбрежных просторах Сибири. Томский земский начальник получил тогда такую телеграмму: «В пределах Енисейского округа виден был арестант Андрей. В случае появления телеграфируйте, окажите содействие». Так аэронавт стал арестантом. В дальнейшем же «из шара вышел газ, и он стал спускаться на Ямал. Собравшиеся самоседы начали палить из ружей по шару и убили Андрэ и его спутников».

Первый самолет тюменцы увидели в десятых годах XX столетия. Это был аэроплан «Блерио». Свое искусство на нем показывал один из выдающихся русских пилотов Александр Алексеевич Васильев. Полеты проходили на Тюменском аэродроме.

# Кого рисовал А.С. ПУШКИН?

Галина ПАШНИНА

## АВТОПОРТРЕТЫ ПОЭТА

«Он рисовал себя часто и внимательно. Он выработал себе особый навык в автопортретах... Он воспроизводил, менял, перестраивал свой облик настойчиво и зорко. Если вытянуть в ряд серию его автопортретов — перед нами пройдет то, чем он был, и то, чем он мог бы быть, и то, чем он быть не мог. Это — вторая, им самим придуманная биография, и притом в нескольких вариантах. Она начинается иллюстрацией положения, что он видом — «истинная обезьяна», «арап»: он набросал профиль чернокожего человека, обезьяньего существа с пушкинским профилем и пушкинскими бачками. За ним следует ряд других фантастических «Пушкиных»: он изображает себя на одном листе старым и лысым, на другом — юношей последних десятилетий XVIII века, или наголо остриженным «молодцем», или — как в черновиках «Странника» — оплывшим блаженным, юродивым. Он примеривает свои черты к Вольтеру, Робеспьеру, к героям собственных поэм и повестей либо вообще к какому-то иному, исправленному, более привлекательному Пушкину. Он пробует себя на все лады: с бакками и без бак, бородастым и безбородым, с изогнутым и выпрямленным носом, с выпяченными и поджатыми губами и т. д.

Он рисует себя в разных полукэзотических состояниях: франтом, брюзгой, помещиком, путешественником, военным и т. п... Но чаще всего и пристальнее всего он занят собою таким, каков есть. Он любит себя и усмехается, жалеет и кривится. В этих обычных автопортретах он особенно лаконичен и быстр».

Такими словами старейший пушкинист А. М. Эфрос обобщил серию пушкинских автопортретов, созданных поэтом. Особенно любил А. М. Эфрос свою книгу «Автопортреты Пушкина», в которой он описал подробно 55 автопортретов поэта и еще о пяти упомянул. Таким образом, в поле зрения ученого ока-

зались 60 самоизображений Пушкина.

Каждый автопортрет у Эфроса занумерован. Время, конечно, внесло свои, хотя и небольшие, коррективы в работу Эфроса, которая вышла более пятидесяти лет назад. Ну, например, самый первый автопортрет Пушкина, относящийся к лицейскому периоду его жизни, имеющий в книге А. М. Эфроса номер один, другой знаток рисунков поэта, Т. Г. Цявловская, не посчитала принадлежащим перу поэта.

Далее: автопортрет, имеющий у Эфроса номер четырнадцать, определяется им так: «№ 834, л. 34 об., начало ноября 1823. Одесса», а Т. Г. Цявловская присваивает этому листу с рисунками поэта другой шифр: «835, л. 41, ноябрь — декабрь 1824. Михайловское». Автопортреты поэта, имеющие у Эфроса номера 15—16—17 (они рисованы на одном листе), имеют две разные даты: «№ 834, л. 36, ноябрь 1823. Одесса» и «сентябрь 1824. Михайловское».

Далее: автопортрет под № 32, где Пушкин изобразил портрет Амалии Ризнич и якобы себя на коне, на мой взгляд, не имеет ни одной пушкинской черты. Автопортрет № 48 (в женском парике) является в действительности портретом его родной сестры, Ольги Сергеевны Павлицевой.

Пушкин любил всевозможные мистификации, и вот почему с таким удивлением и любопытством рассматриваем мы его автопортреты: в женских прическах, с голым черепом, в виде античного героя в лавровом венке, «робеспьеризованного» Пушкина, которому поэт придал черты Максимилиана Робеспьера, стриженного под горшок русского юношу, благообразного почтенного старика и тому подобное. Зачастую он делал из себя шаржи и карикатуры.

Многу найдены еще шесть автопортретов и автопрофилей Пушкина. Хронологически они расположились следующим образом: май—июнь 1823. Кишинев (два автопортрета); конец октября 1823, Одесса; июль 1824, Михайловское; осень 1828, Малинники (?), Павловское (?),



Рис. 1.



Рис. 2.





с чуть приподнятым кончиком, удлиненный овал лица.

Именно по этим признакам и были предприняты мною поиски портретов Екатерины Бакуниной среди рисунков-портретов, исполненных рукой Пушкина. Уместно было вести поиск в лицейских тетрадах поэта, кроме того, подверглись рассмотрению репродукции рисунков поэта 1817—1821 годов.

Внимание привлек рисунок Пушкина 1819 года (см. рисунок № 1), рисованный в тетради № 2364 на обороте листа 56-го. Он изображает две женских головки в чепцах, расположенные одна под другой.

Когда-то А. М. Эфрос по поводу этого рисунка заметил: «Портретный характер изображения, его место на особой странице, внимание к его чертам ставит иконографическую проблему с большей настойчивостью, чем в обычных случаях...»

Ученый предположил, что поэт мог бы зарисовать здесь кого-то из петербургских прелестниц той поры: Надежду Форст, Марию Смит или Одэгу Массон, подружек молодых людей, посещавших кружок «Зеленая лампа».

Внимательное знакомство с этим рисунком и сопоставление изображенных на нем двух женских лиц с документальными портретами дали возможность разгадать, кого именно зарисовал Пушкин. Это оказались: актриса А. М. Колосова (верхний портрет) и Екатерина Павловна Бакунина — нижний портрет. Для атрибуции второго портрета были привлечены: документальные изображения Бакуниной работы П. Ф. Соколова (рисунок 1816 года), Ореста Кипренского (1811—1813 гг.) и П. Ф. Соколова же — 1828 года. Сходство оказалось безусловным и атрибуция — бесспорной.

На рисунке Пушкина — те самые черты, что отмечались во внешности Бакуниной (см. рисунок № 1), а при взгляде на рисунок П. Ф. Соколова 1816 года (см. рисунок № 2) мы видим, что ничто не противоречит рисунку поэта, а наоборот, дополняет его: высокий чистый лоб с кудельками, поднятые с изломом короткие брови, миндалевидные, широко поставленные глаза, прямой чуть курносый носик и особенно характерные высоко поднятые уголки губ маленького рта.

Дальнейший тщательный поиск привел также к удаче: чудесный профиль Е. П. Бакуниной найден мною еще на одном листе пушкин-



Рис. 1.



Рис. 2.

ской рукописи, уже одесского периода, где она рисована слева, у края листа, вместе с портретами Мирабо, Наполеона, М. С. Воронцова (моя атрибуция), «робеспьеризованного» Пушкина (автопортрет), Данте и Ф. Ф. Вигеля (последний был кишиневским знакомым поэта).

Рисунок № 3 — портрет Бакуниной работы О. Кипренского.

Рисунок № 4 — рисунок А. С. Пушкина, где найден мною профиль Е. П. Бакуниной (слева, у края листа, с кудельками над лбом).



Рис. 3.

Рис. 4.







Рис. 1.

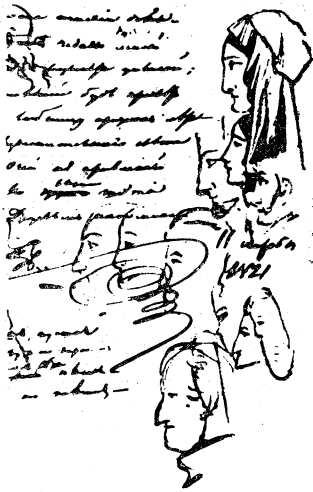


Рис. 2.



Рис. 3.

## ЕКАТЕРИНА ИПСИЛАНТИ

Более двухсот лиц так или иначе общались с А. С. Пушкиным во время пребывания его в Кишиневе. Многих из них изобразил он в своих рисунках, набросках, эскизах, но немногие из них узнаны исследователями. Эти лица зачастую невозможно узнать, так как история не оставила нам их документальных портретов. Но ведь можно распознать их по сохранившимся описаниям современников, по стечению определенных обстоятельств, по хронологическим датам, по упоминаниям в произведениях поэта и тому подобное... Такой метод предлагал первый исследователь рисунков Пушкина А. М. Эфрос. Однако были такие современники Пушкина, о внешности которых не сохранилось даже и воспоминаний. И иные современники поэта так никогда и не смогут быть узнаваемыми в его рисунках...

Пребывание на юге России оказалось плодотворным для поэта. Именно здесь создал он множество прекрасных произведений. Роскошная природа, люди многих национальностей, их нравы и обычаи, образ жизни, своеобразные одежды, предания и легенды — все нашло отражение и в творчестве и в графике поэта. Будучи в Кишиневе, Пушкин стал свидетелем начала и поражения греческого национально-освободительного движения против турецкого ига, известного в истории под названием Филики Этерии. Участников этого движения стали называть этеристами, или гетеристами.

Это движение возглавил князь Александр Константинович Ипсиланти, бывший одно время при дворе русского императора Александра I. Участник Отечественной войны 1812 года, А. Ипсиланти был тяжело ранен — потерял в сражениях руку. Род Ипсиланти был известным в Греции и в Молдавии.

А. С. Пушкин был лично знаком с А. К. Ипсиланти и его братьями — Николаем и Георгием. Движение греков за свою свободу нашло отражение в произведениях Пушкина, также как и личности некоторых греческих, молдавских и валашских бояр, наместников, военных и даже... женщин и гайдуков (разбойников).

Не вина, а беда А. Ипсиланти в том, что восстание потерпело поражение. Сам А. Ипсиланти искренне верил в то, что Россия придет на помощь восставшим грекам. Но правительство Александра I, прекрасно понимая, что цель восста-

ния — борьба за свободу, издало приказ: выявлять и задерживать участников Этерии. Ни о какой помощи восставшим не могло быть и речи.

Филика Этерия была разгромлена, хотя еще долго в отдельных районах восставшие стойко сопротивлялись, как, например, отряд Иордаки, сражавшийся до последнего человека.

Пушкин изобразил А. Ипсиланти не один раз на страницах своих рукописей, поэтому мы хорошо представляем себе его внешность. Сохранился и документальный его портрет. Это был типичный представитель своей нации: черноволос, с крупным носом, выпуклыми глазами, с набрякшими веками, немного прикрывающими зрачки. Облик Ипсиланти изображен поэтом весьма характерно и узнаваем без труда (см. рисунок № 1 и рисунок № 2).

Много участников восстания зарисовано на полях черновиков рукописей Пушкина. Иные из них так и названы исследователями условно «типами молдаван», «этеристами».

Пушкин зарисовал и множество женщин. Ряд из них узнан: Каллипо Полихрони, гречанка, приятельница поэта, сестры Ралли, Пульхерия Варфоломей, ее мать...

Среди женских образов поражает законченностью и тщательностью исполнения портрет женщины южного типа. На этот портрет обратила внимание еще Т. Г. Цявловская.

Одно из первых изображений находится на черновом листе пушкинской рукописи, датированной поэтом 11 апреля 1821 года. (Обратите внимание на эту дату.) Вверху справа от текста расположен портрет нашей незнакомки. У нее строгое лицо с грубоватыми чертами: нет изгиба при переходе ото лба к носу, нос крупный, чуть вислый, небольшое расстояние от носа до верхней губы, маленький рот, чуть выступающий подбородок. Характерна форма глаз — они нависают, большие, с нависающими верхними веками. Гладкая прическа. На голове декоративная накладка, очевидно, это национальный головной убор. В конце текста среди трех профилей в центре — снова профиль той же женщины. Эти три профиля как раз попали под завитушку-росчерк, которой Пушкин так любил украшать свои рукописи.

Из лиц, атрибутированных на этом листе, — прекрасный портрет К. А. Катакази, бессарабского граж-



Рис. 4.

данского губернатора (он — слева и не попал в размер репродукции). Мною же отмечен на этом листе еще один его портрет-эскиз, расположенный внизу, справа. Заметно, как поэт искал правильные линии его профиля. (См. рисунок № 2)

Второй портрет этой женщины находится на листе, датированном маем 1821 года. (Обратите внимание и на эту дату.) Ее прекрасный профиль расположен в центре между тремя неизвестными мужскими профилями. Черты лица те же, лишь на голове ее теперь завязана косынка, концы которой сходятся в узел наверху, на лбу. (Рисунок № 3.)

Третий ее портрет (датируется лист рукописи приблизительно 1822 годом, но я думаю, что эта зарисовка сделана значительно раньше) изображает ее в такой же косынке на голове и в душегрейке. Вверху, справа, зарисована Калипсо Полихрони — ее портрет почти весь заштрихован косыми линиями. (См. рисунок № 4.)

Лицо нашей знакомки удивительно кого-то напоминает. Кого? Оно напоминает профиль... А. К. Ипсиланти! В этом нетрудно убедиться, если взглянуть на репродукции пушкинских рисунков, изображающих портрет вождя Филки Этери. Буквально во всем сходны профили нашей знакомки и Александра Ипсиланти! Добавьте к этому даты, которыми означены рисунки поэта, и станет ясно, что рисунки были сделаны как раз в самый разгар греческого восстания за свободу — с апреля по май 1821 года. Такое удивительное сходство во внешности может означать, что изображенная женщина приходилась какой-то близкой родственницей А. Ипсиланти. Может

быть — мать? Нет, по возрасту не подходит. Может быть — дочь? Также не соответствует по возрасту. Тогда это его сестра, и непременно родная сестра!

Таким образом, анализируя рисунки Пушкина, изображающих внешность А. Ипсиланти и внешность неизвестной женщины, мы наглядно убеждаемся в том, что и он и она были близкими по родству людьми.

В каталоге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» находим Катакази Константина Антоновича и среди прочих сведений о нем читаем, что супруга его, Екатерина Константиновна, была — представьте себе — урожденная Ипсиланти! Вот и отчество сходится — Константиновна! А. Ипсиланти был по отчеству также Константинович. Тогда сомнений быть не может: портрет нашей знакомки — это изображение родной сестры А. К. Ипсиланти Екатерины Константиновны, жены губернатора К. А. Катакази. Мужа и жену Пушкин изобразил на одном листе.

Теперь обратимся к другому рисунку Пушкина. (См. рисунок № 3.) Здесь Екатерина Константиновна изображена среди трех мужских голов. Слева и справа от нее зарисованы два прекрасных портрета — это мужчины в своеобразных головных уборах, возможно, такой была форма этеристов? Профиль левого напоминает профиль Екатерины Константиновны: лоб, нос, глаза, подбородок — все такое же. А у правого — похожи только глаза. Делаем предположение: а не родные ли это братья Александра и Екатерины Ипсиланти — Николай и Георгий? Что ж, это вполне может быть. Недаром же Екатерина Константиновна зарисована в центре, среди этих двух мужчин. Несомненно, она разделяла цели и намерения своих трех братьев и цели восстания — борьбу за свободу и независимость греков.

Такой долгий путь лежал к простым рисункам А. С. Пушкина, изображавшим неизвестную женщину. Однако труд увенчан успехом: поэт зарисовал вполне определенное лицо — Екатерину Константиновну Ипсиланти-Катакази.

Атрибуция пушкинских рисунков — шести автопортретов, двух изображений Е. П. Бакуниной и трех Е. К. Катакази — произведена автором этой публикации Галиной Викторной Пашниной впервые.

## Бестселлер прошлого века

Собрание редких книг костромского библиофила Вячеслава Иванова пополнила найденная на чердаке предназначенного на слом старого дома «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе».

Современный читатель о «Милорде Георге», герое книги писателя Матвея Комарова, знает только по стихам Некрасова: «...когда мужик не Блюхера и не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесет».

А было время, когда сия слезливая повесть была самой популярной книгой русского мещанина. Ни один писатель прошлого не мог соперничать с Комаровым по числу переизданий своих произведений. «Милорд Георг», впервые напечатанный в 1782 году, почти ежегодно переиздавался, вплоть до 1918 года!

О самом авторе известно очень мало. По всей вероятности это был дворовый человек какого-то московского барина. Выучившись грамоте, Матвей стал записывать бытовавшие в среде простолюдинов рассказы о мошеннике и воре Ваньке-Каине, о благородном милорде и других легендарных персонажах городского фольклора.

Невысказательный грамотей о лучшем чтive и мечтать не мог. Авантюрные романы М. Комарова о Ваньке-Каине, о милорде Георге стали подлинными бестселлерами прошлого века. Они в полном смысле слова зачитывались до дыр, и потому до наших дней дожили только единичные экземпляры, ставшие библиографической редкостью.

В. ПАШИН



Алексей МОСИН

Рисунки Н. Павлова

# ПОЧЕМУ — АТОС, ПОРТОС И АРАМИС?

Атос, Портос, Арамис... Кому не знакомы имена главных героев романа Александра Дюма «Три мушкетера»? Читатели давно перестали удивляться их необычному звучанию. Но до сих пор все издания книги открывают «Предисловие автора», где устанавливается, что в героях повести, которую мы будем иметь честь рассказать нашим читателям, нет ничего мифологического, хотя имена их оканчиваются на -ос и -ис.

Оправдывая странные имена своих героев, Дюма ссылался на якобы найденную им рукопись графа де Ла Фер. На самом деле он пользовался совсем другими источниками. Один из них — «Мемуары сеньора д'Артаньяна, капитана первой роты королевских мушкетеров, содержащие описание некоторых тайных и занимательных событий, происшедших в царствование Людовика Великого», написанные Кургилом де Сандра и опубликованные в Голландии в начале XVIII века.

Александр Дюма был убежден, что Атос, Портос и Арамис — псевдонимы, придуманные де Сандра с целью скрыть громкие имена представителей знатных дворянских родов Франции. Со временем историки и литературоведы установили, что среди королевских мушкетеров действительно были Арман де Силлег д'Атос — представитель получившей дворянство купеческой семьи, прибывшей скорее всего из Греции, а также Исаак де Порто и Апри д'Арамиц.

Биографические сведения об этих прототипах литературных персонажей крайне скудны, порой противоречивы, а об их характерах, человеческих слабостях и достоинствах можно было лишь догадываться. Своей второй жизнью они обязаны исключительно фантазии Дюма. Почему же выбор романиста пал именно на эти

имена и зачем понадобилось снабжать их «экзотическими» окончаниями -ос и -ис?

Пытаясь ответить на эти вопросы, воспользуемся «подсказкой» самого Дюма. Для этого откроем 13-ю главу «Трех мушкетеров» в том месте, где описывается допрос в Бастилии галантерейщика Бонасье и Атоса, арестованного по ошибке вместо д'Артаньяна.

— Введите господина д'Артаньяна! — приказал комиссар, обращаясь к караульным.

Караульные ввели Атоса.

— Господин д'Артаньян, — произнес комиссар, обращаясь к Атосу, — расскажите, что произошло между вами и этим господином.

— Но это вовсе не господин д'Артаньян! — вскричал Бонасье.

— Как не господин д'Артаньян? — в свою очередь закричал комиссар.

— Ну, конечно, нет! — сказал Бонасье.

— Как же зовут этого господина? — спросил комиссар.

— Не могу вам сказать: я с ним не знаком.

— Вы с ним не знакомы?

— Нет.

— Вы никогда его не видели?

— Видел, но не знаю, как его зовут.

— Ваше имя? — спросил комиссар.

— Атос, — ответил мушкетер.

— Но ведь это не человеческое имя, это название какой-нибудь горы! — воскликнул несчастный комиссар, начинавший терять голову.

— Это мое имя,— спокойно сказал Атос.

Кто же из двоих прав — мушкетер или комиссар полиции? И почему из всех возможных географических объектов допрашивавшему Атоса комиссару сразу пришла в голову именно гора?

Сознаемся, что на сей раз благородный друг д'Артаньяна слухавил. Атос — действительно гора в Северной Греции, на полуострове Агион-Орос (что в переводе с греческого означает «Святая гора»), ее высота — 2033 метра над уровнем моря.

На Руси о горе Атос хорошо знали уже в XI веке. Многочисленные православные монастыри «святой горы» (в том числе русские) сыграли важную роль в приобщении Древней Руси к богатой культуре Византии. Именно отсюда прибыли в Москву в начале XVI столетия Максим Грек. Именно отсюда в середине XVII века Арсений Суханов привез старинные рукописи, предназначенные для сличения и исправления по ним русских богослужебных книг при патриархе Никоне. Наконец, именно сюда Академия наук СССР планирует послать научную экспедицию с целью ознакомления с книжными сокровищами чудесной горы, — кто знает, какие открытия ждут ученых в библиотеках, сохранивших до наших дней около 10 000 древних манускриптов!

Словом, Атос — это Афон. Греческое «Афос» читалось на Руси в соответствии с византийской традицией — буква «тэта» («фита») произносилась как «ф», сохранялась и морфологическая основа, что давало «Афон». В западноевропейские языки слово пришло через латынь. («Атос», во французском произношении ударение на последнем слове).

Интересно, что сведения об Афоне есть еще в трудах историков Древней Греции — Геродота, Фукидида, Плутарха. Античные авторы сообщают, что в 480 году до н. э. персидский царь Ксеркс велел прорыть канал через перешеек в северной части горы-полуострова. Первые кельи монахов появились на Афоне, очевидно, еще в эпоху раннего средневековья, позднее были построены многочисленные монастыри. Первый русский монастырь, Пантелеймонов, основан в 1080 году.

Накануне первой мировой войны в 20 монастырях, 12 скитах и многих сотнях отдельных келий Афона размещалось около 15 000 монахов. Правила общежития «святой горы» известны своей строгостью. Ничто на Афоне не напоминает о мирской жизни, там нет ни городов, ни деревень, садоводством и ремеслами занимаются сами монахи. Женщинам доступ на гору строго запрещен.

Общими делами монастырей ведает синаксис — орган управления, куда входят представители всех монастырей. Формально Афон подчиняется константинопольскому патриарху, но влияние его на внутренние дела монастырей минимально, почти все важные вопросы решаются в рамках самоуправления.

Природно-климатические условия на полуострове чрезвычайно благоприятны. Вот что в начале нашего столетия сообщал об этом своим читателям энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона:

«Почти вся гора, за исключением южного пика и прилегающих к нему скал, покрыта роскошной растительностью; здесь произрастают фруктовые деревья: лимоны, апельсины, груши, орехи и каштаны; насажены виноградники, доставляющие афонской братии прекрасные вина. Особенно хорошо возделан восточный склон Афона. Горные ручейки снабжают обитателей Афона свежей водой. Морской ветер умеряет летний зной. Снег выпадает редко и держится весьма недолго. Птиц на Афоне мало; зверей почти нет. На горизонте вершины высоких гор, с Олимпом во главе. Широких дорог для экипажей на Афоне нет, но почти повсюду проло-

жены многочисленные тропинки, по которым совершается передвижение на мулах».

Вот ведь какая странная получается картина: подлинным прообразом Атоса оказывается не столько реальный мушкетер, живший под этим именем в XVII столетии, сколько гора. Разве не унаследовал Атос-мушкетер некоторые черты «характера» Атоса-горы?

Монахи Афона ведут аскетический образ жизни — вспомним описание обстановки квартиры Атоса, его пренебрежение к деньгам, славе и прочей мирской суете. На гору не допускают женщин — отношение мушкетера к представительницам прекрасного пола можно определить как смесь равнодушия и презрения. Хорошее вино — предмет гордости афонских монахов и едва ли не единственная слабость благородного Атоса.

Но особое сходство портретам горы и человека придает их отношение к окружающему миру. Уход в монастырь означал гражданскую смерть человека, что символизировалось в принятии им нового имени. Граф де Ла Фер умер для всех, кто его знал, чтобы воскреснуть под новым именем.

Атос — ключевая фигура в романе. Старший по возрасту и жизненному опыту, недаром он всегда — первое звено в цепочке неразлучных друзей: Атос, Портос, Арамис. Видимо, он и появился первым из этой тройцы, а двое других были подобраны ему «в тон». Греческое «происхождение» Атоса определило и форму имени его товарищей, так появились окончания -ос и -ис. Но только ли окончания?

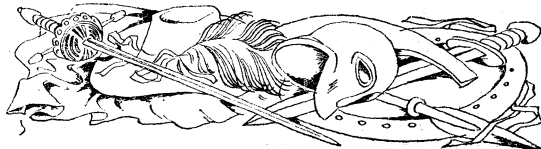
В древнегреческом языке глагол «порфео» означает «разрушаю», «опустошаю», «осаждаю». Это как нельзя лучше соответствует воинственному характеру Портоса, которого д'Артаньян не случайно сравнил с одним из героев Троянской войны — Аяксом Теламонидом.

Об Арамисе многое поведают два других греческих слова: существительное «ара» («мольба», «молитва») и прилагательное «арайос» («тонкий», «нежный», «слабый»).

Можно предположить, что Дюма подбирал имена мушкетеров к уже готовым в общих чертах портретам. Но более вероятно другое: имена Армана д'Атоса, Исаака де Порто и Анри д'Арамица, получившие по примеру первого из них греческое звучание и в связи с этим пересмысленные как значащие, «говорящие», определили многие стороны характера носящих их литературных героев.

Если в отношении Портоса и Арамиса можно еще предполагать и сомневаться, то с Атосом все ясно. Для читающего роман на языке оригинала его имя звучит так же однозначно, как для русского читателя звучало бы, к примеру, имя Казбек. На это «узнавание» и рассчитывал автор.

А как быть в русском переводе? Во-первых, этимология имени Атос должна быть объяснена в комментариях, почти всегда сопровождающих текст «Трех мушкетеров». Во-вторых, в самом тексте романа необходимо убрать два слова, отсутствующие у Дюма. И тогда мы наконец в полной мере сможем оценить эрудированность комиссара полиции, который на самом деле ничего не напутал: «Но ведь это не человеческое имя, это название горы!» Да, именно горы, и не «какой-нибудь горы», а совершенно определенной, высшейшей и поныне на полуострове Агион-Орос в Северной Греции.







**Николай СЕМЧЕНКО**

*Рисунок Е. Таршис*

«...Я почувствовал сильную боль в плече. Схватив рукой больное место, я поймал какое-то крупное насекомое. Оно тотчас ужалило меня в руку. Тут только я заметил на кусте бузины рядом с собой большое гнездо шершней. Я бросился бежать и стал ругаться. Несколько насекомых погналось за мной следом.

— Погоди, капитан,— сказал Дерсу... Он побежал... в лес, нарвал какой-то травы и, растерев ее на лезвии топора, приложил мне на больные места, а сверху прикрыл кусочками мягкой бересты и обвязал тряпицами. Минут через десять боль стала утихать...»

Узнаете? Ну, конечно же, отрывок взят из книги замечательного путешественника В. К. Арсеньева, который подружился в дальневосточной тайге с находчивым и умелым следопытом Дерсу Узала. Этот гольд (так раньше называли нанайцев) хорошо знал природу своего родного края и был умелым врачевателем. Между прочим, избавил он Арсеньева от боли соком ломоноса. Это растение ядовито, на что, кстати, и название его указывает: попадет нечаянно листок в ноздрю, считай, день-другой будешь мучиться от сильной ломоты, а то и кровотечение откроется. Но Дерсу заметил и другую особенность растения: эта трава помогает от укусов змей, именно ее-то и едят охотничьи собаки. Она вызывает обильное выделение слюны, которая, смешиваясь с соком ломоноса, прекращает действие яда.

Дерсу Узала был нанайцем, что, как известно, в переводе на русский означает «лесной человек». Стойбища соплеменников Дерсу располагались в глухой тайге, на берегах дальневосточных рек. Наблюдательные «лесные люди», конечно, подмечали свойства растений, использовали их в пищу и для лечения болезней. Но удивление вызывает вот что: серьезные, авторитетнейшие ученые при описании лекарственных растений Приамурья ссылались на какие угодно данные тибетской, китайской, корейской, русской народных медийин, но только не на сведения, полученные от коренных жителей Дальнего Востока — нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев и других малых народов. Более того, по данным литературы выходило так, будто бы они вовсе и не умели лечиться. Ну, использовали всего каких-то тридцать видов растений.

И вот хабаровские ученые ботаник Галина Георгиевна и зоолог Леонид Александрович Востриковы, усомнившись в справедливости подобных суждений, решили организовать экспедицию за лекарственными растениями Приамурья, разыскать местных травников-врачевателей, собрать рецепты их лекарств. Другого способа изучать медицину народов Дерсу нет: ведь до революции они не имели своей письменности и, значит, из поколения в поколение передавалась только устная информация. Значит, и изучать надо прописи нанайских народных лекарей не в тиши ученых кабинетов, а где-нибудь у таежного костра, в далеком селе.

— В общем, отправились мы в путь с группой хабаровских студентов-фармацевтов, — рассказывает Галина Георгиевна. — Хоть и рисовалась нам экспедиция далеко не увеселительной прогулкой, в действительности она оказалась гораздо сложнее, чем предполагали. По бездорожью, в дождь и ошеломляющую тридцатиградусную жару пробивались по приамурским джунглям с пудовыми рюкзаками. Спали в душных палатках: только откроешь полог — тут же налетает туча осатаневших комаров и мошек. Уши начинали гореть — первый признак появления мокреца, мельчайших, почти невидимых кровососущих насекомых. Они набиваются в волосы, нос, рот и, кажется, даже всемогущая «дэта» против них бессильна! Застигали нас в пути и лихие ливни — враз промокали до самой последней нитки; и все же в первую очередь спасали от бешеного потока с небес не себя, а собранные гербарии. Да что там говорить! — Галина Георгиевна машет рукой и смеется: — Высшим лакомством были медовые пряники, которые старались размочить в кипятке — иначе не угрызешь!

В общем, нелегка оказалась жизнь следопытская. Но трудности окупались с лихвой. Итоги нескольких экспедиций позволили сделать вывод: народная медицина «лесных людей» сохранилась! Побывав почти во всех населенных пунктах, где проживают малые народности Приамурья, ученые «проинтервьюировали» около 760 человек, изучили в лабораторных условиях великое множество растений. Оказалось: в нанайской народной медицине используется около 90 различных видов растений, фармакопей этого народа насчитывает 235 рецептов против различных заболеваний. Многие из лечебных травок вовсе были неизвестны научной медицине. Южные соседи нанайцев — удэгейцы — пользовались 66 видов растений, а ульчи — 63 вида. Любопытно такое обстоятельство: лекарственные травы применяются в большинстве случаев лишь в свежем виде. Впрочем, это легко объясняется. Тот же Дерсу Узала, живший в тайге круглый год, в случае необходимости лечился, что называется, на ходу — у костра, в шалаше из ельника, в какой-нибудь заброшенной землянке. Ему никак нельзя было разнеживаться в теплой постели, готовить настои, порошки, микстуры — лекарство должно быть простым и быстродействующим, чтобы человек не прерывал надолго охоту или рыбалку. Вот и пользовался добытчик при простуде простыми горчичниками: собирал траву прострела китайского, запаривал ее и обкладывал тело — ломота и кашель быстро проходили. А если замерзаешь от холода или устал в дороге, найди какую-нибудь посудину, подсоли воду и сунь в нее несколько пучков обыкновенной пижмы и через

минуту-другую растирайся, как мочалкой, корзинками цветов этого растения — будешь бодр и свеж! Мне, к слову, довелось пользоваться этим оригинальным рецептом. Подтверждаю: средство, что и говорить, эффективное!

От случайных порезов и ссадин охотнику помогут листья кровохлебки мелкоцветковой. Их растирают, прикладывают к ранке и перевязывают тряпкой. То, что кровохлебку можно использовать в таком качестве, известно и из официальной фармакопеи, да и название растения говорит само за себя. Интересно другое: мы-то привыкли пользоваться кровохлебкой аптечной, той, что имеет длинные головчатые, часто поникающие красноватые соцветия. У кровохлебки мелкоцветковой они белые — вот и все различие. И кто знает, может быть, когда сократятся естественные запасы привычной нам кровохлебки, придется вводить в медицинскую практику белую?

Древние нанайские врачеватели давно открыли целебные свойства многих растений из тех, что современные фармакологи только-только начинают изучать. В путевых дневниках Галина Георгиевна и Леонид Александрович занимательно описали «знакомство» с одной из целебных травок:

«Где бы нам ни приходилось побывать, будь то нанайские села Джонка или Найхин, ульчские Булава или Калиновка, повсюду это растение называлось одним из первых...

— Годиалхин, — почтительно представила нам очередное растение старая нанайка и протянула сморщенный сухой корень. Мы впились в него глазами, лихорадочно соображая, к какому виду растений относится это, как говорят фармакологи, сырье.

Старуха скользнула взглядом по нашим вытянувшимся физиономиям и продолжала бесстрастно попыхивать трубкой.

— А как называется все растение? Это трава или кустарник? От чего лечит? — затараторили мы.

Наш добровольный помощник — наш «толмач» Гоша — кивнул коротко остриженной головой и что-то прокричал старухе. Ее лицо прояснилось.

— Годиалхин, — как заклинание повторила она и, не повышая голоса, продолжала невнятно рассказывать.

— Годиалхин — так называется все растение! — прокричал Гоша. — Оно травянистое, растет по берегам рек, где есть песок или галька, высотой что-то около полуметра, — он развел руки, наглядно представив нам длину растения, на что нанайка утвердительно закивала головой.

— Цветки, — продолжал кричать Гоша, — как бы в кучках! (Понятно — собраны в соцветия). Лепестки желтые, разные по этому самому... по

размеру! (Уж не из бобовых ли эта годиалхин?) Семена — как маленький горох! (Ну, конечно, из бобовых!)...

Да-а, вот и найди по такому описанию чудесное растение годиалхин! И показала бы его на-найская бабушка, да, увы, ноги далеко не ходят. В других селах об этой траве, конечно, слышали, да поблизости она не растет. И все-таки нашли эту самую годиалхин, которая известна ботаникам под именем софоры желтеющей. Все ее части считаются лекарственными. Современные фармакологи внимательно изучают свойства растения, проводят различные опыты и анализы. Учитывается теперь и многовековой опыт медицины народов Дерсу.

Традиционно самым знаменитым растением Дальнего Востока считается женьшень. А вот о скромняге хато-охто, пожалуй, мало кто слышал. Хотя нанайцы ставят и его наравне и, может быть, даже немножко выше женьшеня. Из этого растения получают целительное средство, восстанавливающее силу, возвращающее бодрость и здоровье.

А научное название хато-охто — гастродия высокая, или пузатка высокая. Удивительное это растение лишь на шестой — десятый год выносит на поверхность земли мощную цветоносную стрелку, а до того покоится в почве, копит силы. Может, это и не случайно? Ведь гастродия высокая — представительница тропического рода — только одна шагнула на север так далеко. И не потому ли просыпается от спячки обычно в жаркое и влажное лето?

А «портрет» хато-охты таков: крепкий, почти метровый светло-кремовато-желтый побег, вместо листьев — что-то наподобие светло-коричневых чешуек, а заканчивается стебель рыхлой кистью невзрачных цветов. Корневище напоминает небольшой клубень картофеля. На нем, кстати, видны поперечные кольца вроде годовых колец на срезе дерева. Посчитайте их — узнаете возраст таинственного хато-охто.

Не для красного словца назвал гастродию таинственной. О ее жизни известно пока что немного. Растет хато-охто в Приморье, на Курилах, встречается на Сахалине. Но чаще всего находили растение в Нанайском и Комсомольском районах Хабаровского края, где найдено 29 пунктов произрастания «пришельца из тропиков». А то, что это растение пока что остается в тени величественного женьшеня, вполне объяснимо. О его целебных свойствах нанайцы-врачеватели не очень-то распространялись, берегли в секрете даже от своих соплеменников, тем более от представителей других национальностей. К тому же гастродия всегда немного росло в лесах Приамурья, и встретить ее — удача не меньшая, чем находка жень-

шеня. Может, еще и этим объясняется «неразглашение сведений» о хато-охто?

Но как бы там ни было, а следопыты от науки все ж нашли в тайге клубеньки гастродии высокой, взялись за изучение свойств этого удивительного растения.

Галина Георгиевна, Леонид Александрович Востриковы, их спутники-студенты не могли, конечно, обойтись в своих походах без костров: хорошо сидеть у огня в кругу друзей, пить чай из прокопченного чайника, а бросишь на угли пучок полыни — комары и мошки вмиг примут нейтралитет. И вот у этих-то костров записывали ученые сведения о «дымовой» терапии нанайцев. Старики рассказывали: воздух в жилищах раньше освещали, сжигая пучки еловых или пихтовых веток. А чтобы скорей заснуть, достаточно бросить в огонь сангурэ — так народ Дерсу называет багульник подбел. Дымом некоторых растений как бы «полоскали» рот, медленно набирая его в гортань. Процедура не из приятных, но зато эффект поразительный: ранки во рту затягиваются, язвочки заживают...

Ученые-следопыты записали немало интересных рассказов о свойствах различных растений. Стоп-стоп! Написал эту фразу и сам себя пожурил: ну что я сказал ему? Так, обычный «штамп». А надо бы написать, что Г. Г. и Л. А. Востриковым пришлось переквалифицироваться чуть ли не в Шерлоков Холмсов, чтобы нанайские, ульчские и удэгейские названия трав перевести на русский язык, затем — на латынь. Эпизод с годиалхин — тому пример. К тому же «лесные люди» хранили рецепты не в толстых фолиантах, а в памяти — из поколения в поколение передавалась устная информация. А если сработало правило «испорченного телефона» и что-то дошло до наших дней в искаженном виде? Значит, нужно собрать как можно больше сведений об одном и том же растении, а уже из них выбрать наиболее часто повторяющийся рецепт. А после экспедиций — лабораторные опыты, разбор и систематизация записей, да мало ли еще какой кропотливой работы! В конце концов, составленный учеными список лекарственных растений нанайской народной медицины с указанием сырья и его назначения был предложен вниманию медиков. Вышла и книга Г. Г. Востриковой и Л. А. Вострикова «Медицина народов Дерсу», кстати сказать, тут же ставшая библиографической редкостью.

Дальневосточная тайга свои тайны открывает иногда с трудом, не всем — только особенно пытливым. В зеленой ее аптеке чего только нет — и привычные: валериана, пустырник, подорожник, и такие растения, которые нигде больше не встречаются, — аралия, элеутерококк, заманиха, лимон-

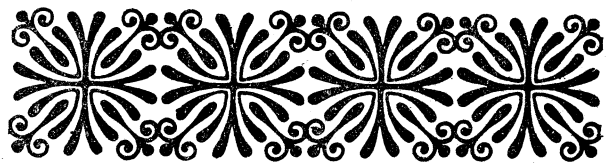
ник и другие. Многие уже тщательно изучено. К примеру, пихта дарит нам удивительный бальзам, из которого получают канифоль, скипидар и клей для склеивания оптических линз. Масло, получаемое из ее лапника, признано отличным средством для лечения радикулита и различных ОРЗ, так осложняющих нашу жизнь зимой. Но многое еще не узано, не апробировано, только-только начинает изучаться!

Вот, к примеру, черемша. Это растение нашло себе дорогу даже в космос. Оно включалось в бортпаек космонавтов В. А. Джанибекова и В. П. Савиных. И не случайно! Черемшу, или охотский лук, с удовольствием ели и лечились ею коренные народы Дальнего Востока. «Зубы айнов белы, как опаленная солнцем кость, прочны, как клыки волка,— утверждали древние жители Сахалина айны.— Зубы их оттого так белы, что они круглый год едят черемшу...»

Черемша «не токмо за нужный запас, но и за лекарство почитается»,— писал известный дореволюционный исследователь Дальнего Востока С. П. Крашенинников. По его свидетельству, охотский лук поднимал на ноги казаков первой Камчатской экспедиции, которые «так оцинжали», что упали на четвереньки «по тех пор, пока снег стоял. Как появилась черемша, то казаки пустились есть оную с великой жадностью, спустя две недели они совершенно оздоровели». В народной медицине этот дикорос издавна заменяет целую аптеку современных лекарств. Он применяется как общеукрепляющее средство, а также при простуде, кашле, бронхите, некоторых болезнях сердца и сосудов, ревматизме. Перечень болезней, которые излечивает скромная травка, можно продолжить. Вдобавок она еще помогает человеку бороться с фитифторой, кукурузной пузырчаткой и другими болезнями сельскохозяйственных культур. Но вот парадокс: лечебные возможности черемши современные фармакологи, увы, исследовали не полностью. Впрочем, профессор Хабаровского медицинского института, большой знаток дальневосточных лекарственных растений Н. К. Фруентов выращивает охотский лук на своем садоводческом участке. Его примеру следуют сотни садоводов-любителей Приамурья. Теперь плантации черемши есть не только в таежной глухомани. И если уж профессор, не дожидаясь официальных заключений медицинских лабораторий, культивирует черемшу, употребляет ее для поддержания здоровья, то, знать, и нам она не вредна. Впрочем, многовековой опыт медицины народов Дерсу это наглядно доказал. Дело теперь за практикой. Многие из растений, которыми издревле пользовали своих пациентов приамурские лекари, уже вошли в составы различных настоек, микстур, мазей. Конечно,

современная медицина не может, да и не должна принимать на веру рецепты народных целителей. Все лучшее, накопленное ими, нужно проверить, провести надлежащие эксперименты и только после этого рекомендовать в производство. Впрочем, в современной медицинской практике до 45 процентов препаратов готовятся из растительного сырья. Что касается средств от различных сердечных болезней, то из растений делается их до 80 процентов! Так что научная медицина унаследовала от народной медицины множество растительных лекарственных средств.

— Потребность и интерес к лекарственным растениям из года в год возрастает,— сказал мне заслуженный лесовод РСФСР, известный знаток дальневосточных растений Н. В. Усенко, когда я попросил его оценить следопытскую работу специалистов, изучающих медицину народов Дерсу.— Уссурийская тайга — настоящая зеленая аптека с великолепным ассортиментом природных лекарств: растет в ней до трехсот видов целительных трав, деревьев, кустарников! Многие из них с успехом применяются в народной медицине, но пока еще не вошли в научную фармакопею. Потому подвизническим представляется мне труд специалистов, которые неустанно занимаются изучением опыта древних врачей Приамурья, проводят опыты с местными лекарственными растениями. Медицинские институты Дальнего Востока, Институт биологически активных веществ Дальневосточного научного центра АН СССР, Тихоокеанский институт географии и многие другие научно-исследовательские учреждения многое сделали для того, чтобы ассортимент и качество заготавливаемых на востоке страны лекарственных растений и препаратов росли из года в год. Надо полагать, и в дальнейшем будут расти! Ведь, как говаривал один из первых российских академиков, солдатский сын И. И. Лепехин, «лучшие лекарственные средства не умствованием врачей, но употреблением простолодинов открыты были». Так что никак нам нельзя забывать и опыт медицины народов Дерсу!







## Незнание или служебная халатность?

«Литературная газета» переслала нам письмо своей читательницы, которое публикуется ниже.

*«Уважаемая редакция!*

*Я ваша постоянная читательница, но обращаюсь впервые. Обращаюсь не совсем по адресу, но просто не знаю, где высказать интересующий меня вопрос. А написать решила после начала дискуссии о судьбе научной фантастики, развернувшейся на страницах «Литературки». Я большая почитательница НФ и отнюдь не разделяю тревог по поводу ее будущего (ведь в «нефантастической» литературе появление новых талантливых имен тоже большая редкость, но это никому не внушает тревог по поводу судьбы всей литературы).*

*Но я хочу задать чисто практический вопрос: «Где читать новые произведения фантастики?» Не буду говорить о мизерности и поэтому недоступности тиражей, этому уделено много внимания в выступлениях участников дискуссии, правда, будет ли от этого польза?.. Но я уже третий год безуспешно пытаюсь подписаться на журнал «Уральский следопыт». Я имею в виду — подписаться легальным путем, без использования института знакомств. Старых знакомых в этой области у меня нет, а поскольку я несколько лет после травмы позвоночника прикована к дому, то бегать и заводить их теперь не могу просто физически. Журналы типа «Вокруг света» и «Знание — сила» друзья подписывают для меня регулярно, но, услышав название «Уральский следопыт», распространители делают квадратные глаза и начинают говорить, что это ошибка, так как такого не существует вообще. Правда, распространитель в одной школе (там работает моя подруга, и на нее я возлагала определенные надежды, ведь для учителей подписка теперь вроде бы не лимитирована) была в курсе существования такого журнала, но в ответ на просьбу — подписать — от души расхохоталась и сказала только: «Ну и желанница у тебя!»*

*Интерес к этой подписке превратился у меня уже чисто в спортивный. Годовая подписка на «Искатель» уже давно превратилась в предмет спекуляции, а «Уральский следопыт» — это, оказывается, вообще фантом. Складывается впечатление, что журнал этот сродни НЛО — многие о нем слышали, некоторые вроде бы и видели, а конкретных сведений нет.*

*Может быть, вы, уважаемая редакция, подскажете, как можно подписаться на этот неуловимый журнал или хотя бы укажите, где находится его редакция, чтобы можно было переадресовать эти вопросы туда.*

*С уважением Светлана ВОВЧЕНКО  
290011 г. Львов,  
ул. Волощак, д. 3, кв. 1.»*

**Комментарий главного редактора.** Начну с того, что в нынешнем году значительно, на 80 тысяч, прибавился отряд читателей «Уральского следопыта», и сейчас тираж нашего издания составляет 385 тысяч экземпляров. Расширилась и география подписки, о чем мы предполагаем

рассказать более подробно в последующих номерах. В частности, на Украине, согласно данным «Союзпечати», насчитывается более 20 тысяч подписчиков «Уральского следопыта», что, безусловно, радует наш журналистский коллектив. В этом есть заслуга республиканского управления, областных агентств «Союзпечати», всех работников связи, общественных распространителей Украины, за что редакция им искренне признательна.

Но с Украины же (впрочем, не только оттуда), но и из других мест, включая, странным образом, Москву и Ленинград, идут и тревожные сигналы, подобные тому, что написала С. Вовченко. Буквально через несколько дней после письма из «Литгазеты» в редакцию журнала поступило новое и опять-таки с Украины: прочитурем и его, благо оно короткое.

*«Я имела такое удовольствие встретить Ваш журнал и перечитала его от корки до корки. Журнал очень мне и моим домашним понравился. Но когда я обратилась в «Союзпечать», то мне отказали в подписке на него. Я очень прошу, где и как нам выписать Ваш журнал. Не посчитайте за труд, если это можно сделать, выслать наложенным платежом журнал «Уральский следопыт». Остаюсь без конца Вам благодарна, если мне будет такая удача.*

*Ворошиловская обл.,  
Красный Луч, Королева, 5.—  
КАУНОВОЙ Ксении Григорьевне».*

Вот такие вот письма. А сколько, добавлю от себя, тех потенциальных наших читателей, которые, получив в окошечке «Союзпечать» лаконичный отказ, так и остались в заблуждении; что журнал либо вообще не существует, либо он по каким-то непонятным причинам или указаниям свыше «страшно залимитирован». Есть, как видите, острая необходимость объясниться через журнал с читателем и работниками связи.

Давайте по порядку. Как могут служебные лица уверять посетителей, что такого журнала не существует, если у них всегда под рукой каталог изданий, где на странице 56, что называется, черным по белому выведено: индекс 73413 «Уральский следопыт» (40 к, г. Свердловск, ОАС).

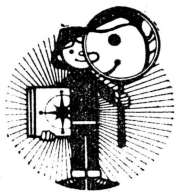
Далее. Ежегодно до сведения всех должностных лиц, занимающихся подпиской, доводится приказ Министерства связи, который на то и нужен, чтобы никому и нигде не было вольно трактовать его так, как кому вздумается. В приложении № 1 есть перечень журналов, подписка на которые принимается на уровне выделенных тиражей. «Уральский следопыт» в этом перечне не значится. Следовательно, подписка на него — не ограничена!

Более того: в решениях директивных органов неоднократно подчеркивалось, что на детские издания лимитные ограничения не распространяются. «Уральский следопыт», как указано на титульном листе, является журналом для детей и юношества. Как свидетельствует редакционная почта, нас охотно читают и взрослые. Но это разговор особый, в данном случае еще раз оттенить статус издания как детского, и, следовательно, должностные лица не просто должны, а **обязаны**, согласно указаниям директивных органов, способствовать его распространению.

Признаться, мне, журналисту, неловко растолковывать и пояснять инструкции и приказы работникам связи, которые по роду своей профессии обязаны знать их назубок и повседневно руководствоваться ими. Что это — незнание? Возможно, но это мягкая формулировка. Думаю, читатели присоединятся к мнению редакции, что подобные факты следует трактовать как служебный проступок или халатность, за который конкретное лицо в каждом отдельном случае должно нести ответственность.

Близится подписная кампания. Редакция и впредь будет реагировать на сигналы читателей. Но мы просим и читателей быть граждански активнее, самим добиваться осуществления своих прав. На это прежде всего и рассчитана данная публикация. Ну, а если и она не поможет... Напоминаем адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-351,  
ул. 8 Марта, 22в.



## МИР НА ЛАДОНИ

### Крепость в микрорайоне

Залюбуешься городком «Старая крепость», который вырос в одном из кварталов нового в Нижнем Тагиле Гальяно-Горбуновского жилого массива. Затейливые башни, выложенные из кирпича, металлические кружева придают сооружению вид древнего замка. Ребята резвятся в его лабиринтах, лихо штурмуют стены.

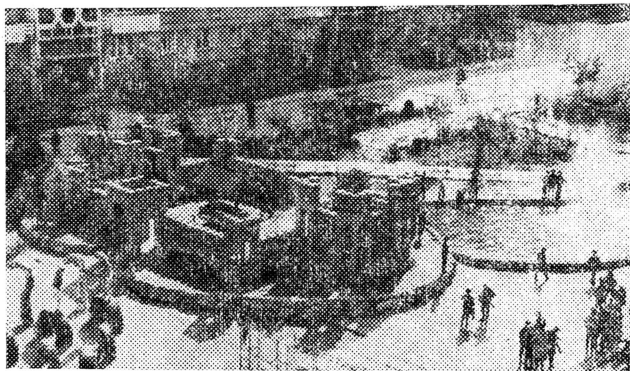
Сначала этот сказочный городок возник на бумаге. Его нарисовал Сергей Хворос, слесарь по профессии. Задумку рабочего поддержали в ЖКО. Сергей принимал участие и в кладке кирпичей.

Подобные детские городки, можно надеяться, появятся и в других местах, если там поддержат энтузиастов. И материал, порой, найти не сложно: ведь сколько старых домов идет на слом!..

А Сергей Хворос вынашивает новую идею — построить в том же микрорайоне космодром с фантастическими космическими кораблями.

**М. РАФИКОВ**

На снимке: детский городок.



### Угри... на Урале

В середине лета инспектор Свердловской областной госавтоинспекции А. Ушахин вышел на рыбалку. Он не поехал на дальнее озеро, а пошел к Исети в черте Свердловска, взяв снасть — донку с клинковой леской и скользким грузом. Как наживку поставил рыбку, — она хорошо держится на крючке, подвсплывает.

Ждал долго. Поплавок стал ритмично раскачиваться. Рывок — и на берегу оказалось странное для уральца существо.

Долго рассматривал Ушахин добычу. Хвост похож на налиимый. Но — острая голова, своеобразный рот... Неужели — угорь?

Ушахин поехал в рыбинспекцию. Там подтвердили: угорь.

Итак, угорь. Но — откуда? Ясно, что не с Балтики, хотя теоретически угорь и по воде мог попасть на Урал (если не принимать во внимание плотины).

В Свердловске на Верх-Исетском металлургическом заводе разводят карпов. Позвонили туда, в рыботоварный цех. Его начальник Ю. Бобылев категорически заявил:

— Наша рыба!

— Но на ВИЗе — карпы?..

— Верно, а три года назад мы завезли личинок угря.

Очень трудно содержать такую рыбу — она ест пищу и животного происхождения, и растительную. Любит ил. А мы могли предложить ей только специальные ванны. Кормили тем, что могли достать в местных условиях. А на комбикормах, пригодных для карпа, вырастить угря почти невозможно. Я говорю «почти», потому что часть угрей все же выжила, растет вместе с карпами. За это время они достигли длины 50—80 сантиметров.

— Так этот удрал от вас?

— Нет, немного не так. Знаете выражение «скользкий, как угорь»? Так вот: часть личинок от нас убежала, воспользовавшись щелью.

— И три года они жили в городском пруду? А не сбежал ли угорь этой весной?

— Ну, нет. Тех, что остались, мы, можно сказать, в лицо знаем...

Итак, люди провели эксперимент, привезя угрей на Урал и попробовав разводить их в совершенно, казалось бы, неподходящих условиях. Свой эксперимент провела и уральская природа. В городской пруд, богатый кормом, попали личинки угря. Сколько их выжило — неизвестно, но первая пойманная рыба доказала, что она не голодала. Длина ее — 67 сантиметров.

С того же Верх-Исетского завода в городской пруд стекает теплая вода. Не благодаря ли ей угорь спокойно перенес три холодные зимы? Если это так, то сама природа подсказывает решение — угрей на Урале (и в Сибири) можно разводить в водоемах при ТЭЦ — в озерах и прудах, там, где есть выбросы теплой воды. Да и каждый металлургический завод является источником тепла. Сколько же таких мест по всей стране, где в самую суровую зиму над замерзающей водой клубится пар!..

**Э. ЯКУБОВСКИЙ**

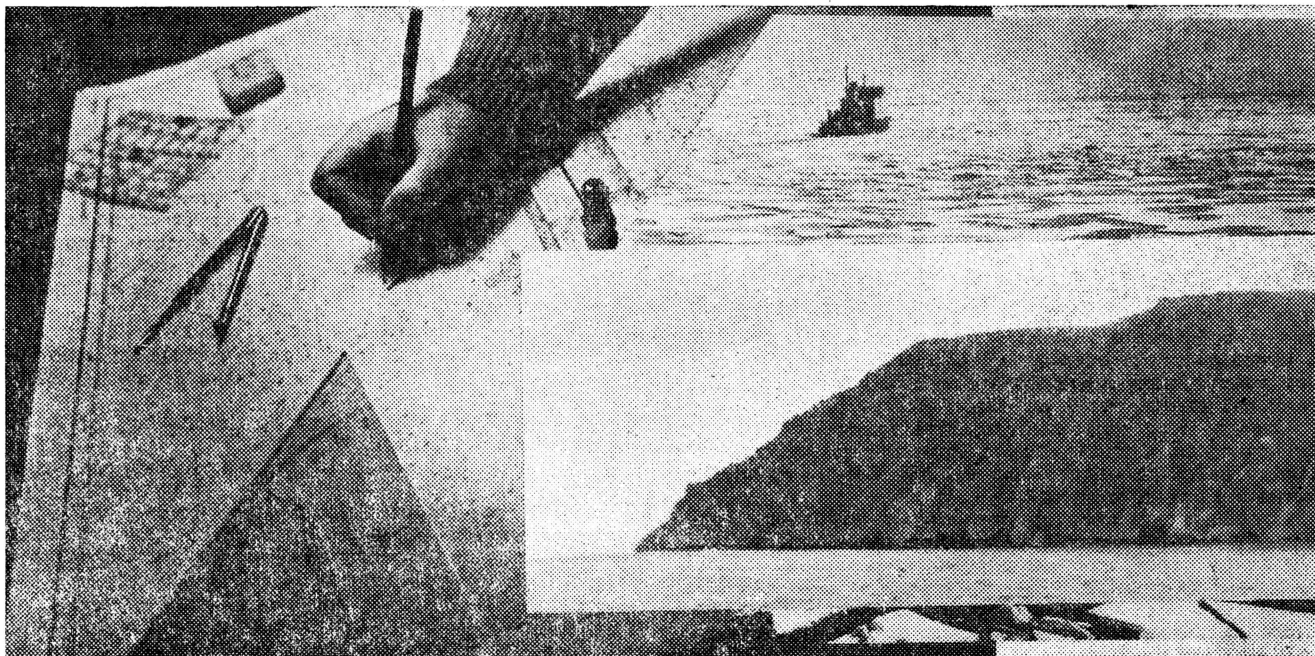
### Сибирская старина

Тюмень строится, быстро обновляется, исчезают деревянные дома, а с ними — и предметы старого быта. Но музеи и собиратели, помня о будущем, пополняют свои коллекции, чтобы можно было воссоздать образ жизни предков.

Тюменский газоэлектросварщик Г. Сидоров собрал коллекцию самоваров (и сам их отремонтировал). По ней потомки смогут представить, как сибиряки прошлого века пили чай...

На снимке: собиратель старинных самоваров Г. Сидоров





## РУБЕЖИ ОТЕЧЕСТВА

Юрий БОРИСИХИН

Фото автора и О. Капорейко

# Мыс Дежнева: богатырство России

Трижды, с разных точек, предстал передо мною восточный край русской земли мыс Дежнева. Видел его осенью, с косо снижающегося вертолета, мыс громоздился, топорщился серо-стальными выходами хребта; свежее-голубое, но вяло замерзающее полотнище Берингова пролива обтекало соседние мыски — Пээк, Литке, Кригуйгун с самыми восточными вершинами страны Неленкен, Кинникет. Видел зимой, в изморозно-туманный день, спустившись по скользкому ерыву Чукотского кряжа, под которым — межкоеанье Ледовитого и Тихого, дальше — синеватый берег Аляски. Ничуть не ослабляя дикой красоты, высится шестнадцатиметровый памятник Семёну Ивановичу Дежневу, установленный по решению Советского правительства в 1956 году на средства Главного управления Северного морского пути. В четырехстах метрах — покинутое эскимосское селение Наукан с желтыми кетовыми ребрами остовов жилищ и с таким охранительным силовым волею, что не помню, от какого уж такого смущения не смог ступить к поселку ни на шаг. И вот снова мыс перед нами.

Умоляюще поглядывали на капитана. Хотелось подойти поближе. Судно дало самый малый. Берег двинулся

навстречу. Отсюда мыс прикутан прозрачным сухим туманом, испещрен промывами кристально чистых стоков с подголубленных ледничков, мыс главное — он полностью соответствует тому точному и чеканному описанию, которое дал мысу сам Дежнев...

«А с Ковыми реки итти морем на Анадыр реку и есть нос вышел в море далеко. Против того носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи, (...) а лежит тот нос промеж север на полушник, а с Русскою сторону носа признака: вышла речка становье тут у Чухоч делано, что башни, из кости китовой».

Спустя почти 340 лет все как при Дежневе здесь — острова Ратманова и Крузенштерна, кость китовая, речкой омытая лагуна...

Вот судьба! Только в 1736 году участник второй Камчатской экспедиции русский академик Миллер обнаружил это подлинное донесение Дежнева в архиве Якутской воеводской канцелярии. И лишь в 1758 году Петербургская Академия наук опубликовала сообщение о его подвиге. Норденшельд на «Веге» во время первого сквозного плавания в 1879 году назвал крайнюю северо-восточную оконечность Азии мысом Дежнева. Но на кар-

тах мира обозначение появилось только в 1898 году, когда «раскачалось» и царское правительство, постановив «мыс Восточный именовать впредь мысом Дежнева».

Красив мыс! Есть на земле места, которые по особой завершенности соседства камня и воды, земли и неба можно назвать гениальными. Красота будит мысль неотступную и сокровенную: каково же богатство твое Россия, если в тот XVII век сибирские казаки, поморская вольница, уральский люд прошли через весь Евразийский материк до Тихого океана за какие-то шестьдесят лет! В то время как европейцам, чтобы освоить территорию Северной Америки от Атлантического до Тихого океана понадобилось около трех с половиной веков! Какая внушительная фигура и сам Семен Дежнев, совершивший небывалый первопроходческий подвиг, увенчавшийся великим географическим событием XVII века — открытием пролива между материками Евразия и Северная Америка!..

Двадцать лет длился поход. Из девяноста отважных мореходов вернулось только восемь. Такая цена за открытие.

Плывет тихо и мимо наше тысячесильное судно. Все свободные от вахты вышли к правому борту. Вот стоят Юрий Учитель, Андрей Щетинин, Николай Стрекалов, Виктор Иванов, Алексей Молоков, Виктор Меха. Кто они? Мореходы нашего века, только что одолевшие опаснейший пролив Лонга, как бы заминированный притонувшими толстенными льдинами. В этом районе был раздавлен «Челюскин». Сегодня же — в дальней выси, с непостижимой разуму скоростью вращаются вокруг земли спутники и выдают на голубенькое оконце дисплея курс, координаты корабля, варианты движения.

Да только светлее ли оттого арктическая ночь? Невидимый взлет и спад волны, робость прожекторного пятна, высвечивающего влажные, зеленодымные круги, похожие на глаза, вперившиеся в тебя одного, подталкивают держаться ближе к поручням. Проживши эту ночь, особенно полярную, долгую, неуступчивую, понимаешь определеннее, что человек, в сущности, вечный светопечатель, главный светохранитель. Ей, немилосердной этой ночи, ему, торосистому проливу Лонга, обязан я открытием для себя целого народа. Писал в дневнике перехода Уэлен—Мурманск: «Я, повторяю, знаю силу, которая исключает забвение Уэлена, Инчоуна, Энурмино, мыса Шмидта, мыса Биллингса, избы Четигуя, избы на Амгузме — очажков тяжкого арктического труда. Это завидные места, где в удесятенной степени встречаешь тепло, гостеприимство, бескорыстие».

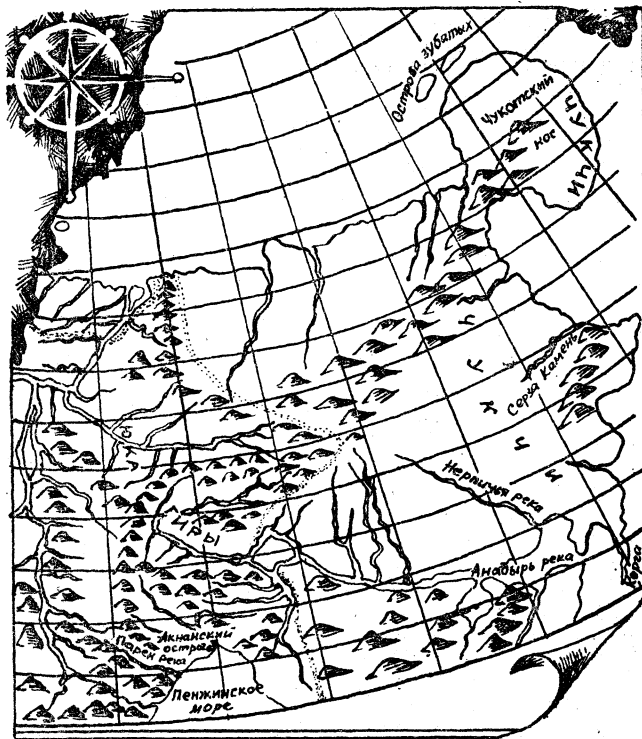
И сейчас не надо было заглядывать в записную книжку, чтобы вспомнить Зою Геамуте, заварившую нам прощальный уэленский чай, Михаила Рытлю, вырубившего мясом для собак, Юру Тымнетагена, заменившего мне сломанные нарты. Да разве без их поддержки прошли бы мы на упряжках тот дьявольский, первый же после мыса Дежнева пролив Лонга? Вспоминаю, как

жадно расспрашивали про Урал эскимосы и чукчи. Если Россия — дом наш, то Урал — матица его кровли. Если Арктика чаша почти нераспечатая, то Урал — подетав ее. Русская равнина и Сибирская — как бы крылья, а Урал — шов меж ними, крепчайший сварной шов, держащий эти два необозримых размаха.

У мыса Дежнева легко виделось, как здесь вот, с зеленой этой волны, качавшей сейчас нас, 20 августа 1920 года высадились двадцатитрехлетние Алексей Бычков и Гавриил Рудых, уполномоченные Камчатского облисполкома, первыми принесли весть о власти Советов в России. И она, Россия, не просто весть принесла, не пустую ладонь протянула, но отделила голодающему Уэлену 7 тонн муки, 300 килограммов кирпичного чая, 5 мешков сахара, по тем временам целое богатство...

Да не будем обойдены мы памятью, слухом духовным и зрением! Что ты нес в себе Дежнев Семен сын Иванов? Чем питал богатство и статью? Вон куда тянулась дорога судьбы его — Пустозеро на Печоре, Верхотурье на Туре, Тобольск, Березово на Оби, Амгузма и Яна, Устье Русское на Индигирке, Колыма и Анюйский хребет, «Великий море-окиян», Лена и Якутск, Чечуйский волок, Оленек-река, Верхоянск...

При тишайшем царе Алексее Михайловиче, в Москве самой, названной «богатырской заставой», уже шли кругами смуты, бунты, недалеко было и до Степана



Фрагмент карты Миллера — Дежнева



Разина, волнений в Новгороде и Пскове, казачьих войн в Малороссии, неистовых борений за «святоюрскую землю» Аввакума и Никиты Пустосвета, не отрехшихся от пламени слов своих, сожженных в деревянном срубе Пустозера. Вот какую завязь нес в душе Дежнев! В таможенной книге Пустозерского острога отмечено, что рабочий человек Дежнев «скитался меж двор», числился «ни в тягле, ни в посаде»...

В 1610 году Верхотурью для «морского кочевого дела» потребовался «плотник добрый», и нашли его по царской грамоте в поморском городе Пинеге — Селивана Мелентьева, «к морскому ходу, кочевому делу свычному». Дежнев проходил Верхотурье в 1630 году, и тогда там было, согласно Словарию Верхотурского уезда, 39 дворов стрелецких, 26 дворов посадских, 25 дворов пашенных крестьян и еще раньше переселено из Поморья 50 ямщиков, 80 плотников. Одних парных веников потребляло Верхотурье до 10 тысяч! И никаких противопоказаний тому, что кочем, впервые обогнувшим пролив меж Азией и Америкой, мог быть верхотурский. Открытие века было неотвратимым.

Стоишь на лютном ветре, секущем Чукотку, среди омертвляющих холодным полыханием снегов на берегу Анадыря и явственно слышишь слова первопроходца: «А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Анадыря реки ровно десять недель и пали на Анадырь реку вниз близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы бедные врозь разбрелись. И ходили двадцать дней, людей и аргиниц дорог иноземских не видали и воротились назад, и, не дошед за три днища до стану, обначевались, начали в снегу ямы копать...»

До возвращения домой пройдет еще двадцать лет. И заложат здесь дежневцы острог, построят кочи, отправятся тяжким обратным путем через хребты.

Еще и успевали посылать государству Российскому добытое в пути. За один привоз 1670 года казну пополнили 16533 соболя...

И шли, шли по дежневским тропам, как явствуют Верхотурские таможенные книги, яренчане, устюжане, важане, вычегжане, сольвычегодцы, вятчане. К концу семнадцатого века 11 тысяч русских семей трудились в Западной Сибири...

Историками документально установлено 177 проходов кочей по морям Арктики только за период с 1639 по 1670 год. Но победным стал дежневский...

И как связующая нить времен отсюда 5 марта 1934 года на спасенье челюскинцев вылетел самолет А. В. Ляпидевского, одного из семерки первых Героев Советского Союза. Мыс впитал богатырство российское. Нет без дерзания России. Нет России без труда и подвижничества. Нет ее без подвига. Вот что нам мыс говорит.

Мы стояли на лагуне с жительницей Уэлена, русской женщиной Людмилой Александровной Пантелеевой, отдавшей Арктике почти полвека, еще девчонкой видевшей здесь геройский взлет Ляпидевского. Она говорила мне, что, как ни далек поселок Уэлен, она чувствует кровную связь свою со всей огромной нашей страной. Я знал, что когда-нибудь услышу такое. Сказал же Достоевский: «Мы велики, как матушка-Россия».

В тот же день звонил я в поселок Лаврентия, стоящий под южным ребром Чукотского кряжа. Там живет эскимоска с русским именем — Ульяна Тулюкак: Она ставила печать на письмо мое домой.

— На Урал письмо? — переспросила она.

— Да, на родину. А ваша где?

— Моя родина — поселок Наукан.

И хоть плоховато слышно через ветровой хребет, прокричал в трубку:

— Я видел твой Наукан, Ульяна...

Мы помолчали. Единят нас такие минуты, когда мы думаем и про свое сокровенное, и про общую судьбу нашу, мы — один народ...

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в.  
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 31.03.86. Подписано к печати 12.05.86. НС 30154. Формат бумаги 84×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Высокая печать. Усл.-печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 385 000 экз. (2-й завод: 250 001—385 000). Заказ 473. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.





Восточная окраина России.



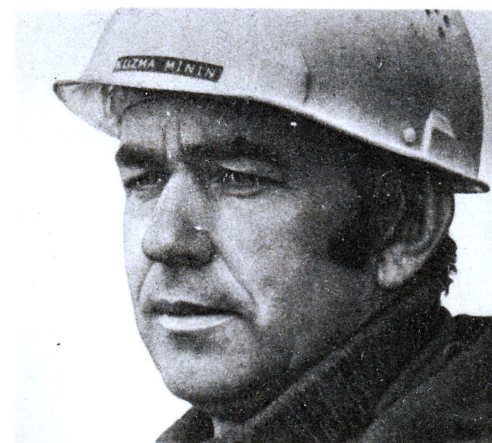
Рубежи ОТЕЧЕСТВА



Мыс Дежнева.

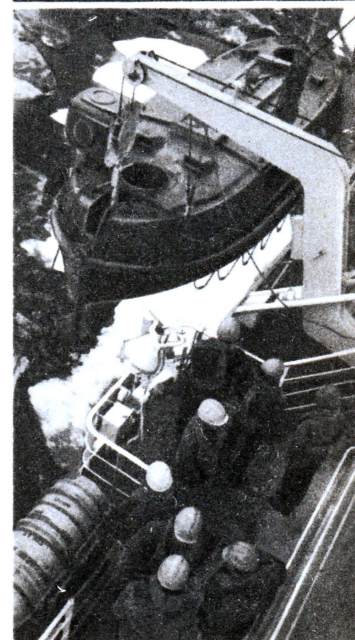


Осмотр судна после тяжелых льдов.



Боцман Павел Таран.

Старший помощник капитана Андрей Подобед



Учения на теплоходе «Кузьма Минин».



# ТОВАРЫ-ПОЧТОЙ

## КИНО

В НАШЕМ ДОМЕ

Впервые, и пока только мы, Свердловская база Роспосылторга предлагает купить по почте аппаратуру для демонстрации кино- и диафильмов:  
кинопроекторы «Русь» (цена 108 руб.) и «Волна-3» (100 руб.),  
диапроектор «Свет-ДМ-4Т» (40 руб.).

Зарядка пленки в кинопроекторы — автоматическая; предусмотрено плавное изменение частоты кадров (от 12 до 26 в секунду у «Руси» и от 16 до 24 у «Волны-3»); питание аппаратов — от бытовой электросети.

С помощью диапроектора «Свет ДМ-4Т» можно демонстрировать диафильмы, рамочные диапозитивы, любительские кадры 18×24 и 24×36 мм на пленке шириной 35 мм.

В большом выборе также сами узкоплочные (8 мм) фильмы о природе, животных, кинопутешествия, мультфильмы, художественные ленты для детей и взрослых.

Подробные каталоги кинофильмов и диапозитивов, которые можно купить, имеются во всех почтовых отделениях.

Заказы следует направлять нам или на специальном бланке, или обыкновенным письмом. Оплата товаров — в момент получения посылки.

Наш адрес: 620068, Свердловск, ул. Учителей, 38.  
Свердловская база Роспосылторга

ФИЛЬМ?  
ФИЛЬМ!  
ФИЛЬМ!